

ВЕСТНИК

Московского университета
имени С.Ю. Витте. Серия 2

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

2024
4(44)

ISSN 2587-9472

Эн № ФС77-77599

ISSN 2587-9472

Эл № ФС77-77599

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте. Серия 2. Юридические науки

№ 4 (44)' 2024

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Главный редактор

Бабурин С.Н.,

д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права

*Московского университета имени С.Ю. Витте, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик
Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии.*

Редакционный совет:

Председатель – Бабурин С.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры публичного права Московского университета имени С.Ю. Витте, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, заслуженный деятель науки РФ, почетный академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, иностранный член Академии наук Абхазии;*

Бандурин Н.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор гражданского и предпринимательского права Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России);*

Букалерева Л.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и процесса Московского университета имени С.Ю. Витте;*

Бытко С.Ю., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры прокурорского надзора и криминологии Саратовской государственной юридической академии;*

Гушин В.В., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры гражданского и предпринимательского права Российской государственной академии интеллектуальной собственности;*

Давитадзе М.Д., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Землин А.И., *д-р юрид. наук, профессор, заведующий кафедрой транспортного права Российского университета транспорта, заслуженный деятель науки РФ;*

Кожевников О.А., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В.Ф. Яковлева;*

Левушкин А.Н., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Осавелюк А.М., *д-р юрид. наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина;*

Сауляк О.П., *д-р юрид. наук, доцент, заведующий кафедрой государственно-правовых дисциплин Института права и управления Московского городского педагогического университета;*

Федюнин А.Е., *д-р юрид. наук, доцент, профессор кафедры уголовного процесса Саратовской государственной юридической академии;*

Арабаев Ч.И., *д-р юрид. наук, профессор, академик Национальной академии наук Кыргызской Республики, вице-президент НАН КР (Кыргызстан);*

Балыева Д.Ю., *заведующий кафедрой международного права и сравнительного правоведения Института международных отношений МИД Туркменистана (Туркменистан);*

Василевич Г.А., *д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист Республики Беларусь, член-корреспондент Национальной академии наук Республики Беларусь, заведующий кафедрой конституционного права Белорусского национального университета (Белоруссия);*

Кекеновски Й., *д-р полит. наук, профессор, профессор Университета Св. Климента Охридского, (Северная Македония);*

Ного С., *д-р юрид. наук, профессор, президент Сербской ассоциации международного уголовного права, вице-президент Пекинского Международного форума уголовного и международного уголовного права, профессор юридического факультета и заведующий кафедрой уголовного права Университета «Мегатренд», (Сербия);*

Рагимов И.М., *д-р юрид. наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, заслуженный юрист Азербайджанской Республики, президент Ассоциации юристов Черноморско-Каспийского региона (Азербайджан);*

Чанхай Лун, *д-р юрид. наук, профессор юридического факультета Университета Внутренней Монголии (Китай).*

Все права на размножение и распространение в любой форме остаются за издательством.

Нелегальное копирование и использование данного продукта запрещено.

*Системные требования: PC не ниже класса Pentium III;
256 Mb RAM; свободное место на HDD 32 Mb; Windows
98/XP/7/10; Adobe Acrobat Reader; дисковод CD-ROM 2X
и выше; мышь.*

© ЧОУВО «МУ им. С.Ю. Витте», 2024

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ПРАВА

СТАНОВЛЕНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В IX–XVIII ВЕКАХ	7
<i>Арсякова Ирина Николаевна, Видова Татьяна Александровна</i>	
ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА В ВОПРОСАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ ИСХОД.....	14
<i>Савощикова Евгения Васильевна</i>	

СОДЕРЖАНИЕ, ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ	20
<i>Самородов Дмитрий Альбертович, Мережкина Марина Сергеевна</i>	
К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ.....	25
<i>Чернядьева Наталья Алексеевна</i>	
ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ЗАЩИТУ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН	32
<i>Касс Кристина Габриеловна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ЧАСТНОГО ПРАВА

ЭКОНОМИЯ УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УПРАВЛЕНИЮ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ	38
<i>Сулова Светлана Игоревна</i>	
ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИИ.....	45
<i>Алешукина Светлана Александровна</i>	
ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ.....	51
<i>Шахов Николай Иванович, Казанцева Ольга Геннадьевна</i>	

АКТУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ УГОЛОВНОГО ПРАВА, УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА И КРИМИНАЛИСТИКИ

ДАЧА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯМИ И ПОТЕРПЕВШИМИ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ	59
<i>Меркулова Марина Викторовна</i>	

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ	65
<i>Геранин Виталий Владимирович, Мальцева Светлана Николаевна</i>	
ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИЧНЫХ И ВЕРОЯТНОСТНЫХ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТА В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ	72
<i>Палиева Оксана Николаевна, Палиев Владимир Борисович, Фоменко Ирина Владимировна</i>	

СУДОПРОИЗВОДСТВО. ПРОКУРОРСКАЯ И ПРАВОЗАЩИТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ	78
<i>Устинова Анжелика Владимировна</i>	

CONTENTS

ISSUES OF THEORY AND HISTORY OF LAW

THE FORMING OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS
IN RUSSIA IN THE IX–XVIII CENTURIES 7
Arsyakova I.N., Vidova T.A.

FACTORS INFLUENCING THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF A MEDICAL WORKER
IN MATTERS OF RESPONSIBILITY FOR AN UNFAVORABLE OUTCOME 14
Savoshikova E.V.

CONTENT, PROBLEMS AND TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PUBLIC LAW

THE DIGITAL RUBLE AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION
IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE CONCEPT AND PROSPECTS
OF APPLICATION 20
Samorodov D.A., Merezhkina M.S.

ON THE ISSUE OF THE FEATURES OF INTERNATIONAL
AND DOMESTIC LAW AS INDEPENDENT LEGAL SYSTEMS.....25
Chernyadeva N.A.

IMPACT OF LEGAL EDUCATION ON THE PROTECTION
OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS 32
Kass K.G.

RELEVANT ISSUES OF PRIVATE LAW

SAVINGS OF THE MANAGING ORGANIZATION WHEN CARRYING OUT ACTIVITIES
ON THE MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS 38
Suslova S.I.

INFLUENCE OF FAMILY ON THE REALIZATION OF ELECTORAL RIGHTS
OF CITIZENS IN RUSSIA.....45
Aleshukina S.A.

PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE AS AN OBJECT OF ENVIRONMENTAL
AND CIVIL LEGAL RELATIONS.....51
Shakhov N.I., Kazantseva O.G.

RELEVANT ASPECTS OF CRIMINAL LAW, CRIMINAL PROCEEDINGS AND CRIMINALISTICS

FALSE TESTIMONY BY WITNESSES AND VICTIMS AS A MEANS
OF COUNTERING THE INVESTIGATION OF CRIMES
BY THE INVESTIGATIVE BODIES.....59
Merkulova M.V.

FEMALE CRIMINALITY: CURRENT TRENDS	65
<i>Geranin V.V., Maltseva S.N.</i>	
USE OF THE EXPERT'S CATEGORICAL AND PROBABILISTIC CONCLUSIONS AS EVIDENCE BY THE COURT OF FIRST INSTANCE.....	72
<i>Palieva O.N., Paliev V.B., Fomenko I.V.</i>	
LEGAL PROCEEDINGS. PROSECUTORIAL AND HUMAN RIGHTS ACTIVITIES	
THE FORMING OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE ON THE PROTECTION OF PERSONAL DATA	78
<i>Ustinova A.V.</i>	

УДК 347.62

СТАНОВЛЕНИЕ БРАЧНО-СЕМЕЙНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ В IX–XVIII ВЕКАХ

Арсякова Ирина Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,
заведующий кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
e-mail: vip_irinaromanova@list.ru,

Видова Татьяна Александровна¹,

канд. истор. наук, доцент,
заместитель заведующего кафедрой гражданско-правовых дисциплин,
e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

Статья посвящена актуальным вопросам становления и развития семейного права как самостоятельной отрасли российского права. Авторы рассматривают период IX–XVIII вв. в контексте формирования семейных норм. Актуальность данной темы обусловлена важностью семьи как основополагающего социального института. Большое внимание в настоящее время уделяется сохранению традиционных семейных ценностей нашего государства. Эффективная деятельность правовых норм в указанной сфере гарантирует защиту интересов членов каждой отдельно взятой семьи. Соответственно, целью авторов данной статьи является: выявить основные направления развития брачно-семейных отношений в указанный период; показать, как на протяжении истории России складывались основные нормы и институты, сформировавшие отечественное семейное право; проанализировать, как изучаемый исторический этап повлиял на развитие российского семейного права.

В ходе исследования были применены исторический, сравнительно-правовой, формально-юридический методы. Авторы делают вывод о закономерном развитии брачно-семейных отношений в указанный период, о роли исследуемых нормативно-правовых актов в формировании семейного права в России.

Ключевые слова: семейное право, брачно-семейные отношения, обычное право, церковный брак, Домострой, регулирование брачно-семейных отношений, место женщины в семье

THE FORMING OF MARRIAGE AND FAMILY RELATIONS IN RUSSIA IN THE IX–XVIII CENTURIES

Arsyakova I.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
Head of the Department of Civil Law Disciplines,
e-mail: vip_irinaromanova@list.ru,

Vidova T.A.¹,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor,
Deputy Head of the Department of Civil Law Disciplines,
e-mail: tatyanaabron@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, branch in Ryazan, Ryazan, Russia

The article is devoted to topical issues of the forming and development of family law as an independent branch of Russian law. The authors consider the period of the IX–XVIII centuries in the context of the forming of family norms. The relevance of this topic is due to the importance of the family as a fundamental social institution. Much attention is currently being paid to the preservation of the traditional family values of our state. The effective operation of legal norms in this area guarantees the protection of the interests of members of each individual family. Therefore, the purpose of the authors of this article is: to identify the main directions of the development

of marital and family relations in this period; to show how the basic norms and institutions that formed domestic family law were formed throughout the history of Russia; to analyze how the studied historical stage influenced the development of Russian family law.

During of the study, historical, comparative legal, and formal legal methods were applied. The authors conclude about the natural development of marital and family relations in this period, about the role of the studied normative legal acts in the forming of family law in Russia.

Keywords: family law, marital and family relations, common law, church marriage, Domostroy, regulation of marital and family relations, the place of a woman in the family

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-7-13

Введение

С самого начала существования российского государства действовали правовые нормы, влияющие на брачно-семейную жизнь. На протяжении истории правовое регулирование брачно-семейных взаимоотношений менялось. На основании развития социально-экономических и духовных отношений можно выделить ряд этапов в истории развития брачно-семейных отношений:

- 1) дохристианский этап, руководствующийся нормами обычного права (с древнейших времен до конца X века);
- 2) средневековый этап, связанный с доминированием религиозного подхода к регулированию вопросов брака и семьи по византийской модели (с конца X века до конца XVII века);
- 3) период правления Петра I и его преемников, ознаменовавшийся проведением семейной реформы (XVIII век);
- 4) этап, положивший начало систематизации семейного права и выделения его из гражданского права (XIX век – 1917 год);
- 5) советский этап, положивший начало светской модели кодифицированного брачно-семейного права (1917–1991 гг.);
- 6) российский этап (с 1991 г. по настоящее время).

В данном исследовании проанализированы первые три этапа и отмечены правовые новеллы, вошедшие в брачно-семейные отношения указанных периодов.

Становление брачно-семейных отношений в дохристианский период истории России

Уже с древнейшего времени стало очевидно, что семейные отношения должны определенным образом регламентироваться государством. Соответственно, историю развития брачно-семейного регулирования можно начинать с того времени, когда государство стало считать семейные отношения особым предметом правового регулирования, а именно: стало проявлять правовое воздействие на поведение супругов, родственников и других участников семейных отношений [1, с. 148]. До сегодняшнего времени дошли лишь обрывочные сведения о том, как именно осуществлялась правовая регламентация семейных взаимоотношений славянских племен в древности, тем не менее можно утверждать, что обычное право славян мало отличалось от обычаев других народов [2]. В древности у женщины не имелось возможности самостоятельно выбрать того, с кем она станет вступать в брак. Женщина в ранний период общественного развития представляла собой не что иное, как «товар», который находился в собственности семьи. Тот, кто претендовал на вступление в брак с понравившейся женщиной, должен был внести фиксированную «выкупную сумму», чего было достаточно для создания семьи. Помимо купли-продажи невесты, имели место и другие формы создания семейного союза: похищение, договорной брак и брак посредством военного захвата невесты – пленение [3, с. 13].

В тех источниках права, которые относятся к древнему периоду существования нашего государства, имеются лишь отрывочные сведения о том, как именно тогда производилась регламентация семейной жизни [4, с. 5]. В связи с этим историки полагают, что представители славянских племен принимали решения о начале брачных отношений сразу же после того, как достигали соответствующего

уровня физиологического развития. Кроме того, представители данных племен, как правило, принимали решение в пользу того, чтобы формировать крупные по своему размеру семьи. В их состав включались представители сразу нескольких поколений, которые характеризовались, во-первых, одним и тем же местом жительства, во-вторых, тем, что их быт был организован совместным образом. Семья древних представителей народов славян обладала также еще и такой характерной особенностью, как явно выраженная «патриархальность». Таким образом, мужчина в семье являлся кормильцем, при этом функционал женщины ограничивался «хранением домашнего очага» [5, с. 12].

В 911 году был заключен наиболее древний из известных межгосударственных договоров Древней Руси. Его второй стороной являлось такое государство, как Византия. Этот документ, помимо определения военного и торгового взаимодействия двух стран, касался такого аспекта, как семейные отношения. Византия и Древняя Русь оговорили между собой, как именно может производиться вступление в наследство после умершего. Лишь те, кто при жизни данного человека включался в состав его семьи, могли претендовать на получение статуса наследника, кто-либо еще наследником являться уже не мог¹.

Таким образом, основным фактором, регулирующим брачно-семейные отношения у славян в дохристианский период, являлось обычное право.

Формирование брачно-семейных норм под влиянием христианства

В конце X столетия на Руси начала формироваться новая система управления брачными отношениями. Основной фактор, который привел к этому, – распространение на территории Руси христианства. Поскольку христианство пришло на Русь из Византии, то именно на основании ее законодательных документов стало выстраиваться управление семейными отношениями на Руси. Примерами таких документов можно считать, в частности, «Номоканоны» [6, с. 45]. В Византии они были разработаны и внедрены еще в течение шестого столетия нашей эры.

Византийские Номоканоны, переведенные на славянский язык, на протяжении XI–XIII веков дополнялись правовыми актами русских князей по вопросам регулирования брачно-семейных отношений и впоследствии вошли в так называемую «Кормчую книгу». Ее 50-я глава, которая называлась «О тайне супружества», была непосредственно посвящена брачно-семейным отношениям, и на протяжении последующих веков была руководством для порядка вступления в брак, определения степеней родства, которым разрешалось или запрещалось вступление в брак, а также форма заключения брака [7, с. 123].

С середины XVII столетия «Кормчая книга» стала выпускаться в печатном виде и широко использовалась в законодательстве (Новоуказанные статьи), в постановлениях патриархов, в деятельности церковных судов, в первую очередь по бракоразводным и наследственным делам, а также дисциплинарным, касавшимся духовенства. В том числе «Кормчая книга» определяла и то, как именно должны производиться рассмотрение спорных вопросов, появляющихся в связи с семейными отношениями, различные духовные органы (в частности, Синод, а также церковные суды). Принятие в 1839 году «Книги правил» не означало прекращения действия «Кормчей книги», ряд норм которой по вопросам брачного права применялся вплоть до 1917 года².

В XVI веке на территории нашей страны приобрел законную силу такой документ, как «Домострой». Согласно имеющимся историческим источникам, разработчиком «Домостроя» является протопоп Сильвестр. «Домострой» характеризовался тем, что он устанавливал большое количество правил, касавшихся осуществления семейных отношений. «Домостроем» было установлено, что роль мужчины в семье заключается в обеспечении добычи материальных ресурсов, тогда как женщина должна сохранять домашний очаг, поддерживать домашний уют³. Предусматривалось обязательное послушание детей перед родителями.

В середине XVI столетия также вступил в силу Стоглав. Стоглав был разработан церковной властью, при этом он содержал в своем составе большое количество положений, касавшихся церковного

¹ Повесть временных лет [Электронный ресурс]. – URL: <https://ilibrary.ru/text/4339/p.1/index.html>

² Кормчая книга: православная энциклопедия / под ред. Патриарха Московского и всея Руси Кирилла [Электронный ресурс]. – URL: <https://m.pravenc.ru/text/2458663.html>

³ Домострой. – Санкт-Петербург: Наука, 1994. – 133 с.

права. Так, разработчики Стоглава определили, что представитель мужского пола может вступить в брак только после того, как он пересек возрастную отметку в пятнадцать лет. Для женщин же Стоглавом был установлен возрастной ценз, равный двенадцати годам. Помимо всего перечисленного выше, Стоглав также определял, в соответствии с каким порядком должно производиться оформление брака.

Православная церковь решала также вопросы разводов. В соответствии с правилами, которые были учреждены церковью, в брак человек мог вступать только один раз за всю жизнь. Однако при наступлении исключительных обстоятельств у священнослужителей имелось право расторжения брачного союза. До начала XVIII в. основанием для расторжения брака признавалось: пострижение одного из супругов в монахи, неплодие (бесплодие), неспособность к супружескому сожитию, прелюбодеяние, жестокое обращение, крайняя бедность, государственное преступление, безвестное отсутствие одного из супругов, знание о покушении на жизнь мужа и недонесение ему о том, зазорное поведение, заразительная болезнь, увод жены в плен [8, с. 61]. Виновники того, что брак прекращался досрочно, подвергались различного рода наказаниям, которые чаще всего представляли собой штрафы [9, с. 6]. Если заключение брака производилось без фактического намерения вести совместное хозяйство (то есть фиктивно), то это признавалось основанием для того, чтобы брак стал считаться недействительным.

В XVII веке происходили серьезные перемены во всех сферах жизни, в том числе в брачно-семейных отношениях. Церковь по-прежнему регламентировала вопросы семьи и брака, однако можно отметить тенденцию верховной власти к все большему вмешательству в эти вопросы.

Одним из первых законодательных памятников, в котором были указаны нормы брачного права, было Соборное Уложение 1649 г. Несмотря на то, что формально оно не ставило целью регулирование брачно-семейных отношений (ввиду их отнесения к ведению церковной власти), но тем не менее содержало нормы, непосредственным образом влиявшие на правовой статус членов семьи. Так, родителям предоставлялась полная власть в отношении детей. Права жизни и смерти над детьми родители, по-видимому, формально никогда не имели, однако убийство детей не рассматривалось в качестве серьезного преступления. По Уложению 1649 г. за убийство ребенка отец приговаривался к году тюремного заключения и церковному покаянию. В отношении же детей, чья вина была доказана в умерщвлении их родителей, выносилось однозначное наказание – это лишение жизни. Родитель мог принять в отношении собственного ребенка решение, в соответствии с которым последний становился холопом. Кроме того, ребенок, если родитель считал это необходимым, также приобретал статус монаха, при этом ребенок не мог сделать что-либо против этого⁴.

Таким образом, можно отметить, что в рассматриваемый период основным детерминантом брачно-семейных норм была православная церковь. Государство, несмотря на некоторые попытки вмешиваться в этот процесс, пока еще не приобрело достаточной силы для формирования гражданского законодательства в сфере семейного права.

Развитие брачно-семейных норм в XVIII веке

Церковный брак на протяжении практически всего времени существования Российской империи представлял собой союз, который формировал юридические последствия. Перед тем, как священнослужитель скреплял узами брака мужчину и женщину, он обращался к ним, чтобы выяснить, действительно ли они желают создать семью. Также священнослужитель проверял, не находился ли кто-либо из брачующихся в действующем браке [9, с. 216].

Если по каким-либо причинам ребенок появлялся на свет у тех родителей, которые не скрепили собственные отношения путем заключения брака, то он не мог быть признан законнорожденным. При этом законодательство Российской империи не устанавливало полный запрет на расторжение ранее заключенных браков. Впрочем, для того, чтобы добиться этого решения, та сторона, которая имела в этом интерес, должна была предоставить доказательства наличия одного из исключительных обстоятельств. Полномочия по рассмотрению дел о прекращении действия ранее заключенного брака имелись и у церковных судов.

⁴ Соборное Уложение [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm>

Количество добавленных в отечественное семейное законодательство корректировок существенно увеличилось практически сразу после того, как императором стал Петр I. На протяжении всего своего правления он последовательно воплощал в жизнь курс, который заключался в следующем: светская власть доминирует над властью церковной. В 1702 году Петр I ввел правило, в соответствии с которым объявлялись недействительными составленные ранее рядные и сговорные записи о помолвке, если в них содержалось требование о выплате «неустойки» в случае разрыва помолвки⁵. Также Петр I разрешил всем тем, кто уже изъявил намерение создать семью, однако в брак еще не вступил, отказаться от свадьбы.

Спустя двенадцать лет Петр I принял еще один указ, который касался того, в каком возрасте можно вступать в брак. Для представителей мужского пола минимально допустимый возраст был установлен на отметке в двадцать лет, в отношении же лиц женского пола было определено, что они не могут создавать семью, если им еще не имелось семнадцати⁶.

В апреле 1722 года император обязал Сенат и Синод запретить договорные и принудительные браки, несмотря на то, что этот документ затрагивал права дворян в отношении крепостных крестьян.

5 января 1724 года указом Петра I в Российской империи запретили сочетать браком молодых без их согласия. Закон касался как вольных людей, так и крепостных⁷. Родственники лиц, вступающих в брак, обязаны были приносить присягу в том, что не принуждали жениха и невесту к браку.

После окончания властвования Петра I некоторые его законодательные инициативы, в том числе и те, что уже были внедрены, не были поддержаны. Впрочем, определенная часть данных законодательных инициатив впоследствии воплотилась, в частности, при разработке Свода законов Российской империи, увидевшего свет в 1832 году.

Одно из направлений деятельности, которая осуществлялась Синодом, заключалось в разработке указов, регламентирующих порядок осуществления брачных, а также семейных отношений. В 1744 г. Синодом было принято решение, в соответствии с которым создавать семьи не могли те, кто уже пересек возрастную отметку в восемьдесят лет. Кроме того, имущество, которое находилось во владении лиц, находящихся в браке, признавалось раздельным (согласно решению 1753 г., вынесенному Синодом).

Реформы, а также изменения, которые были охарактеризованы выше – это доказательство внесения прогрессивных изменений в требования отечественного семейного законодательства. Однако данные изменения не были систематизированными. Можно говорить о том, что как в период правления Петра I, так и в последующие десятилетия государством не была сформирована политика в семейной сфере. Руководящие документы, которые разрабатывались и вводились в действие в данной сфере, зачастую имели эклектичный характер, а также не прорабатывались с точки зрения того, как именно на их реализации скажутся происходящие в обществе изменения.

Даже после наступления Нового времени во многих национальных регионах, которые относились к Российской империи, регламентация брачных, а также семейных отношений производилась в соответствии с религиозными нормами [2, с. 55]. Из-за этого ситуация, складывающаяся в сфере регламентации правовых отношений, происходящих в семье, не являлась системной, характеризовалась большим количеством явно выраженных противоречий.

Заключение

В заключение настоящего исследования необходимо отметить, что семейное право как самостоятельная отрасль отечественного права прошло долгий путь с момента зарождения первых брачно-семей-

⁵ Об отмене рядных и сговорных записей, совершаемых у крепостных дел; о писании вместо того домовых заручных росписей приданому; о недействительности обручения по причине оказавшихся нравственных или телесных недостатков жениха или невесты или по нежеланию их вступить в брак и о неповороте их движимого имущества по смерти бездетной жены в род ее. Именной указ [Апреля 3 дня 1702 года] // ПСЗРИ с 1649 года. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. IV. – С. 191. – № 1907.

⁶ О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах. Указ о единонаследии [23 марта 1714 г.] // ПСЗРИ с 1649 года. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. V. – С. 91. – № 2789.

⁷ О непринуждении родителям детей и господам рабов своих и рабынь к браку без самовольного их желания. Именной указ [5 января 1724 г.] // ПСЗРИ с 1649 года. – Санкт-Петербург, 1830. – Т. VII. – С. 197. – № 4406.

ных отношений в рамках обычного права до становления и нормативного оформления основных правовых институтов и норм. В догосударственный период брачно-семейные отношения в славянских племенах подчинялись законам природы, обычаям и традициям с очень слабым вмешательством властей в эту сферу.

После образования Древнерусского государства и принятия христианства семейные отношения подверглись серьезной регламентации. Вопросы семьи и брака регулировались религиозными воззрениями с доминированием византийской модели. Многие вопросы семейного права получили законодательное оформление: вопросы заключения брака и развода, проблема равенства сторон в браке, имущественные взаимоотношения и т.д. Однако характерной чертой этого длительного периода было преобладание строгих моральных и церковных норм над правовыми.

Первые попытки государственной власти вмешаться в сферу брачно-семейных отношений относятся к правлению Петра I, который проводил курс на подчинение церкви светской власти. В ряде указов он закрепил положения, свидетельствующие о либерализации и прогрессивном развитии семейного законодательства: добровольность вступления в брак, возможность расторгнуть помолвку, вступить в брак представителям христиан разных ветвей, поставил брачный возраст в зависимость от социальных, а не физиологических факторов. Однако и в последующее время вплоть до начала XX века эти вмешательства в компетенцию церкви были ограниченными и противоречивыми.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что основными направлениями развития брачно-семейных отношений в период IX–XVIII вв. были следующие:

- стремление к добровольности заключения брака участвующих сторон;
- расширение прав женщины в личных отношениях между супругами;
- закрепление принципа раздельности имущества супругов;
- повышение самостоятельности и независимости детей от родительской власти;
- рост влияния государственной светской власти в области регулирования семейных норм;
- развитие и кодификация семейного законодательства.

Впоследствии эти принципы получили дальнейшее развитие и были реализованы в существующих нормативно-правовых актах.

Список литературы

1. *Сехина Е.И.* Формирование семейного права как отрасли в России // Научный альманах. – 2020. – № 12-2(74). – С. 148–151.
2. *Дреев И.А.* Развитие семейного права как отрасли отечественного права // Право и государство: теория и практика. – 2022. – № 5 (209). – С. 53–56.
3. *Омельянчук С.В.* Брак и семья в Древней Руси IX–XIII веков: морально-нравственный и правовой аспекты: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / Тамбовский гос. ун-т им. Г.Р. Державина. – Тамбов, 2009. – 22 с.
4. *Андреева Н.И.* История развития брачно-семейных отношений Древней Руси // Вектор науки ТГУ. Сер.: Юридические науки. – 2015. – № 1 (20). – С. 5–10.
5. *Нижник Н.С.* Правовое регулирование семейно-брачных отношений в русской истории: монография. – Санкт-Петербург: Р. Асланов: Юрид. центр Пресс, 2006. – 163 с.
6. *Зульфалиева В.Г.* Особенности развития семейного права в период Древней истории России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 5-3 (68). – С. 45–48.
7. *Шахназарян К.Э.* История развития семейного законодательства России // Аграрное и земельное право. – 2022. – № 11 (215). – С. 122–124.
8. *Огородникова О.А.* Брак и семья в средневековой Руси // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3. – С. 58–63.
9. *Берая И.О.* Развитие института брака в России // Бизнес. Образование. Право. Вестник Волгоградского института бизнеса. – 2016. – № 2. – С. 216–217.

References

1. *Sekhina E.I.* Formirovanie semejnogo prava kak otrasli v Rossii // Nauchnyj al'manah. – 2020. – № 12-2(74). – S. 148–151.

2. *Dreev I.A.* Razvitie semejnego prava kak otrasli otechestvennogo prava // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. – 2022. – № 5 (209). – S. 53–56.
3. *Omel'yanchuk S.V.* Brak i sem'ya v Drevnej Rusi IX–XIII vekov: moral'no-nravstvennyj i pravovoj aspekty: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk: 07.00.02 / Tambovskij gos. un-t im. G.R. Derzhavina. – Tambov, 2009. – 22 s.
4. *Andreeva N.I.* Istoriya razvitiya brachno-semejnyh otnoshenij Drevnej Rusi // Vektor nauki TGU. Ser.: Yuridicheskie nauki. – 2015. – № 1 (20). – S. 5–10.
5. *Nizhnik N.S.* Pravovoe regulirovanie semejno-brachnyh otnoshenij v russkoj istorii: monografiya. – Sankt-Peterburg: R. Aslanov: Yurid. centr Press, 2006. – 163 s.
6. *Zul'falieva V.G.* Osobennosti razvitiya semejnego prava v period Drevnej istorii Rossii // Mezhdunarodnyj zhurnal gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2022. – № 5-3 (68). – S. 45–48.
7. *Shahnazaryan K.E.* Istoriya razvitiya semejnego zakonodatel'stva Rossii // Agrarnoe i zemel'noe pravo. – 2022. – № 11 (215). – S. 122–124.
8. *Ogorodnikova O.A.* Brak i sem'ya v srednevekovoj Rusi // Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk. – 2011. – № 3. – S. 58–63.
9. *Beraya I.O.* Razvitie instituta braka v Rossii // Biznes. Obrazovanie. Pravo. Vestnik Volgogradskogo instituta biznesa. – 2016. – № 2. – S. 216–217.

УДК 34.08

ФАКТОРЫ, ВЛИЯЮЩИЕ НА ПРАВОСОЗНАНИЕ МЕДИЦИНСКОГО РАБОТНИКА В ВОПРОСАХ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НЕБЛАГОПРИЯТНЫЙ ИСХОД

Савошикова Евгения Васильевна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: savoshchikova@rgust.ru,

¹Российский государственный университет социальных технологий, г. Москва, Россия

В статье рассмотрены предпосылки формирования профессионального правосознания медицинских работников и врачей, в частности, как юридически значимых субъектов, принимающих решения, влияющие на жизнь и здоровье пациентов. Автор обращает внимание на общие тенденции формирования правосознания в России, но особенно на таковые предпосылки у молодежи и студентов вузов, критично оценивает результаты анализа образовательного процесса в отношении школьников и абитуриентов, указывая на сомнительность показателей роста знаний, поскольку исследователями не берётся в расчет уровень требуемого материала и его глубина, не учитывается узконаправленность подготовки для поступления в вуз только по задаваемым предметам и отсутствие цифр, отражающих общую образованность абитуриентов. Ставится вопрос о том, что все эти тенденции и факторы влияют на уровень правосознания и правовой культуры как в целом в обществе, так и в профессиональных сообществах в частности. Имея такую основу, профессиональное сознание медицинского работника, несомненно, искажается. Автором предлагается система воздействия на профессиональное правосознание врача через комплекс мер медицинской биоэтики.

Ключевые слова: медицинский работник, правосознание, информация, биоэтика, ответственность, неблагоприятный исход, правовая культура

FACTORS INFLUENCING THE LEGAL CONSCIOUSNESS OF A MEDICAL WORKER IN MATTERS OF RESPONSIBILITY FOR AN UNFAVORABLE OUTCOME

Savoshikova E.V.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: savoshchikova@rgust.ru,

¹Russian State University of Social Technologies, Moscow, Russia

The article examines the prerequisites for the forming of professional legal awareness of medical workers and doctors, in particular, as legally significant entities making decisions that affect the life and health of patients. The author draws attention to the general trends in the forming of legal awareness in Russia, in particular, such trends among young people and young people in universities. The researcher critically evaluates the results of the study of the educational process in relation to schoolchildren and applicants, pointing out the dubiousness of the indicators of knowledge growth, since the level of the required material and its depth are not taken into account, the narrow focus of preparation for admission to the university only in the assigned subjects and the lack of figures reflecting the general education of applicants are not taken into account. The issue is raised that all these trends and factors, in a particular case, affect the level of legal awareness and legal culture: both in society as a whole and in professional communities, in particular. Having such a basis, the professional consciousness of a medical worker is undoubtedly distorted. A system of medical bioethics measures is proposed by the author to influence the doctor's professional legal consciousness.

Keywords: medical worker, legal consciousness, information, bioethics, responsibility, adverse outcome, legal culture

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-14-19

В современных условиях жизни общества есть определенное «ощущение», что важно все формально-практическое. Однако достаточно часто встает вопрос: «Почему при всей практико-ориентированности подходов развития и существования общества, в том числе и к правовому регулированию совершенно разных направлений, фактически механизм правового регулирования не работает?». Во многом взоры могут быть обращены к правоприменителю и гражданам, реализующим свои права. Частным случаем рассматриваемой проблемы являются изъяны правового сознания и правовой культуры врачей и пациентов, что влияет на решения, принимаемые ими, и как результат, на качество обеспечения права на жизнь и здоровье в негативном свете.

Основная часть

1. База для развития профессионального правосознания и правовой культуры

В России, по данным Уполномоченного по правам человека, правовая культура находится на низком уровне. Это подтверждается статистикой обращений, где более половины граждан требуют разъяснения законодательства и юридической консультации. Они плохо осведомлены о своих правах и свободах, что подтверждается социологическими опросами. Правосознание, в свою очередь, является формой общественного и индивидуального сознания, выражающей представления и чувства людей о праве и его регулирующей роли. Оно охватывает идеи, теории, чувства, эмоции, настроения и другие компоненты, и ориентирует субъекты права в социально-правовых ситуациях. Некоторые люди могут полностью игнорировать право и его требования, что называется правовым нигилизмом. Это явление проявляется в отрицании существования права и непризнании его роли в обществе¹.

Заявление Уполномоченного по правам человека имеет под собой в том числе и статистические основания. Так, социологические исследования, посвященные изучению основных параметров правового сознания и правовой культуры учащейся молодежи «Состояние и тенденции формирования правовой культуры студенческой молодежи», которые на протяжении трех лет (в период с 2011 по 2014 г.) проводились в Твери, показали определенный «срез» представлений о понятиях, исследуемых нами в данной статье.

При помощи анкетирования было опрошено 700 студентов тверских вузов. Одной из основных задач опроса явилось выявление представлений студентов о правосознании и правовой культуре. В ходе опроса было установлено, что около 44 % участников исследования понимает под правовой культурой «систему ценностей, правовых идей, навыков и стереотипов поведения, правовых традиций, используемых для регулирования деятельности личности, социальной группы или всего общества». Для 20,8 % опрошенных суть правовой культуры заключается в «знании и понимании права, а также действиях в соответствии с ним». В свою очередь 16 % респондентов полагают, что правовая культура представляет собой «часть духовной культуры, включающую правосознание, состояние законности и законодательства, работу судов, правоохранительных органов». Оставшиеся 10 % посчитали, что под правовой культурой понимается «достигнутый уровень в правовой организации жизни людей», «представления людей о праве, его реализации, о деятельности государственных органов и должностных лиц».

Подавляющее большинство студентов тверских вузов – 87,7 % – оценивают уровень правовой культуры граждан РФ как низкий. На вопрос «Каковы причины подобного состояния правовой культуры россиян?» 60 % студентов выбрали вариант ответа: «поведение власти», 45,2 % – «упадок нравственности», 44,8 % – «менталитет населения страны». По мнению 36,6 % участников опроса, на уровень правовой культуры влияет «распушенность молодежи». 35,7 % студентов отметили «низкий уровень общей культуры», а 32,5 % – отсутствие «традиций уважительного отношения к праву». 27 % респондентов связывают низкий уровень правовой культуры с бедностью населения, а 20,6 % – с «недоработками системы образования». Лишь 14,5 % студентов винят в сложившейся ситуации «деятельность СМИ», а 10,7 % – наследие советского периода [1, с. 263].

¹ Важность правосознания и правовой грамотности в обществе [Электронный ресурс] // Советский городской округ [официальный сайт]. – URL: <https://sovetsk.gov39.ru/vazhnost-pravosoznaniya-i-pravovoy-gramotnosti-v-obschestve.html#>

Критики обратятся к тому, что даты проведения исследований не самые «свежие», однако тенденции явно говорят об ухудшении ситуации. Молодёжь одного из центральных регионов России рядом со столицей, на наш взгляд, достаточно яркий показатель ситуации, характеризующий общество в целом.

На что влияет подобное отношение к праву? Влияет фактически на все сферы жизни общества, в том числе и на качество выполняемой людьми работы. Формализм как тенденция не может касаться только одной сферы жизни общества, он пронизывает всю общественную структуру. Более того, рассмотренный нами опрос не затрагивает и не отражает того, на какой базе сформированы данные представления. Вызывает сомнение научность и твердая теоретическая основа подобных взглядов опрашиваемых. Мы видим позицию скорее всего молодых обывателей, неглубоко знающих советский опыт и развивающих свои суждения на собственном мироощущении, сформированном на базе развлекательно-познавательного контента.

Несомненно, данный тезис требует дополнительного исследования. Подкрепить его можно только обратив внимание на уровень образования. На сегодняшний день есть исследования, утверждающие, что уровень образования растёт. Так, Институт статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ в партнерстве с Минобрнауки России, Минпросвещения России и Росстатом выпустил очередной краткий статистический сборник ежегодной серии «Образование в цифрах»². Исследователи указывают, что растёт уровень знаний школьников по всем направлениям, которые оцениваются в рамках ежегодной внутрироссийской оценки качества образования (проводится с 2019 г. по модели международного исследования PISA). За период с 2018 г. (последний год официального участия России в международном исследовании PISA) по 2022 г. средние баллы российских школьников по читательской грамотности выросли с 479 до 504 баллов, математической – с 488 до 503 баллов, естественно-научной – с 478 до 484 баллов. Незначительное снижение наблюдалось лишь в 2019 г. по математической грамотности, в 2020 и 2021 гг. – по естественно-научной [2, с. 35]. Однако, мы говорим о баллах за тесты, уровень которых тоже необходимо исследовать. И здесь еще нельзя исключать мнение преподавательского состава вузов об уровне подготовленности абитуриентов и студентов. Есть общее представление о его снижении. Практическим примером может служить незнание общих вопросов из курса школы по не сдаваемым в ЕГЭ предметам, узость и клиповость мышления. Подтверждением тому отчасти являются опросы в видеороликах из школьной программы студентам ведущих вузов, например, МГУ³.

Все эти факторы в конечном итоге влияют на профессиональную деятельность будущих специалистов, если касаться молодого, обучающегося населения.

В рамках нашего исследования сосредоточимся на том, как эти процессы могут влиять и влияют на такую сферу как медицинская деятельность и оказание медицинской помощи. Здесь нужно рассматривать вопрос уровня правосознания и правовой культуры врачей, медицинских работников и пациентов [3]. Обратим внимание на первую составляющую, а именно на уровень правосознания и правовой культуры медицинских работников, в частности, врачей как субъектов принятия решений в лечебной деятельности.

2. Вопросы ответственности медицинских работников и врачей как субъектов повышенной ответственности

В первом случае, если мы говорим о невысоком уровне правосознания и правовой культуры медицинского работника, то это напрямую влияет на вопрос ответственности таких специалистов за возможный причиненный вред здоровью и желание его скрыть, тем более вред в результате врачебной деятельности и манипуляций редко носит умышленный характер [4].

Среди преступлений врачей можно выделить:

- неоказание помощи больному;
- халатное, небрежное отношение к своим обязанностям;
- выдача ложных документов;

² Образование в цифрах: 2024: Краткий статистический сборник [Электронный ресурс]. – URL: <https://issek.hse.ru/news/856369937.html>

³ Вопросы школьной программы студентам МГУ [Электронный ресурс]. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=js_a5Iuqabg

- незаконное врачевание;
- нарушение правил борьбы с инфекциями, с сильнодействующими веществами, с ядовитыми веществами.

Субъективный характер совершения действий, причиняющих вред здоровью пациента: недостаточная квалификация, дефекты сбора анамнеза, объективного обследования больного, переоценка имеющихся данных, дефекты клинического мышления [5]. На эти факторы исследователи относят 60–70 % неблагоприятных исходов. Подобные обобщения сделал член-корреспондент РАН, профессор Г.Б. Федосеев. В тех или иных вариациях вопросы ответственности за причинение вреда здоровью медицинскими работниками, а в большей степени врачами, строятся вокруг данной конструкции.

Несомненно, неблагоприятные последствия деятельности врачей – это итог, важно понять первоисточник и причину для их устранения. На наш, естественно небесспорный взгляд, первооснова – это уровень опыта, квалификации, но также и уровень осознанности специалиста, умение нести ответственность за свои действия и видение перспективы своих действий. Эти факторы, несомненно, связаны и с воспитанием, и с культурой, тут данный тезис неоспорим. Развитая, осознанная личность предполагает априори особое отношение к праву, к своим и чужим границам и отношению к своей деятельности и к своему уровню профессионализма, критичности к результатам труда.

Рассматривая данное явление как многогранное, обратимся к психологическим наукам. Так С.В. Васьковская трактует профессиональное самосознание как особый феномен человеческой психики, обуславливающий саморегуляцию личностью своих действий в профессиональной сфере на основе познания профессиональных требований [6, с. 101].

3. Формирование правосознания и правовой культуры врача

В любом случае, при всех подобных рассуждениях аксиомой будет то, что профессионал должен обладать особым отношением к праву и правовой культуре. Изучить вопросы своей профессиональной ответственности и грамотно подходить к данному вопросу. В этом аспекте прослеживается отношение к праву, нормам права как системе, пронизывающей все сферы жизни общества, в том числе и такую важную как медицинская деятельность, связанную с личными правами человека такими как: право на жизнь и здоровье человека.

При исследовании правосознания и классификации его видов, в теории права правосознание врачей относится к профессиональному правосознанию. Какой элемент можно рассматривать как наиболее критериальный, определяющий человека с точки зрения его качеств? Конечно же волевой элемент правосознания. Однако, это результат. Важны информационный аспект и оценочный аспект правосознания, на базе которых и формируется волевой. На информационную составляющую формирования профессионального правосознания врачей и может повлиять юридическая наука, юрист-профессионал для правильной оценки уровня и пределов своей ответственности медицинским работником и врачом как субъектом принятия решений важных для жизни и здоровья пациента.

Правовая установка, психическая направленность, к сожалению, могут быть искажены в результате множества факторов. Важно не сокрушаться о данных искажениях, а правильно и грамотно разъяснять правовую составляющую деятельности врача и медицинского работника. В настоящее время есть общая тенденция к перестраховке в своих действиях во избежание ответственности, в первую очередь, юридической как специальному субъекту, обладающему специализированными знаниями, что может отразиться на уровне и качестве помощи пациентам.

Как отмечает Б.А. Спасенков, доктор медицинских и юридических наук, «своеобразие правосознания заключается в его нематериальности, но нематериальность не мешает правосознанию оказывать действенное влияние на весь процесс правового регулирования». От уровня правосознания зависит эффективность работы всех элементов механизма правового регулирования (в том числе деятельности по охране здоровья) [7; 8].

Заключение

Таким образом, основная задача юристов заключается в правильном формулировании информационной составляющей в формировании профессионального правосознания врачей, что в конечном итоге скажется на качестве оказываемой медицинской помощи, позволит постепенно вытеснить искаженный подход и страх по отношению к юридической ответственности врачей, позволит повлиять на тенденции определенного «закошмаривания» ответственностью медицинских работников.

На наш взгляд необходимо развитие междисциплинарного подхода при подготовке как медицинских работников, так и юристов с точки зрения применения профессиональных навыков в своей практической деятельности. В настоящее время необходима специализация юристов в области медицинского права для формирования связующей цепи между юридическим и медицинским сообществом для эффективной реализации механизма правового регулирования в области медицины и медицинской деятельности. Данная идея может стать базисом для дальнейших исследований в данной области комплексного развития права, медицины и медицинской деятельности.

Определяя дальнейшие тенденции развития изучаемой тематики важно отметить ту важную роль, которую играет медицинская биоэтика в данных процессах и, в частности, в процессе формирования врача-профессионала с точки зрения верных критериев формирования оценочной составляющей в правосознании личности врача и медицинских работников в целом.

Биоэтика может выступать связующим звеном со стороны медицины в вопросах формирования правосознания. Биоэтика – сфера междисциплинарных исследований, касающаяся нравственного аспекта деятельности человека, и в частности, медицинского работника – медицинская биоэтика.

Таким образом, комплекс или правильнее выразиться систему влияния на правосознания врача в позитивном и правильном русле может оказывать грамотная информационная составляющая деятельности юридического сообщества и медицинская биоэтика с позиций медицины для создания верной оценочной деятельности врача и формирования правосознания врача на высоком уровне в соответствии с такими же высокими нравственными критериями жизни общества.

Список литературы

1. Стуколов Л.С., Аюпова А.А. Современное состояние правосознания и уровня правовой культуры в российском обществе // Научно-практический электронный журнал. Аллея Науки. – 2018. – № 7(23). – С. 263–266.
2. Образование в цифрах: 2024: Краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». – Москва: ИСИЭЗ ВШЭ, 2024. – 132 с.
3. Бахметьев В.И., Громакова Н.В. Особенности правосознания студентов – будущих врачей-педиатров // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3(288). – С. 74–77.
4. Гецманова И.В., Карачев А.Ю., Бушуев А.И. Нарушения медицинскими работниками профессионального долга: история, вопросы правовой ответственности, расследования, экспертной оценки: учебное пособие; ФГБОУ ВО КрасГМУ им. проф. В.Ф. Войно-Ясенецкого Минздрава России, ГОУ ВПО Сибирский юридический институт МВД России. – Красноярск: ООО Электробыттехника, 2010. – 178 с.
5. Голованова Е.И., Слюсаренко Т.В. Типичные нарушения права на охрану здоровья и медицинскую помощь // Актуальные направления развития отраслей права в условиях новой реальности: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции, Москва, 06 декабря 2023 года. – Москва: Московский университет им. С.Ю. Витте, 2024. – С. 38–45.
6. Елдышова О.А. Профессиональное самосознание как психологическая составляющая профессионального становления // Фундаментальные исследования. – 2006. – № 7. – С. 101–102.
7. Спасенников Б.А. О правосознании врача // На пути к гражданскому обществу. – 2024. – № 2(54). – С. 14–17.
8. Спасенников Б.А. Правосознание врача // Мединцентр. – 2024. – № 1. – С. 5–9.

References

1. *Stukolov L.S., Ayupova A.A.* Sovremennoe sostoyanie pravosoznaniya i urovnya pravovoj kul'tury v rossijskom obshchestve // Nauchno-prakticheskij elektronnyj zhurnal. Alleya Nauki. – 2018. – № 7(23). – S. 263–266.
2. *Obrazovanie v cifrah: 2024: Kratkij statisticheskij sbornik / T.A. Varlamova, L.M. Gohberg, O.A. Zorina i dr.; Nacional'nyj issledovatel'skij universitet "Vysshaya shkola ekonomiki".* – Moskva: ISIEZ VShE, 2024. – 132 s.
3. *Bahmet'ev V.I., Gromakova N.V.* Osobennosti pravosoznaniya studentov – budushchih vrachej-pediatrov // Izvestiya Voronezhskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2020. – № 3(288). – S. 74–77.
4. *Gecmanova I.V., Karachev A.Yu., Bushuev A.I.* Narusheniya medicinskimi rabotnikami professional'nogo dolga: istoriya, voprosy pravovoj otvetstvennosti, rassledovaniya, ekspertnoj ocenki: uchebnoe posobie; FGBOU VO KrasGMU im. prof. V.F. Vojno-Yaseneckogo Minzdrava Rossii, GOU VPO Sibirskij juridicheskij institut MVD Rossii. – Krasnoyarsk: OOO Elektrobyttekhnika, 2010. – 178 s.
5. *Golovanova E.I., Slyusarenko T.V.* Tipichnye narusheniya prava na ohranu zdorov'ya i medicinskuyu pomoshch' // Aktual'nye napravleniya razvitiya otraslej prava v usloviyah novoj real'nosti: Materialy II Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Moskva, 06 dekabrya 2023 goda. – Moskva: Moskovskij universitet im. S.Yu. Vitte, 2024. – S. 38–45.
6. *Eldyshova O.A.* Professional'noe samosoznanie kak psihologicheskaya sostavlyayushchaya professional'nogo stanovleniya // Fundamental'nye issledovaniya. – 2006. – № 7. – S. 101–102.
7. *Spasennikov B.A.* O pravosoznanii vracha // Na puti k grazhdanskomu obshchestvu. – 2024. – № 2(54). – S. 14–17.
8. *Spasennikov B.A.* Pravosoznanie vracha // Medincentr. – 2024. – № 1. – S. 5–9.

УДК 336.17

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ОБЪЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ

Самородов Дмитрий Альбертович¹,
канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru,

Мережкина Марина Сергеевна¹,
канд. юрид. наук,
e-mail: merezhkina@mail.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Данная статья посвящена анализу понятия «цифровой рубль» как объекта общественных отношений, урегулированных нормами гражданского, банковского и валютного законодательства Российской Федерации. В статье рассматриваются взгляды отечественных ученых-юристов на сущность цифрового рубля, место цифрового рубля в системе объектов гражданских прав, особенности расчетов с использованием цифрового рубля. Сделан вывод о двойственности правовой природы цифрового рубля, сочетающего в себе признаки: 1) объекта гражданских прав; 2) формы валюты Российской Федерации, используемой для расчетов в порядке и на условиях, предусмотренных нормами отечественного банковского и валютного законодательства, а также законодательства о национальной платежной системе России. Подчеркивается целесообразность законодательного закрепления определения понятия «цифровой рубль» в Федеральном законе «О валютном регулировании и валютном контроле», а также дальнейшего совершенствования законодательства об отечественной цифровой валюте и сфере ее использования.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта, валюта Российской Федерации, безналичные денежные средства, криптовалюта, Центральный банк Российской Федерации, расчеты, Гражданский кодекс, объекты гражданских прав, имущество, имущественные права

THE DIGITAL RUBLE AS AN OBJECT OF LEGAL REGULATION IN THE RUSSIAN FEDERATION: THE CONCEPT AND PROSPECTS OF APPLICATION

Samorodov D.A.¹,
Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;
e-mail: samorodov.dmitrij@yandex.ru,

Merezhkina M.S.¹,
Candidate of Legal Sciences,
e-mail: merezhkina@mail.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

This article is devoted to the analysis of the concept of the "digital ruble" as an object of public relations regulated by the norms of civil, banking and currency legislation of the Russian Federation. The article examines the views of Russian legal scholars on the essence of the digital ruble, the place of the digital ruble in the system of objects of civil rights, and the specifics of calculations using the digital ruble. The conclusion is made about the duality of the legal nature of the digital ruble, which combines the following features: 1) an object of civil rights; 2) the form of the currency of the Russian Federation used for settlements in accordance with the procedure and on the terms provided for by the norms of domestic banking and currency legislation, as well as legislation on the national payment system of Russia. The expediency of legislating the definition of the "digital ruble" in the

Federal Law "On Currency Regulation and Currency Control", as well as further improving legislation on the domestic digital currency and the sphere of its use, is emphasized.

Keywords: digital ruble, digital currency, currency of the Russian Federation, non-cash funds, cryptocurrency, Central Bank of the Russian Federation, settlements, Civil Code, objects of civil rights, property, property rights

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-20-24

В последние несколько лет в отечественном гражданском, банковском и валютном законодательстве все активнее начинает использоваться термин «цифровой рубль». Так, с 2023 года цифровой рубль вошел в круг объектов гражданских прав. Ст. 128 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее по тексту настоящей статьи – ГК РФ) относит цифровой рубль, наряду с имущественными правами, результатами работ, оказанием услуг, охраняемыми результатами интеллектуальной деятельности и приравненными к ним средствами индивидуализации (интеллектуальной собственностью), а также нематериальными благами в категории «иного имущества», являющегося нематериальным, в отличие от вещей, представляющих собой материальные, физически осязаемые объекты¹. Согласно классификации объектов гражданских прав, приводимой в ст. 128 ГК РФ, цифровой рубль, как и безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги и цифровые права, является имущественным правом². С 1 августа 2024 г. цифровой рубль включен в круг объектов наследования³. Термин «цифровой рубль» начал также использоваться в Федеральном законе «О банках и банковской деятельности». При этом в ст. 5 данного Закона содержится указание о том, что вклады (депозиты) физических лиц в кредитных организациях не могут открываться в цифровых рублях, то есть цифровой рубль не является средством сбережения и накопления⁴. В связи с широким внедрением термина «цифровой рубль» как в отечественное законодательство, так и в практику расчетных отношений, целесообразным представляется рассмотрение следующих вопросов: 1) в чем сущность цифрового рубля? 2) каковы его отличия от валюты Российской Федерации в безналичной форме, определение понятия (дефиниция) которой закреплено в ст. 1 Закона «О валютном регулировании и валютном контроле»? 3) в каких расчетных операциях может использоваться цифровой рубль? 4) каковы перспективы использования цифрового рубля в России?

Начнем с анализа сущности цифрового рубля. Следует отметить, что в настоящее время законодательно закрепленного понятия «цифровой рубль» в отечественном законодательстве нет. В частности, ст. 140 ГК РФ «Деньги (валюта)» содержит указание на то, что «платежи на территории Российской Федерации осуществляются путем наличных и безналичных расчетов, включая расчеты цифровыми рублями». Таким образом, на наш взгляд, из буквального толкования положений данной статьи следует, что цифровой рубль является средством безналичных расчетов, следовательно, исходя из положений ст. 861–862 гл. 46 ГК РФ «Расчеты» цифровые рубли могут использоваться: а) в расчетах между юридическими лицами; б) в расчетах при осуществлении гражданами предпринимательской деятельности.

В отечественной юридической науке также нет единого подхода к сущности цифрового рубля. Так, по мнению В.В. Шумиловой, цифровой рубль представляет собой «дополнительную инновационную форму национальной валюты, которая будет обращаться наравне с другими формами денег посредством цифровых технологий» [1, с. 158]. Схожей позиции придерживается так же А.В. Турбанов, отмечающий со ссылкой на Концепцию цифрового рубля, разработанную Центральным банком Российской Федерации, что цифровой рубль «станет третьей формой российской валюты и будет исполь-

¹ См., напр.: Российское гражданское право: в 2 т. Т. 1. Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права: учебник / отв. ред. Е.А. Суханов. – 2-е изд., стереотипное. – Москва: Статут, 2011. С. 149 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

³ См., напр.: В России заработал порядок наследования цифровых рублей [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/rbcfree/news/66a788e99a79474a6145b04d>

⁴ Федеральный закон от 02.12.1990 № 395-1 «О банках и банковской деятельности» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5842/

зоваться наряду с безналичными рублями» [2, с. 74]. Как новый вид денег цифровая валюта (далее по тексту настоящей статьи – ЦВЦБ) рассматривается С.И. Беленчуком [3, с. 190], С.А. Андриюшиным [4, с. 56] и А.Я. Запорожан. При этом, говоря о перспективах использования цифрового рубля в России, А.Я. Запорожан отмечает, что практическое внедрение ЦВЦБ может начаться с государственного финансирования инвестиционных проектов, а затем в более широких масштабах – с бюджетного финансирования, когда все или ограниченный перечень бюджетополучателей будут получать бюджетные деньги в цифровых рублях [5, с. 32]. Несколько иной взгляд на сущность цифрового рубля излагается в работах Л.Ю. Василевской, по мнению которой цифровой рубль представляет собой имущественное (обязательственное) право и подпадает под гражданско-правовую квалификацию цифрового права [6, с. 16]. На наш взгляд, обе рассмотренные выше точки зрения о сущности цифрового рубля имеют право на существование и не противоречат друг другу. Подводя промежуточный итог вышесказанному, следует сделать вывод о том, что цифровой рубль, как и его эмитент – Центральный банк Российской Федерации, являющийся одновременно кредитной организацией и регулятором функционирования отечественной банковской системы, имеет двойственную правовую природу. С одной стороны, его следует рассматривать как имущественное право, являющееся объектом гражданских прав. С другой – это форма валюты Российской Федерации, расчетное средство, используемое в банковских операциях, круг которых установлен действующим законодательством.

Теперь перейдем к рассмотрению отличий российского цифрового рубля от безналичного. Как уже отмечалось выше, отечественное законодательство и, в частности, Федеральный закон «О валютном регулировании и валютном контроле» в настоящее время не содержит определения понятия «цифровой рубль». В ст. 1 данного Закона используются понятия «валюта Российской Федерации» и «иностранная валюта», которые могут быть: а) в наличной форме (банкноты, монеты, казначейские билеты) и б) в безналичной форме (средства на счетах и во вкладах, цифровые деньги иностранных государств)⁵. В соответствии со ст. 862 ГК РФ расчеты цифровыми рублями могут осуществляться исключительно в формах, установленных законодательством Российской Федерации о национальной платежной системе и, в отличие от расчетов с использованием безналичных денежных средств, не могут осуществляться в формах, перечисленных в положениях гл. 46 ГК РФ, т.е. в формах платежных поручений, аккредитивов, инкассо, чеков, а также в иных формах, предусмотренных законом, банковскими правилами или применяемыми в банковской практике обычаями⁶. Р.И. Гарипов и Н.Н. Максимова в качестве основных отличий цифрового рубля от безналичных денег указывают: 1) обращение в блокчейне; 2) возможность использования в качестве расчетного средства как в онлайн, так и в офлайн-режиме; 3) отсутствие комиссий за перевод [7, с. 8]. Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что главных отличий цифрового и безналичного рублей два – 1) круг операций, в которых данные они могут быть использованы в качестве средства платежа; 2) способы совершения данных операций.

Цифровой рубль также принципиально отличается от криптовалют. В частности, эмитентом цифровых денег является центральный банк соответствующего государства (России, КНР), а криптовалюты – сами пользователи. При этом, как справедливо указывает Н.К. Норец, ареалом функционирования криптовалют являются преимущественно страны их происхождения, а у цифровых денег он не ограничен [8, с. 93].

Наконец, рассмотрим последний из поставленных в настоящей статье вопросов: о перспективах применения в России цифрового рубля. По мнению Центрального банка Российской Федерации, основными положительными свойствами цифрового рубля, в частности, являются: а) простота использования; б) высокая скорость выполнения операций; в) надежность; г) повсеместность приема; д) безопасность хранения; е) конфиденциальность; ж) гарантированность Центральным банком Российской Федерации

⁵ Федеральный закон от 10.12.2003 № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле» (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_45458/

⁶ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (последняя редакция) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9027/

Федерации⁷. В России сфера использования цифрового рубля имеет тенденцию к постепенному расширению. Так, на июль 2024 г. с помощью цифрового рубля совершено более 27 тыс. переводов и 7 тыс. операций по оплате услуг. С 1 сентября 2024 года к тестированию планируется привлечь дополнительно 9 тыс. физических лиц и 1,2 тыс. юридических лиц. Президент Российской Федерации В.В. Путин 17 июля 2024 г. отметил, что цифровые валюты представляют собой динамичное и перспективное направление, которое становится все более востребованным в мире. Он подчеркнул, что «нужно сделать следующий шаг, а именно: перейти к более широкому, полномасштабному внедрению цифрового рубля в экономику, в хозяйственную деятельность и в сферу финансов», для чего следует своевременно настроить правовую базу и регулирование⁸. Исходя из вышесказанного, законодательство о цифровом рубле и сфере его использования в России будет в ближайшие годы динамично развиваться. Согласно планам Банка России, предполагается поэтапное расширение сферы применения цифрового рубля как платежного средства. Так, с 1 июля 2025 г. все магазины и организации, оказывающие услуги, при обороте свыше 30 млн руб. в год будут обязаны принимать к оплате цифровой рубль, магазины с годовой выручкой более 20 млн руб. – с 1 июля 2026 года. По мнению А.О. Питиримовой и К.Д. Сироткиной, внедрение цифрового рубля существенно повысит возможности государства по осуществлению финансового контроля и контроля в управлении экономикой [9, с. 551].

Итак, подведем итог вышеизложенному. Как мы уже отмечали выше, цифровой рубль имеет двойственную правовую природу и представляет собой как имущественное право, так и одну из трех форм валюты Российской Федерации. Поэтому отношения, объектами которых выступают цифровые рубли, регулируются нормами как гражданского (например, наследование цифровых рублей), так и банковского и валютного законодательства. По мере внедрения цифрового рубля в практику расчетных правоотношений нормы отечественного гражданского, банковского и валютного законодательства о цифровом рубле будут совершенствоваться, дополняться и уточняться. Мы разделяем позицию, в частности, П.С. Шараева, указывающего на целесообразность законодательного закрепления определения понятия (дефиниции) «цифровой рубль» [10, с. 268, 275]. На наш взгляд, понятие цифрового рубля следует закрепить в ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О валютном регулировании и валютном контроле» в качестве третьей формы валюты Российской Федерации, наряду с наличной и безналичной формами и сформулировать следующим образом: это денежные средства Банка России в цифровой форме, используемые для расчетов в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации. Целесообразным также представляется дополнение главы 46 ГК РФ «Расчеты» отдельной статьей «Расчеты цифровыми рублями» (в действующей редакции ГК РФ расчеты цифровыми рублями регулируются положениями п. 1 ст. 862 ГК РФ «Формы безналичных расчетов»). Данные нововведения, на наш взгляд, будут способствовать лучшему уяснению правоприменителями сущности цифрового рубля, большему доверию к расчетам с использованием цифровых рублей в Российской Федерации и постепенному расширению сферы применения таких расчетов в России.

Список литературы

1. Шумилова В.В. Цифровой рубль Банка России как новая форма национальной валюты [Электронный ресурс] // Правовая парадигма. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 156–162. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49267670>
2. Турбанов А.В. Цифровой рубль как новая форма денег [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы российского права. – 2022. – Т. 17, №5 (138). – С. 73–76. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48545108>
3. Беленчук С.И. Новый вид денег – цифровая валюта центрального банка [Электронный ресурс] // Вестник РГГУ. Сер.: Экономика. Управление. Право. – 2021. – № 3 (Ч. 2). – С. 187–197. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47301672>
4. Андрюшин С.А. Цифровая валюта центрального банка как третья форма денег государства [Электронный ресурс] // Актуальные проблемы экономики и права. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 54–76. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=47301672>

⁷ Цифровой рубль: доклад для общественных консультаций // Центральный банк Российской Федерации (Банк России) [Электронный ресурс]. – URL: https://cbr.ru/analytics/d_ok/dig_ruble/

⁸ Путин оценил итоги тестирования цифрового рубля [Электронный ресурс]. – URL: <https://lenta.ru/news/2024/07/17/putin-otsenil-itogi-testirovaniya-tsifrovogo-rublya/>

<https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-valyuta-tsentralnogo-banka-kak-tretya-forma-deneg-gosudarstva/viewer>

5. *Запорожан А.Я.* Цифровой рубль ЦБ РФ [Электронный ресурс] // Управленческое консультирование. – 2021. – № 6. – С. 32–36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-tsb-rf/viewer>
6. *Василевская Л.Ю.* Цифровой рубль: взгляд цивилиста на проблему [Электронный ресурс] // Lex russica. – 2023. – Т. 76, №1. – С. 9–19. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=mukuud>
7. *Гарипов Р.И., Максимова Н.Н.* Значение цифрового рубля для экономики страны [Электронный ресурс] // Управление в современных системах. – 2012. – № 4. – С. 3–15. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=rftfct>
8. *Норец Н.К.* Является ли цифровой рубль криптовалютой: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Научный вестник: финансы, банки, инвестиции. – 2021. – № 3. – С. 90–94. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-tsifrovoy-rubl-kriptovalyutoy-sravnitelnyy-analiz/viewer>
9. *Питиримова А.О., Сироткина К.Д.* Цифровой рубль как инструмент обеспечения финансового контроля [Электронный ресурс] // Вопросы российской юстиции. – 2023. – № 24. – С. 546–552. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ctthzv>
10. *Шараев П.С.* Правовая сущность цифрового рубля [Электронный ресурс] // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2021. – № 6 (143). – С. 268–276. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-suschnost-tsifrovogo-rublya/viewer>

References

1. *Shumilova V.V.* Cifrovoy rubl' Banka Rossii kak novaya forma nacional'noj valyuty [Elektronnyj resurs] // Pravovaya paradigma. – 2022. – Т. 21, № 2. – С. 156–162. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49267670>
2. *Turbanov A.V.* Cifrovoy rubl' kak novaya forma deneg [Elektronnyj resurs] // Aktual'nye problemy rossijskogo prava. – 2022. – Т. 17, №5 (138). – С. 73–76. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=48545108>
3. *Belenchuk S.I.* Novyj vid deneg – cifrovaya valyuta central'nogo banka [Elektronnyj resurs] // Vestnik RGGU. Ser.: Ekonomika. Upravlenie. Pravo. – 2021. – № 3 (Ch. 2). – С. 187–197. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=47301672>
4. *Andryushin S.A.* Cifrovaya valyuta central'nogo banka kak tret'ya forma deneg gosudarstva [Elektronnyj resurs] // Aktual'nye problemy ekonomiki i prava. – 2021. – Т. 15, № 1. – С. 54–76. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-valyuta-tsentralnogo-banka-kak-tretya-forma-deneg-gosudarstva/viewer>
5. *Zaporozhan A.Ya.* Cifrovoy rubl' CB RF [Elektronnyj resurs] // Upravlencheskoe konsul'tirovanie. – 2021. – № 6. – С. 32–36. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovoy-rubl-tsb-rf/viewer>
6. *Vasilevskaya L.Yu.* Cifrovoy rubl': vzglyad civilista na problemu [Elektronnyj resurs] // Lex russica. – 2023. – Т. 76, №1. – С. 9–19. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=mukuud>
7. *Garipov R.I., Maksimova N.N.* Znachenie cifrovogo rublya dlya ekonomiki strany [Elektronnyj resurs] // Upravlenie v sovremennyh sistemah. – 2012. – № 4. – С. 3–15. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=rftfct>
8. *Norec N.K.* Yavlyaetsya li cifrovoy rubl' kriptovalyutoj: sravnitel'nyj analiz [Elektronnyj resurs] // Nauchnyj vestnik: finansy, banki, investicii. – 2021. – № 3. – С. 90–94. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/yavlyaetsya-li-tsifrovoy-rubl-kriptovalyutoy-sravnitelnyy-analiz/viewer>
9. *Pitirimova A.O., Sirotkina K.D.* Cifrovoy rubl' kak instrument obespecheniya finansovogo kontrolya [Elektronnyj resurs] // Voprosy rossijskoj yusticii. – 2023. – № 24. – С. 546–552. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?edn=ctthzv>
10. *Sharaev P.S.* Pravovaya sushchnost' cifrovogo rublya [Elektronnyj resurs] // Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii. – 2021. – № 6 (143). – С. 268–276. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-suschnost-tsifrovogo-rublya/viewer>

УДК 341.01

К ВОПРОСУ ОБ ОСОБЕННОСТЯХ МЕЖДУНАРОДНОГО И ВНУТРИГОСУДАРСТВЕННОГО ПРАВА КАК САМОСТОЯТЕЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ СИСТЕМ

Чернядьева Наталья Алексеевна¹,

д-р юрид. наук,

e-mail: chernyadnatalya@yandex.ru,

¹Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, г. Симферополь, Россия

Предметом исследования настоящей статьи стали особенности международного и внутригосударственного права как самостоятельных правовых систем. Автор исследует конструктивные признаки обеих правовых систем и доказывает самостоятельность двух правовых феноменов: правовой системы международного права и внутригосударственной (национальной) правовой системы. Автор предлагает систему из десяти критериев, по которым можно провести сравнительный анализ и разграничить международное и национальное право. В статье подчеркивается значительная содержательная и функциональная согласованность обоих вариантов правовых систем, которая обеспечивает эффективное развитие и национального и международного права.

Основным для подготовки статьи стал сравнительно-правовой метод в его функциональном варианте. По результатам исследования автор констатирует, что между национальным и международным правом наблюдаются весомые конструктивные различия, которые позволяют говорить об их самостоятельности. При этом исследование демонстрирует, что для них также характерна и значительная содержательная и функциональная согласованность.

Ключевые слова: Международное право, внутригосударственное право, сравнительно-правовой анализ, особенности, предмет международного права, субъекты международного права, источники международного права, принципы международного права, правовая система

ON THE ISSUE OF THE FEATURES OF INTERNATIONAL AND DOMESTIC LAW AS INDEPENDENT LEGAL SYSTEMS

Chernyadeva N.A.¹,

Doctor of Legal Sciences,

e-mail: chernyadnatalya@yandex.ru,

¹Russian State University of Justice, branch in Crimea, Simferopol, Russia

The article describes the features of international and domestic law as independent legal systems. The author studies the constructive features of both legal systems and proves the independence of two legal phenomena: the legal system of international law and the domestic (national) legal system. The author proposes a system of ten criteria by which it is possible to conduct a comparative analysis and differentiate international and national law. The article emphasizes the significant substantive and functional consistency of both variants of legal systems, which ensures the effective development of both national and international law.

The comparative legal method in its functional version became the main one for the preparation of the article. Based on the results of the study, the author states that there are significant constructive differences between national and international law, which allow us to speak about their independence. At the same time, the study demonstrates that they are also characterized by substantive and functional consistency.

Keywords: International law, domestic law, comparative legal analysis, features, subject of international law, subjects of international law, sources of international law, principles of international law, legal system

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-25-31

Введение

О том, что международное и национальное право представляют самостоятельные правовые явления, свидетельствует разность их базовых характеристик. Одним из первых об этом говорил итальянский специалист-международник Д. Анцилотти. Он на основе анализа источников и норм национального и международного права, подчеркивал, что классическая теория права, разработанная еще в XIX в., не применима для обоснования природы международного права [1, с. 63–66]. Его современник Л. Оппенгайм, признаваемый немецкой юриспруденцией «отцом международного права», объяснял различия обеих правовых систем специфическими для каждой системы субъектами.

По мнению профессора С.В. Черниченко: «Международное право имеет, по крайней мере, пять основных особенностей: объекта регулирования, его субъектов, процесса его создания, его источников и принуждения, обеспечивающего его соблюдение» [2, с. 23].

Действительно, для обоих вариантов правовых систем характерна существенная формально-правовая, функциональная и содержательная разница. Однако, как представляется, названных выше особенностей не достаточно для объективной характеристики их отличия.

Основная часть

Назовем основные характеристики для сравнительно-правового анализа международного и национального права.

1. В первую очередь отметим **специфику регулирования**. По общему правилу внутригосударственное право устанавливает правила поведения на определенной территории (внутри государственных границ).

В отличие от этого, для международного права характерно не территориальное, а субъектное действие (распространенность правил поведения на всех субъектов международного права).

2. Обе правовые системы отличаются особым **предметом правового регулирования**. Внутригосударственное право регулирует общественные отношения, возникающие в пределах территориально-верховенства каждого конкретного государства [3, с. 17].

Предметом регулирования международного права стали общественные отношения, выходящие за пределы внутренней компетенции государств. Ради справедливости отметим, что в последние десятилетия все чаще встречаются ситуации, в которых международное право считает возможным вмешиваться во внутреннюю компетенцию отдельных государств при исключительных обстоятельствах. Примерами могут служить: массовое и системное нарушение прав человека; внутренняя политика государства, угрожающая международному миру и безопасности (в том числе разработка оружия массового поражения) и т.п.

3. Имеются существенные отличия **в объектах внутригосударственного и международного права**. Как известно из теории права, объектом права называется «то, на что право направляется или на что оно оказывает воздействие» [4, с. 90]. Другими словами, объект – это любое проявление объективной реальности по поводу чего субъекты могут вступать в правоотношения.

Имеется достаточно обширный пласт объектов, характерных как для внутригосударственного, так и для международного права (валюта, здоровье человека, культура и образование, космос, окружающая среда и многое, многое другое). В тоже время часть объектов характерны лишь для внутригосударственного права. К таковым, например, относятся государственный механизм, бюджет, налоговая система.

Также и для международного права можно назвать «уникальные» объекты, по поводу которых невозможны внутригосударственные отношения: Антарктика, Мировой океан, Воздушный океан, международные вооруженные конфликты и др.

4. В обеих системах отличается **круг субъектов**, способных участвовать в правоотношениях. Субъектами внутригосударственного права признаются физические и юридические лица (организации), государство в лице органов государственной власти (в федеративном государстве статус субъекта права закрепляется не только за государством в целом, но и за субъектом федерации), органы местного

самоуправления. По общему правилу правовое положение внутригосударственных субъектов права, объем их правоспособности устанавливается каждым государством самостоятельно. Государство как субъект внутринационального права обладает специфическим статусом, позволяющим ему господствовать в праве над иными субъектами (вертикальная связь в системе субъектов).

В международных правоотношениях способны принимать участие, прежде всего, государства и народы, борющиеся за самоопределение (первичные субъекты); международные межправительственные организации и государственно-подобные образования (вторичные субъекты).

В теории международного права нет однозначного мнения по поводу признания физических лиц субъектами международного права. Ответ на этот вопрос ставится в зависимости от признаков, которые считаются присущими субъектам международного права. Представляется, что таковыми являются лица и образования:

- за которыми статус субъектов международного права установлен в силу норм международного права;

- способные участвовать в международных правоотношениях. Так, Международный суд ООН в Консультативном заключении от 20 декабря 1980 г. «Толкование соглашения между ВОЗ и Египтом от 25 марта 1951 г.» указал, что «международные организации являются субъектами международного права и, как таковые, связаны любыми обязательствами, возложенными на них в соответствии с общими правилами международного права, в соответствии с их уставами или международными соглашениями, в которых они участвуют»¹;

- обладающие правом осуществлять властную функцию над иными субъектами в пределах своей компетенции;

- способные участвовать в процессе создания норм международного права.

Физические лица не соответствуют всей совокупности названных признаков. Поэтому представляется сомнительным включать их в систему субъектов международного права. При этом они, безусловно, подлежат защите по нормам международного права прав человека, международного гуманитарного права и т.д.

В международном праве для всех субъектов характерны горизонтальные связи в правоотношениях; по общему правилу никто не способен по своему усмотрению устанавливать императивные правила поведения.

5. Для обеих правовых систем характерны **особые источники права**. Во внутригосударственном праве (в зависимости от специфики национальной правовой системы) это могут быть нормативно-правовой акт (статут), судебный прецедент, правовой обычай, религиозный текст.

Основными источниками международного права являются международные договоры, международные обычаи и общие принципы права. В ст. 38 Статута Международного Суда ООН названы, помимо основных, вспомогательные источники международного права: «судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций». К этому перечню необходимо добавить резолюции и решения международных организаций, односторонние акты государств, которые относятся к группе вторичных источников.

6. Международное и внутригосударственное право различаются **порядком нормообразования**. В каждой национальной правовой системе разработана правотворческая процедура, в рамках которой законодательные, а подчас и исполнительные, и судебные органы уполномочены создавать правовые нормы.

В международном праве не предусмотрен наднациональный властный орган, который мог бы диктовать свою волю всем суверенным государствам, издавая обязательные для них нормы права. «Нормы международного права создаются непосредственно самими субъектами международного права, прежде всего государствами. Это происходит путем свободного согласования воли суверенных государств и выражения этой согласованной воли в заключаемых между ними конкретных международных договорах, принимаемых в соответствии со сложившейся договорной и обычной практикой государств» [5, с. 122].

¹ International Court of Justice. Interpretation of the Agreement of 25 March 1951 between the WHO and Egypt. Advisory Opinion of 20 December 1980. Para 35 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/65>

7. Для внутригосударственного и международного права предусмотрены особые порядки **принуждения к соблюдению норм**. В национальном правовом порядке это полномочие является прерогативой компетентных государственных органов и осуществляется в соответствии с действующими на территории государства правовыми предписаниями.

В международном праве не предусмотрен «мировой жандарм», контролирующий правомерное поведение иных субъектов. Международно-правовое принуждение имеет, как правило, договорную природу и осуществляется самими субъектами международного права. В международном праве сочетаются элементы политического и правового принуждения.

8. Обе правовые системы имеют отличия **в системе права**. Напомним, что система права – это совокупность правовых норм, институтов и отраслей права, взятых в своем единстве, взаимосвязи и взаимозависимости [6, с. 7]. Известно, что систему национального права составляют правовые нормы, правовые институты, подотрасли и отрасли права. Следует отметить, что данный критерий позволяет проследить отчетливые различия между правовыми системами романо-германского права и международным правом.

Система международного права обладает рядом особенностей, которые не встречаются ни в одной из национальных континентальных правовых систем.

В первую очередь отметим, что относительная молодость международного права объясняет многовариантность его системы. И в практике применения, и в доктрине не существует общепризнанного деления всей совокупности норм международного права на определенные отрасли. Даже давно сложившиеся крупные международно-правовые комплексы не могут считаться безусловно признанными. Например, по мнению ряда авторитетных исследователей, международное гуманитарное право (МГП) охватывает защиту прав человека не только в ситуациях вооруженных конфликтов, но и в мирное время [7, с. 11]². Таким образом, при таком подходе, международное право прав человека становится частью МГП.

Во-вторых, систему международного права отличает более очевидное, чем в национальном праве, динамичное развитие. Наряду с устоявшимися отраслями (такими как дипломатическое право, международное право прав человека, право международной безопасности) исследователи выделяют новые отрасли, которые либо находятся на стадии формирования, либо оформились в недавнем прошлом (международное космическое право, международное экологическое право и т.д.). Ряд комплексов международно-правовых норм (посвященных, например, сотрудничеству государств в сфере медицины, атомной энергетики, борьбы с терроризмом и т.д.) не имеет четкого места в системе международного права. По мнению одной группы исследователей их можно считать самостоятельными правовыми режимами (отраслями или подотраслями международного права) [8, с. 144–146]; по другой, как представляется, более обоснованной версии, их можно считать комплексными институтами, относящимися к признанным отраслям международного права [9, с. 83; 10, с. 19].

В-третьих, отрасли международного права обладают специфическим качеством «взаимопроникновения». Эта особенность международного права обусловлена его функциональной ориентированностью, необходимостью решать новые сложные проблемы, для устранения которых требуется применение нескольких отраслей международного права. Примерами такого взаимопроникновения могут служить комплексы международно-правовых норм, связанных с защитой прав беженцев, борьбой с пиратством, с правовым режимом Антарктики и т.д.

В-четвертых, для системы международного права характерны общие (сквозные) институты, которые пронизывают все отрасли международного права (например, право международной ответственности). Это уникальный элемент системы международного права, не имеющий аналогов в национальном праве.

Кроме того можно назвать еще несколько отличительных признаков между национальным и международным правом, связанных с местом в системе права процессуальных норм, императивных норм (*jus cogens*) и др.

² См. так же: *Legality of the threat or use of nuclear weapons, Advisory opinion. ICJ, Reports. 1996. P. 240. Para 25* [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.icj-cij.org/decisions>

9. Имеются определенные различия в **принципах** международного и национального права. В правовой науке нет единого взгляда на содержание общеправовых принципов права, которые формируют основу национального права. Авторы предлагают различные подходы к определению их перечня [11, с. 203–205]. С.С. Алексеев в качестве принципов национального права называл: законность, справедливость, всеобщность правосубъектности, социальную свободу, ответственность за вину. Обоснованным представляется мнение, что основу каждой национальной правовой системы составляют ее основные конституционные положения [11, с. 203–205].

Напомним, что общепризнанные принципы права признаются источником международного права. Благодаря им сформирована связь международного права со всеми национальными правовыми системами, они выполняют функцию согласования обеих систем, помогают им взаимодействовать и взаимовлиять друг на друга.

Общие принципы для международно-правовой системы сформулированы в Уставе ООН, Декларации о принципах международного права 1970 г., Заключительном акте СБСЕ 1975 г. Здесь не представляется необходимым подробно анализировать все международно-правовые принципы. Остановимся лишь на тех, которые отчетливо показывают конструктивную разницу международного и национального права.

В первую очередь, все субъекты международного права обладают равным статусом. Во всех национальных правовых системах государство, как субъект права, обладает верховенством над иными участниками правоотношений, способно диктовать им свою волю, привлекать к ответственности и устанавливать меры наказания. В международном правовом пространстве отсутствует подобный «центр принятия решений».

Во-вторых, принципиальным для международного права является правило о невмешательстве во внутренние дела государства. При несогласии с внутренней политикой государства международное сообщество вправе выразить свое отношение к происходящему, инициировать международно-правовые и политические инструменты воздействия на государство-нарушителя, но по общему правилу не допускается диктовать ему способы и срок устранения нарушений, без его согласия решать вопросы внутренней компетенции.

Все это свидетельствует о широкой автономии воли субъектов международного права, не характерной для субъектов национального права.

10. Наконец, у международного и внутригосударственного права отличаются **функции**. В самом общем смысле любой правовой системе присущи регулятивная и охранительная функции. Кроме них для национального права выделяют координационную, информативную, воспитательную и др.

Природа международного права, цели его создания обусловили специфические функции. В первую очередь международное право направлено на сохранение международного мира и безопасности. Реализации этой цели соответствует функция обеспечения стабильности международного порядка. Об этом, например, говорится в Консультативном заключении Международного Суда ООН о ядерном оружии 1996 г.³

Еще две специальные для международного права функции: гармонизация и унификация способствуют сближению существующих правопорядков, выравниванию общеправового развития в отдельных сферах. Эти функции играют важную роль в процессе реализации международно-правовых решений государствами.

Функция интеграции предполагает усиление сотрудничества между субъектами международного права.

Заключение

Таким образом, подведем итоги. Между национальным и международным правом наблюдаются весомые конструктивные различия, которые позволяют говорить о самостоятельности двух правовых

³ Case International Court of Justice. Legality of the Threat or Use of Nuclear Weapons. Advisory Opinion of 8 July 1996. Para 98 [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.icjij.org>

феноменов: правовой системы международного права и правовой системы внутригосударственного (национального) права. При этом нельзя забывать, что для них также характерна и значительная содержательная и функциональная согласованность [12, с. 85 и след.].

Диалектическое единство и противоположность обеих систем позволяют говорить о допустимости и практической значимости проведения межсистемных сравнительно-правовых исследований, а также о корректности заимствования в целях развития (с соблюдением определенных условий) правового материала из другой правовой системы.

Имплементация международного права во внутринациональное, в рамках которой государством создается механизм действия норм международного права во внутринациональном порядке, является адекватным инструментом совершенствования национального права.

Кроме того, сравнительно-правовые исследования международного и национального права способствуют развитию «межсистемных» крупных правовых режимов, посвящённых определенной сфере общественных отношений, таких как: миграционное право, защита прав человека, морское право и т.п. Такие правовые режимы не имеют исключительно национальную или международную привязку, одинаково значимы в обеих правовых системах [13, с. 5]. Более того, по-настоящему эффективное регулирование названных сфер возможно лишь с одновременным учетом правовых предписаний международного и внутригосударственного уровня.

С другой стороны, сравнение национального и международного права является необходимым для развития и международного права. Напомним, что начальный этап развития международного права многим обязан науке сравнительного правоведения в целом и первым конгрессам сравнительного правоведения в начале XX века. Благодаря применению сравнительно-правового метода стало возможным согласование «общих принципов права, признанных цивилизованным человечеством», ставшими источником международного права.

Сравнительно-правовой метод играет важную роль в формировании решений Международного Суда ООН⁴: общая норма международного права становится жизнеспособной лишь в случае ее применимости в большинстве национальных правовых систем.

Сравнительно-правовые исследования лежат в основе работы Комиссии международного права ООН (КМП)⁵. В целом, создание международных конвенций идет с активным использованием сравнительно-правового метода, без результатов которого представляется невозможным согласование действенных механизмов межгосударственных механизмов сотрудничества.

Список литературы

1. *Анцилотти Д.* Курс международного права. Т. 1; пер. с итал. А.Л. Саккети, Э.М. Фабрикова; под ред. Д.Б. Левина / Д. Анцилотти. – Москва: Изд-во иностр. лит., 1961. – 457 с.
2. *Черниченко С.В.* Контуры международного права. Общие вопросы. – Москва: Научная книга, 2014. – 592 с.
3. *Нефедов Б.И.* Соотношение международного и внутригосударственного права: проблема формирования межсистемных образований: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. – Москва, 2011. – 54 с.
4. *Иоффе О.С.* Правоотношение по советскому гражданскому праву. – Ленинград: Изд-во Ленингр. гос. ун-та им. А.А. Жданова, 1949. – 144 с.
5. *Егоров С.А.* Международное право: учебник. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2014. – 1087 с.
6. *Гаврилов В.В.* Международная и национальные правовые системы: понятие и основные направления взаимодействия: автореф. дис... д-ра юрид. наук: 12.00.10 / Гаврилов Вячеслав Вячеславович. – Казань, 2006. – 52 с.

⁴ International Court of Justice. Reports of Judgments, Advisory Opinions and Orders. South West Africa Cases (Ethiopia v. South Africa; Liberia v. South Africa). Second Phase. Judgment of 18 July 1966. Dissenting Opinion of Judge Tanaka. P. 295–297 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.icj-cij.org/en/case/46>

⁵ Доклад Комиссии Международного Права. Ответственность государств за международно-противоправные деяния. 23 апреля–1 июня и 2 июля–10 августа 2001 г. Дос. А/56/10. Комментарий к ст. 10. – С. 110 [Электронный ресурс]. – URL: un.org/documents/ga/docs/56/a5610.pdf.

7. *Pictet J.* Le droit humanitaire et la protection des victims de la guerre. – Leiden: Sijthoff, 1973. – 152 p.
8. *Malanczuk P.* Space Law as a Branch of International Law // *Netherlands Yearbook of International Law.* – Vol. 25. – 1994. – P. 143–180.
9. *Фельдман Д.И.* Система международного права. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1983. – 116 с.
10. *Бекяшев К.А.* Необходимо ли внесение серьезных изменений в существующую систему норм международного права // *Будущее международного права.* – Москва: Проспект, 2016. – С. 17–47.
11. Теория государства и права: учебник / под ред. проф. С.С. Алексеева. – Москва: Норма, 2005. – 496 с.
12. *Гаврилов В.В.* Понятие и взаимодействие международной и национальных правовых систем. – Москва: Инфра-М, 2018. – 222 с.
13. *Карташкин В.А.* Права человека в международном и внутригосударственном праве. – Москва: Изд-во ИГиП РАН, 1995. – 132 с.

References

1. *Ancilotti D.* Kurs mezhhdunarodnogo prava. T. 1; per. s ital. A.L. Sakketi, E.M. Fabrikova; pod red. D.B. Levina / D. Ancilotti. – Moskva: Izd-vo inostr. lit., 1961. – 457 s.
2. *Chernichenko S.V.* Kontury mezhhdunarodnogo prava. Obshchie voprosy. – Moskva: Nauchnaya kniga, 2014. – 592 s.
3. *Nefedov B.I.* Sootnoshenie mezhhdunarodnogo i vnutrigosudarstvennogo prava: problema formirovaniya mezhhsistemnyh obrazovaniy: avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk. – Moskva, 2011. – 54 s.
4. *Ioffe O.S.* Pravootnoshenie po sovetskomu grazhdanskomu pravu. – Leningrad: Izd-vo Leningr. gos. un-ta im. A.A. Zhdanova, 1949. – 144 s.
5. *Egorov S.A.* Mezhdunarodnoe pravo: uchebnik. – 5-e izd., pererab. i dop. – Moskva: Statut, 2014. – 1087 s.
6. *Gavrilov V.V.* Mezhdunarodnaya i nacional'nye pravovye sistemy: ponyatie i osnovnye napravleniya vzaimodeystviya: avtoref. dis... d-ra yurid. nauk: 12.00.10 / Gavrilov Vyacheslav Vyacheslavovich. – Kazan', 2006. – 52 s.
7. *Pictet J.* Le droit humanitaire et la protection des victims de la guerre. – Leiden: Sijthoff, 1973. – 152 r.
8. *Malanczuk P.* Space Law as a Branch of International Law // *Netherlands Yearbook of International Law.* – Vol. 25. – 1994. – R. 143–180.
9. *Fel'dman D.I.* Sistema mezhhdunarodnogo prava. – Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 1983. – 116 s.
10. *Bekyashev K.A.* Neobhodimo li vnesenie ser'eznyh izmenenij v sushchestvuyushchuyu sistemu norm mezhhdunarodnogo prava // *Budushchee mezhhdunarodnogo prava.* – Moskva: Prospekt, 2016. – S. 17–47.
11. Теория государства и права: учебник / под ред. проф. С.С. Алексеева. – Москва: Норма, 2005. – 496 с.
12. *Gavrilov V.V.* Ponyatie i vzaimodejstvie mezhhdunarodnoj i nacional'nyh pravovyh sistem. – Moskva: Infra-M, 2018. – 222 s.
13. *Kartashkin V.A.* Prava cheloveka v mezhhdunarodnom i vnutrigosudarstvennom prave. – Moskva: Izd-vo IGiP RAN, 1995. – 132 s.

УДК 342.7

ВЛИЯНИЕ ПРАВОВОГО ПРОСВЕЩЕНИЯ НА ЗАЩИТУ КОНСТИТУЦИОННЫХ ПРАВ ГРАЖДАН

Касс Кристина Габриеловна¹,
e-mail: Kristushka19@yandex.ru,

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, г. Москва, Россия

Статья посвящена анализу влияния правового просвещения на защиту конституционных прав граждан. Рассматриваются основные факторы, способствующие росту правовой грамотности населения и эффективному отстаиванию гражданами своих конституционных прав. Автор анализирует взаимосвязь между уровнем правовой культуры граждан и их способностью защищать свои права. Проблема недостаточного уровня просвещенности населения в современном обществе выходит на первые позиции, особенно при формировании стратегии развития. Важность правового просвещения как инструмента повышения правовой культуры формирует потребность в проведении анализа текущего состояния общества. Актуальность темы исследования обусловлена выявлением степени влияния и эффективности правового просвещения на защиту конституционных прав. В контексте статьи исследуется взаимосвязь между уровнем правовой культуры и действиями граждан в соответствии с алгоритмом реализации и защиты своих прав. Важно отметить, что приведенные примеры демонстрируют как повышающийся уровень правосознания влияет на качество жизни общества. Приведенные статистические данные позволяют выделить тенденции в правовой заинтересованности граждан и оценить динамику их вовлеченности в защиту своих законных интересов. Отмечается процесс интеграции современных технологий в процесс правового информирования населения. Изучение результатов работы Конституционного суда за определенный период позволили удостовериться в тесной взаимосвязи процессов правового просвещения и уровня соблюдения конституционных прав граждан.

Ключевые слова: правовое просвещение, конституционные права, гражданское общество, правовая культура, правовая грамотность, правовое образование, конституционное правосознание

IMPACT OF LEGAL EDUCATION ON THE PROTECTION OF CONSTITUTIONAL RIGHTS OF CITIZENS

Kass K.G.¹,
e-mail: Kristushka19@yandex.ru,

¹The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia

The article analyzes the impact of legal education on the protection of constitutional rights of citizens. The article examines the main factors contributing to the growth of legal literacy of the population and effective defense of constitutional rights by citizens. The author analyzes the correlation between the level of legal culture of citizens and their ability to protect their rights. The problem of the insufficient level of education of the population in modern society comes to the fore, especially when forming a development strategy. The importance of legal education as a tool for improving legal culture creates the need to analyze the current state of society. The relevance of the research topic is due to the identification of the degree of influence and effectiveness of legal education on the protection of constitutional rights. In the context of the article the relationship between the level of legal culture and the actions of citizens in accordance with the algorithm of realization and protection of their rights is investigated. It is important to note that the given examples demonstrate how the increasing level of legal awareness affects the quality of life of society. The above statistical data allow us to identify trends in the legal interest of citizens and assess the dynamics of their involvement in the protection of their legitimate interests. A process of

integration of modern technologies into the process of legal information of the population is observed. The study of the results of the work of the Constitutional Court for a certain period of time allowed us to verify the close relationship between the processes of legal education and the level of observance of constitutional rights of citizens.

Keywords: Legal education, Constitutional rights, Civil society, Legal culture, Legal literacy, Legal education, Constitutional legal awareness

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-32-37

В современном обществе, где основные права и свободы человека и гражданина закреплены во второй главе Конституции РФ¹, правовое просвещение играет ключевую роль в формировании правовой культуры и обеспечении соблюдения конституционных прав граждан. Влияние правового просвещения на гражданское общество проявляется в повышении уровня правовой грамотности, культуры, информированности, образования и воспитания [1].

Конституционные права человека и гражданина – это права и свободы, которые являются неотчуждаемыми и даются каждому с рождения. Они составляют ядро правового статуса личности и лежат в основе других прав, их объем не зависит от социального статуса лица [2].

Обязанность признавать, соблюдать, защищать конституционные права и свободы человека и гражданина, является фундаментальной основой конституционного строя России. Из текста главного закона страны следует, что Российская Федерация является правовым государством, просветительская деятельность необходима для упрочнения существующих, а также создания новых институтов гражданского общества и правового государства. Указом Президента РФ от 09.11.2022 № 809² были определены цели, задачи и инструменты в реализации национального приоритета по защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей, культуры и исторической базы. Стоит отметить, что именно Конституция России была выделена в качестве нормативно-правовой базы данного акта.

По мнению Б.С. Эбзеева «развитие конституционно-правовой культуры общества характеризуется длительностью и противоречивостью» [3]. Действительно, и на современном этапе развития общества сохраняются перечисленные категории, однако важнейшими задачами правового просвещения являются повышение правовой грамотности и правовой культуры населения, формирование уважения к правам и свободам, а также активное вовлечение граждан в процесс обсуждения и решения вопросов, касающихся их прав и свобод. Исследуемый процесс происходит поэтапно, гражданское общество и правовое государство неразрывно связаны друг с другом, по мере своего становления и развития происходит взаимное укрепление [4].

Исследуя правовое просвещение как механизм влияния на уровень защищенности конституционных прав, необходимо отметить формирование конституционного правосознания у общества. По мнению В.И. Червонюка это та часть конституционного права, которая формирует общественный «колорит», непосредственная связь между законом и человеком [5].

Иными словами, конституционное правосознание является совокупностью взглядов и убеждений, которые имеются у граждан, относящихся к основным нормам и принципам, закрепленным в Конституции страны. Оно является неотъемлемой частью конституционной культуры общества, которая определяется уровнем понимания и уважения к Конституции, ее ценностям и нормам [6]. Развитие конституционного правосознания является необходимым условием для укрепления правового государства и обеспечения стабильности и процветания общества. Исходя из этого, принято считать необходимым выделять образование и просвещение граждан в области конституционного права и правовой культуры в качестве важной задачи государства.

8 марта 2024 года Комитетом Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству был проведен круглый стол на тему «Правовое просвещение и образование

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.).

² Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в Российской Федерации: новые возможности цифровых технологий». Данная дискуссия, проходившая по нескольким вопросам, способствовала выявлению актуальных направлений развития правопросветительской деятельности. Например, Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 года № 203³ утверждена Стратегия развития информационного общества в стране на 2017–2030 годы. Одной из ключевых задач в рамках этой стратегии является создание информационного пространства, основанного на знаниях о праве. Это пространство должно гарантировать гражданам доступ к объективной, достоверной и безопасной информации. При этом государство обязано создать условия для формирования такого информационного пространства, обеспечить доступ к нему, а также усовершенствовать механизмы распространения знаний и их применения в интересах личности, общества и государства. Такой платформой стала информационная система «Правовая помощь»⁴, которая включает в себе необходимый функционал для получения оперативного правового информирования, доступность правовых инструментов, возможность прямой коммуникации с участниками государственной системы бесплатной юридической помощи и не только.

Обратившись к результатам исследования фонда «Общественное мнение» (далее – ФОМ)⁵ в феврале 2023 года по теме: «Источники информации: предпочтения россиян», можно подтвердить результативность внедрения данной платформы. Из таблицы 1 следует, что за 10 лет до 2023 года сайты в сети Интернет (в том числе, форумы, социальные сети, новостные сайты и др.) стали более популярным средством получения информации в среднем на 15 %, а уровень доверия к информации, размещенной в сети Интернет, возрос на 10 %. Из общего числа опрошенных на протяжении всего исследуемого периода 56 % считают, что для достоверности информации необходимо проверять её в нескольких источниках.

Таблица 1 – Результаты опроса ФОМ по теме «Источники информации: предпочтения россиян»

	2013 г.	2018 г.	2020 г.	2023 г.
Телевидение	86 %	75 %	65 %	59 %
Новостные сайты в сети Интернет	26 %	36 %	42 %	45 %
Форумы, блоги, сайты социальных сетей	12 %	19 %	21 %	23 %
Получение информации через вербальные коммуникации (разговоры с родственниками, знакомыми, коллегами и др.)	20 %	15 %	14 %	14 %

Безусловно, процессы цифровизации оставляют позитивный след на развитие процессов просветительской деятельности, позволяя обеспечить единое информационное поле для больших охватов аудитории, в том числе способствуя поддержанию единого и достоверного информационного поля [7]. Такой подход стимулирует более лояльное восприятие правовой информации, верную интерпретацию, доверительное отношение и, как следствие, активное применение правовых норм различного характера в повседневной жизни общества.

Согласно исследованию, проведенному Всероссийским центром изучения общественного мнения⁶ в декабре 2023 года, 81 % граждан нашей страны имеют общее представление о главном законе, 28 % изучали ее в вузе, 23 % – в школе, 26 % – самостоятельно, 65 % полагают, что нынешняя Конституция в полной мере отвечает нуждам страны и народа. Тенденция развития уровня заинтересованности граждан менялась на протяжении последнего десятилетия, демонстрируя рост. Однако необходимо отметить, что, несмотря на высокий уровень общего представления о Конституции среди граждан, лишь небольшая часть из них имеет глубокое понимание и знание основных положений этого документа. Недостаточное осведомление о конституционных нормах может привести к неправильному толкованию законов и решений, что, в свою очередь, может негативно отразиться на правовом сознании общества.

С целью проведения эффективной оценки степени влияния правового просвещения на соблюдение конституционных прав необходимо произвести анализ деятельности Конституционного суда Рос-

³ Указ Президента РФ от 9 мая 2017 года № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ Информационная система «Правовая помощь» Министерства юстиции РФ [Электронный ресурс]. – URL: vprave.pf.

⁵ Фонд «Общественное мнение». – URL: <https://fom.ru/>

⁶ Всероссийский центр изучения общественного мнения [Электронный ресурс]. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/den-konstitucii>.

сии в разрезе обеспечения правового просвещения населения. Например, в 2019 году Конституционный суд России рассмотрел жалобу Фонда содействия развитию массовых коммуникаций и правовому просвещению «Так-Так-Так»⁷ и отказал в её принятии. Фонд оспаривал конституционность пункта 6 статьи 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях». Суд пришёл к выводу, что оспариваемый пункт не может рассматриваться как нарушающий конституционные права фонда в указанном в жалобе аспекте.

Анализируя статистические данные о результатах деятельности Конституционного суда, можно сделать вывод о том, что по мере возрастания уровня правовой грамотности населения, количество обращений граждан, по которым было вынесено постановление, увеличивается (рисунок 1). Безусловно, это свидетельствует о росте доверия граждан к институту Конституционного суда и их готовности использовать его механизмы для защиты своих прав и свобод. Тем не менее, важно отметить, что необходимо продолжать работу по повышению правовой грамотности населения для более эффективного использования данного института.

Рисунок 1 – Статистические данные о результатах работы Конституционного суда России за период с 2019 по 2023 гг.

В результате увеличения числа вынесенных решений также увеличилось количество постановлений, требующих изменения правового регулирования в соответствии со статьей 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁸. К ним относятся постановления о признании нормативных положений не соответствующими Конституции Российской Федерации, в том числе содержащие предписания в адрес нормотворческого органа, а также о признании нормативных положений соответствующими Конституции Российской Федерации в выявленном Конституционным Судом смысле, содержащие предписания в адрес нормотворческого органа [8].

Помимо этого, исследуя решения Конституционного суда, можно отметить тенденцию к увеличению числа дел, связанных с защитой субъективных прав граждан. Это говорит о том, что в современном обществе актуальными остаются вопросы, касающиеся защиты личности, свободы и справедливости. Конституционный суд играет ключевую роль в защите конституционных прав граждан и развитии правового государства.

Важной тенденцией, которую можно выделить из исследования, является увеличение количества постановлений Конституционного суда, оказывающих влияние на правовую практику и законодатель-

⁷ Определение Конституционного Суда РФ от 29.05.2019 № 1483-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы Фонда содействия развитию массовых коммуникаций и правовому просвещению «Так-Так-Так» на нарушение конституционных прав и свобод пунктом 6 статьи 2 Федерального закона «О некоммерческих организациях»» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Федеральный конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ (ред. от 31.07.2023) «О Конституционном Суде РФ» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ство. Это свидетельствует о значимости работы Конституционного суда как высшего органа контроля за соблюдением и применением конституции и законов в стране.

Институты правового просвещения быстро развиваются, подстраиваются под современные требования общества. Однако опыт реализации крупных правопросветительских проектов наглядно демонстрирует, что применение в данной сфере неформального подхода, воспринимается населением более лояльно. Исследование различного опыта реализации правопросветительской деятельности отображает позитивную динамику при комплексном, проектном подходе, направленном на целевую аудиторию [9]. Основываясь на результатах проведенного исследования, возможен вывод о необходимости разработки единого документа, закрепляющего основы правопросветительской деятельности, в котором будут содержаться нормативные инструкции с наиболее эффективными механизмами реализации деятельности по повышению правовой культуры, целевые группы, требующие особого внимания, качество просветительских мероприятий, перечень ответственных лиц и иные положения, целью регулирования которых будет масштабирование деятельности для вовлечения всего общества.

Таким образом, правовое просвещение играет ключевую роль в соблюдении конституционных прав граждан. Оно способствует повышению уровня правовой грамотности населения, формированию культуры правопорядка, а также развитию диалога между гражданами и властью. В итоге, правовое просвещение является неотъемлемой составляющей развития общества и гарантом соблюдения и защиты конституционных прав граждан.

Список литературы

1. Безрукова А.А. Политическое, правовое просвещение и гражданское общество в России // Общество: политика, экономика, право. – 2023. – № 6 (119).
2. Червонюк В.И. Конституция и конституционное правосознание // Вестник Московского университета МВД России. – 2008. – № 10.
3. Эбзеев Б.С. Конституция, власть и свобода в России: опыт синтетического исследования. – Москва: Проспект, 2014. – 336 с.
4. Муртазалиев А.М., Мирзаев М.А. Правовое государство и гражданское общество: взаимосвязь и взаимозависимость // Вестник Дагестанского государственного университета. Сер. 3: Общественные науки. – 2015. – № 2.
5. Яценко В.В. Конституционное право: учебное пособие для студентов вузов по направлению 40.03.01 «Юриспруденция» / В.В. Яценко. – Курск: Юго-Западный государственный университет, Университетская книга, 2020. – 249 с.
6. Орзих М.Ф. Правовая культура в системе современного конституционализма // Право и культура: теория и практика: материалы междунар. научно-практич. конф. – Киев, 1997. – С. 190–191.
7. Бекиров С.Н. Правовая действительность воспитания молодежи в условиях цифровизации // Проблемы современного педагогического образования. – 2023. – № 78-2.
8. Винокуров В.А. Деятельность Конституционного Суда Российской Федерации: правовые пробелы и новые задачи // Конституционное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 24–29.
9. Современные технологии правового просвещения молодежи: зарубежный и отечественный опыт / С.Ю. Кашкин, А.В. Павлинов, М.Н. Прудников [и др.]. – Москва: Мир науки, 2020. – 361 с. – EDN BBUCNO.

References

1. Bezrukova A.A. Politicheskoe, pravovoe prosveshchenie i grazhdanskoe obshchestvo v Rossii // Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo. – 2023. – № 6 (119).
2. Chervonyuk V.I. Konstituciya i konstitucionnoe pravosochnanie // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. – 2008. – № 10.
3. Ebzeev B.S. Konstituciya, vlast' i svoboda v Rossii: opyt sinteticheskogo issledovaniya. – Moskva: Prospekt, 2014. – 336 s.
4. Murtazaliev A.M., Mirzaev M.A. Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: vzaimosvyaz' i vzaimozavisimost' // Vestnik Dagestanskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 3: Obshchestvennyye nauki. – 2015. – № 2.

5. *Yacenko V.V.* Konstitucionnoe pravo: uchebnoe posobie dlya studentov vuzov po napravleniyu 40.03.01 "Yurisprudenciya" / V.V. Yacenko. – Kursk: Yugo-Zapadnyj gosudarstvennyj universitet, Universitetskaya kniga, 2020. – 249 s.
6. *Orzih M.F.* Pravovaya kul'tura v sisteme sovremennogo konstitucionalizma // Pravo i kul'tura: teoriya i praktika: materialy mezhdunar. nauchno-praktich. konf. – Kiev, 1997. – S. 190–191.
7. *Bekirov S.N.* Pravovaya dejstvitel'nost' vospitaniya molodezhi v usloviyah cifrovizacii // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. – 2023. – № 78-2.
8. *Vinokurov V.A.* Deyatel'nost' Konstitucionnogo Suda Rossijskoj Federacii: pravovye probely i novye zadachi // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. – 2020. – № 6. – S. 24–29.
9. *Sovremennye tekhnologii pravovogo prosveshcheniya molodezhi: zarubezhnyj i otechestvennyj opyt* / S.Yu. Kashkin, A.V. Pavlinov, M.N. Prudnikov [i dr.]. – Moskva: Mir nauki, 2020. – 361 s. – EDN BBUCNO.

УДК 347.1

ЭКОНОМИЯ УПРАВЛЯЮЩЕЙ ОРГАНИЗАЦИИ ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПО УПРАВЛЕНИЮ МНОГОКВАРТИРНЫМИ ДОМАМИ

Сулова Светлана Игоревна^{1,2},
доктор юрид. наук, доцент,
e-mail: svetsuslova@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия,

²Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России), г. Иркутск, Россия

Выделяется два подхода, сформировавшихся в судебной практике по вопросу о праве управляющей компании на экономию при осуществлении деятельности по управлению многоквартирными домами. Отмечается их полярность: первый основывается на необходимости применения норм гражданского законодательства и выработанном судебной практикой понимании об экономии подрядчика, второй – на особом характере отношений по управлению, что требует формирования специального подхода к разрешению споров об экономии управляющих организаций. Приводятся аргументы против механического использования норм об экономии подрядчика к экономии управляющих организаций. Демонстрируются негативные тенденции, связанные с возможным злоупотреблением правом со стороны управляющих компаний при разрешении споров на основании второго подхода. Делается вывод о необходимости поиска баланса между сложившимися полярными точками зрения, который бы, с одной стороны, не приводил к возможным злоупотреблениям со стороны управляющих компаний, а с другой стороны, не лишил бы управляющих компаний возможности обосновать наличие экономии.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: управляющая компания, экономия, экономия подрядчика, многоквартирный дом, договор управления, злоупотребление правом, работа и услуги

SAVINGS OF THE MANAGING ORGANIZATION WHEN CARRYING OUT ACTIVITIES ON THE MANAGEMENT OF APARTMENT BUILDINGS

Suslova S.I.^{1,2},

Doctor of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: svetsuslova@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia,

²Irkutsk Institute of The All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), a branch in Irkutsk, Irkutsk, Russia

Two approaches that have been formed in judicial practice on the issue of the right of the managing company to save when implementing activities on the management of apartment buildings are distinguished. Their polarity is noted: the first is based on the need to apply the norms of civil legislation and the understanding of the contractor's savings developed by judicial practice, the second – on the special nature of management relations, which requires the forming of a special approach to resolving disputes on the savings of managing organizations. Arguments are given against the mechanical use of the rules on the contractor's savings to the savings of managing organizations. Negative trends associated with the possible abuse of rights by managing companies in resolving disputes based on the second approach are demonstrated. The conclusion is made about the need to find a balance between the existing polar points of view, which, on the one hand, would not lead to possible abuses on the part of managing companies, and, on the other hand, would not deprive managing companies of the oppor-

tunity to justify the existence of savings.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: managing company, savings, contractor savings, apartment building, management agreement, abuse of rights, work and services

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-38-44

Введение

Часть 12 статьи 162 Жилищного кодекса РФ прямо устанавливает право управляющей компании на получение денежных средств, составляющих разницу между собранными денежными средствами по утвержденному тарифу и потраченными на фактическое исполнение договора управления многоквартирным домом (далее МКД) при условии, что полученная управляющей организацией экономия не привела к ненадлежащему качеству оказанных услуг и (или) выполненных работ по управлению МКД, оказанных услуг и (или) выполненных работ по содержанию и ремонту общего имущества в МКД.

Несмотря на прямое законодательное закрепление права управляющей компании на экономию, в судебной практике сформировалось два подхода по данному вопросу. Один основывается на необходимости применения норм гражданского законодательства и выработанным судебной практикой пониманием об экономии подрядчика, второй – на особом характере отношений по управлению, что требует выработки специального подхода к разрешению споров об экономии управляющих организаций.

Преимущественное количество судебных споров по данному вопросу возникает в тот момент, когда происходит смена управляющей компании в МКД. Новая управляющая компания пытается вернуть деньги, собранные с собственников, а прежняя управляющая компания утверждает, что данные денежные средства уже не принадлежат собственникам, а в силу экономии управляющей компании являются ее личными средствами, ее доходами, которые у нее истребовать нельзя.

При этом указанные позиции можно назвать полярными. При первом походе на управляющую организацию, добросовестность которой должна предполагаться, если не доказано иное, возлагается практически весь объем доказывания (и того, что сэкономленные средства не привели к некачественному результату, и того, что совершенные действия могут породить экономию). При втором подходе, который сводится к формальному отсутствию претензий и отсутствию составленных актов, создает почву для злоупотребления со стороны управляющих компаний, которые практически любые действия могут «подвести» под экономию, лишь формально заявив об отсутствии соответствующих документов.

В юридической литературе данная проблематика не обсуждается. Теоретического осмысления природы экономии управляющих компаний не происходит, что привело к формированию абсолютно противоречивой судебной практики. Сложившаяся ситуация требует анализа возможных аргументов в пользу той или иной точки зрения, а также их оценки для ее разрешения.

Экономия управляющей компании и экономия подрядчика

Как известно, положение об экономии подрядчика закреплено в п. 1 ст. 710 ГК РФ, в которой указано, что в случаях, когда фактические расходы подрядчика оказались меньше тех, которые учитывались при определении цены работы, подрядчик сохраняет право на оплату работ по цене, предусмотренной договором подряда, если заказчик не докажет, что полученная подрядчиком экономия повлияла на качество выполненных работ. Следует заметить, что и в этом вопросе никакого единообразия в понимании природы экономии не существует. Причем актуален этот вопрос не только для гражданско-правовых отношений [1; 2], но и в контексте уголовных дел, возбуждаемых против руководителей подрядчиков за хищение бюджетных средств [3]. Определенные векторы в понимании экономии сформулировал Верховный Суд РФ на примере одного дела, вошедшего в Обзор судебной практики¹.

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 24.04.2019 // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2019. – № 10.

Основные положения, которые выводятся из позиции высшей судебной инстанции, можно свести к следующему. Во-первых, сформулировано то, что нельзя считать экономией: использование меньшего, чем предусмотрено договором подряда, количества материалов; замены материалов и оборудования на более дешевые модели. Во-вторых, указано на то, что обсуждать вопросы экономии нельзя до того момента, пока не установлен факт наличия недостатков работ и негативных последствий от замены материала и изменения способа выполнения работ подрядчиком. В-третьих, сделан акцент на некоторые действия, которые можно отнести к экономии: выгода должна возникнуть в результате применения оптимальных и наиболее эффективных способов выполнения тех объемов работ и проектных решений, которые предусмотрены проектной документацией, а не вызваны сокращением проектных объемов работ или изменением проектных решений в сторону более дешевых и завышением расценок при составлении сметной документации.

Сторонники данного подхода также полагают, что именно управляющая компания должна доказать правомерность своих притязаний на экономию, при этом на истца, требующего возврата средств, возлагается лишь обязанность путем предоставления минимально достаточных доказательств обосновать высокую степень вероятности факта ненадлежащего исполнения управляющей компанией своих обязательств.

Очевидно, что соблазн применить алгоритм, предложенный Верховным Судом РФ в отношении экономии подрядчика, достаточно высок. Подобная аналогия вытекает из сходства возникающих отношений (квалификации договора управления в качестве договора подряда), единого термина «экономию», используемого законодателем. Не отрицая факта того, что экономия подрядчика и экономия управляющей компании – правовые явления одного порядка, тем не менее выскажем возражения против автоматического применения по аналогии норм о договоре подряда в части экономии подрядчика.

Первое возражение основывается на том, что договор управления многоквартирным домом является особым видом договора, в отношении которого действует специальный правовой режим, на что неоднократно обращалось внимание и в доктрине [4–6] и в судебной практике². Кроме того имеются серьезные аргументы, высказанные в юридической литературе [7], а также примеры на уровне правоприменения³ об отнесении договора управления к договорам оказания услуг, очевидно, что ставить знак равенства между договором подряда и договором управления многоквартирным домом невозможно.

Второе возражение, детализируя первое, строится на демонстрации принципиальных для вопросов экономии различий между работами, выполняемыми в рамках договора подряда, и работ, выполняемых в рамках договора управления многоквартирным домом. Договор управления в части тех работ, которые должна выполнить управляющая компания, обладает существенной спецификой. Определенные работы выполняются управляющей компанией на постоянной основе, другие – по мере необходимости, третьи – невозможно спрогнозировать, а потому совершаются только в случае обнаружения повреждений и составления плана восстановительных работ. Отсутствие возможности четко сформулировать конкретный перечень работ в договоре управления, вызванный спецификой соответствующей деятельности (в т.ч. неотложных работ), не может не оказывать влияние на понимание того, что и экономия подрядчика и управляющей компании не должна трактоваться одинаково. Яркой демонстрацией последнего также являются нормы, отражающие социальную значимость отношений в сфере управления многоквартирными домами. В частности, у управляющей компании нет возможности требовать увеличения размера платы за содержание жилого помещения в отсутствие специального решения общего собрания собственников помещений МКД в случае существенного возрастания стоимости материалов и оборудования, как это допустимо в п. 6 ст. 709 ГК РФ применительно к подрядным отношениям.

Третье возражение лежит в плоскости несогласия с общим негативным отношением к возможности экономии управляющих компаний. Как известно, соответствующие нормы об экономии появились

² Системное толкование норм гражданского и жилищного законодательства позволяет сделать вывод о том, что договор управления многоквартирным домом по своей правовой природе является **особым видом договора**, в отношении которого действует **специальный режим правового регулирования** (Постановление Президиума ВАС РФ от 15 июля 2010 г. № 1027/10; Определение Верховного Суда РФ от 15 октября 2021 г. № 307-ЭС21-13253 по делу № А42-7104/2020 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 16 августа 2011 г. № ВАС-7677/11, Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12 апреля 2024 г. № Ф08-2971/2024 по делу № А32-70169/2023, Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 20 декабря 2018 г. № Ф06-38316/2018 по делу № А65-16154/2018 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

в Жилищном кодексе РФ только в 2017 году⁴. При этом в заключении правового управления аппарата Государственной Думы к проекту названного закона, было указано на необходимость дать дополнительные пояснения в отношении ч. 12 ст. 162 Жилищного кодекса РФ по вопросу о том, квалифицируется ли «указанная разница» в качестве прибыли, поступающей в собственность управляющей организации либо соответствующими денежными средствами следует распоряжаться исключительно в целях обслуживания МКД. Абсолютно логично то, что указанное замечание правового управления не повлияло на принятие закона в действующей сейчас редакции, иначе терялся бы весь смысл введения данной нормы, которая должна стимулировать управляющую организацию к использованию новых технологий и эффективной организации деятельности по управлению.

До момента появления ч. 12 ст. 162 Жилищного кодекса РФ вопрос о применении аналогии норм о подряде к экономии управляющей компании вообще не возникал и к схожести отношений никто не апеллировал. Такое положение вещей, как представляется, было связано исключительно с социальным окрасом отношений в сфере управления многоквартирным домом и негативным отношением к деятельности управляющих компаний, которые могут в этом случае злоупотреблять своими правами.

Однако деятельность управляющих компаний является предпринимательской деятельностью, что должно, особенно при прямом дозволении законодателя на возможность экономии управляющих организаций, свидетельствовать о том, что эффективное осуществление этой деятельности может и должно приносить организации прибыль, если при этом не страдает качество оказываемых услуг. Безусловно то, что деятельность по управлению должна осуществляться на условиях, наиболее выгодных для собственников помещений в доме, является стандартом управления, направленным на обеспечение эффективности управления. Вместе с тем, перспектива получения дополнительного дохода для управляющей организации будет приводить к улучшению качества оказываемых услуг, применению более продуктивных и энергосберегающих технологий, что в конечном итоге и приведет к повышению эффективности управления многоквартирным домом. Более того, подход к экономии управляющей организации как вознаграждения за ее работу, присутствует и в позициях Конституционного Суда РФ. Так, в Определении Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № 1552-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Управляющая компания “Кристалл” на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 162 Жилищного кодекса Российской Федерации», в частности, указано, что стороны могут установить в договоре управления размер вознаграждения управляющей компании, в том числе в части средств, сэкономленных ею ввиду обоснованной экономии при исполнении обязательств, вытекающих из договора управления многоквартирным домом⁵.

Таким образом, констатируя, что природа экономии подрящика и экономии управляющей компании во многом схожа и предопределена сущностью предпринимательских отношений (предприниматель заинтересован в получении прибыли, а потому имеет возможность произвести работы более эффективным способом, достигнув качественного результата, согласованного сторонами), тем не менее имеются существенные особенности каждой договорной конструкции, что исключает механическую и полную аналогию норм об экономии подрящика при разрешении споров об экономии управляющей компании.

Экономия управляющей компании и проблема злоупотребления правом

Второй подход, сложившийся в судебной практике, можно назвать «формальным». Суть его заключается в том, что разница в виде денежных средств может быть признана экономией управляющей

⁴ Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 485-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс РФ и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2018. – № 1 (Часть I). – Ст. 69.

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № 1552-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью “Управляющая компания “Кристалл” на нарушение конституционных прав и свобод частью 2 статьи 162 Жилищного кодекса Российской Федерации» (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

организации в случае отсутствия доказательств, свидетельствующих о ненадлежащем качестве оказанных услуг по управлению МКД⁶.

Такая позиция опирается на открытость информации о деятельности управляющей компании, а также на то, что данная информация, размещаемая в государственной информационной системе, обладает признаками публичной достоверности. Это, в свою очередь, означает, что достоверность соответствующих отчетов управляющей организации можно считать подтвержденной, пока не доказано обратное.

Более того, в подзаконных нормативно-правовых актах прямо указано, что для целей применения ч. 12 ст. 162 Жилищного кодекса РФ услугами и работами ненадлежащего качества могут быть признаны лишь те услуги и работы, в отношении которых составлен соответствующий акт, подтверждающий те или иные нарушения⁷. Так, в п. 17 Правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в МКД ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 № 491, указано, что в случае, если по результатам исполнения договора управления МКД управляющей организацией получена экономия в соответствии с ч. 12 ст. 162 Жилищного кодекса РФ, при определении качества оказанных услуг и (или) выполненных работ по управлению МКД, оказанных услуг и (или) выполненных работ по содержанию и ремонту общего имущества в МКД, предусмотренных договором управления МКД, качество таких услуг и (или) работ считается ненадлежащим, если о ненадлежащем качестве таких услуг и (или) работ в период, за который управляющей организацией представлен отчет о выполнении указанного договора, составлялся акт нарушения качества или превышения установленной продолжительности перерыва в оказании услуг или выполнении работ.

Указанные нормы законодательства дают судам основание сделать вывод о том, что управляющая компания может претендовать на получение экономии при наличии совокупности следующих условий: управляющая компания в полном объеме выполнила работы и оказала услуги, предусмотренные договором управления МКД, что подтверждается опубликованными отчетами, обладающими признаками публичной достоверности; отсутствуют акты нарушения качества или превышения установленной продолжительности перерыва в оказании услуг или выполнении работ, предусмотренных Постановлением № 491; договором управления не предусмотрено иное распределение полученной управляющей организацией экономии.

Представляется, что такой подход может повлечь существенные злоупотребления со стороны управляющих компаний [8]. Безусловно, нельзя исходить из презумпции недобросовестности управляющих организаций, что прямо противоречит ст. 1 и ст. 10 ГК РФ, однако, учитывая социальную значимость указанных отношений, нахождение на стороне «заказчика» собственников-физических лиц, сложности структуры отчетов управляющих компаний, требующих специальных познаний в сфере управления, отсутствие составленных актов о некачественных работах и услугах в период до размещения указанных отчетов, не должно лишать возможности для собственников (или новой управляющей компании) ставить вопрос о качестве работ или услуг уже после размещения указанных отчетов.

Выводы

Ситуация в сфере разрешения споров об экономии управляющей компании демонстрирует противоположность подходов судебной практики: от позиции, исходящей из презумпции недобросовестности управляющих компаний, фактически лишаящей последних права на получение экономии до

⁶ См., например, Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27 июля 2022 г. по делу № А35-3297/2021, постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 01 сентября 2022 г. по делу № А83-13465/2021 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁷ В п. 17 Правил изменения размера платы за содержание жилого помещения в случае оказания услуг и выполнения работ по управлению, содержанию и ремонту общего имущества в МКД ненадлежащего качества и (или) с перерывами, превышающими установленную продолжительность, утвержденных постановлением Правительства Российской Федерации от 13.08.2006 № 491 (далее – Постановление № 491) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 34. – Ст. 3680.

формальной оценки их деятельности без учета прав и интересов граждан-собственников. Представляется, что должен быть предложен баланс этих двух полярных точек зрения, который бы, с одной стороны, не приводил к возможным злоупотреблениям со стороны управляющих компаний, а с другой – не лишал бы их возможности обосновать наличие экономии.

Предлагаем учитывать следующие моменты при разрешении споров, связанных с экономией управляющих компаний.

Во-первых, в силу положений статей 154, 158 Жилищного кодекса РФ средства, получаемые от собственников помещений в МКД на текущий ремонт, не поступают в собственность управляющей компании и имеют целевой характер. Такой подход не только укоренился в судебной практике⁸, но косвенно подтвержден и позицией Конституционного Суда РФ⁹. Соответственно, в рамках сложившихся в практике подходов об особом статусе денежных средств, внесенных за текущий ремонт, которые расцениваются как денежные средства собственников, невозможно говорить об экономии управляющей компании в рамках указанных работ. Сэкономленные средства на текущий ремонт, являясь деньгами собственников, могут быть направлены исключительно на другие виды работ по текущему ремонту. Соответственно экономии управляющей организации при проведении текущего ремонта быть не может.

Во-вторых, экономия управляющей организации в отношении иных видов работ или услуг может иметь место в соответствии со вторым подходом, сложившимся в судебной практике, который основан не только на прямом законодательном регулировании, но и исходит из презумпции добросовестности управляющей организации, которая, согласно ст. 10 ГК РФ должна предполагаться. Вместе с тем, как уже было отмечено, учитывая социальную значимость указанных отношений, выражающуюся в необходимости более серьезной защиты собственников-физических лиц, следует исходить из возможного оспаривания результатов отчетов управляющих компаний и предъявления претензий к качеству работ и услуг уже после размещения отчетов в государственной информационной системе.

Однако (по аналогии п. 5 ст. 477 ГК РФ), если некачественные результаты были обнаружены за пределами сроков, указанных в ч. 12 ст. 162 ЖК РФ, а также п. 17 Постановления № 491, то обязанность по доказыванию того, что работы были оказаны некачественно должна возлагаться на тех, кто не исполнил ее в установленные сроки.

Такой подход позволяет сбалансировать интересы сторон, пропорционально (в зависимости от предшествующего поведения) распределяет бремя доказывания между сторонами, исходит из презумпции добросовестности участников данных отношений, а также учитывает особую природу договора управления многоквартирными домами.

Список литературы

1. *Киямутдинов И.И.* Несовершенство правовой регламентации в области экономии подрядчика и последствия, вытекающие из-за правовых пробелов // *Общество и цивилизация.* – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 107–109.
2. *Герасимов А.Н.* Когда подрядчик может применять правила об экономии // *Градостроительное право.* – 2018. – № 4. – С. 12–13.
3. *Сычев А.Л.* Экономия подрядчика или хищение: актуальные вопросы, возникающие при расследовании преступлений экономической направленности // *Вестник Университета «Кластер».* – 2022. – № 7 (7). – С. 32–45.
4. *Чепига Т.Д.* Частноправовой подход к понятию договора управления многоквартирным домом // *Правовые вопросы недвижимости.* – 2023. – № 1. – С. 19–21.
5. *Гольшев В.Г., Гольшева А.В.* О некоторых аспектах договорно-правового регулирования отношений по управлению многоквартирным домом // *Право и экономика.* – 2022. – № 10. – С. 11–15.

⁸ Постановления Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19.09.2023 по делу № А67-11498/2021, Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.10.2023 по делу № А39-6786/2022, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 06.03.2024 по делу № А51-230/2020 (документ опубликован не был) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁹ Определение Конституционного Суда РФ от 28 июня 2018 г. № 1552-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. *Юрьева Л.А.* Договор управления многоквартирным домом: монография / под ред. И.Д. Кузьминой. – Москва: Юстицинформ, 2011. – 256 с.
7. *Козлова Е.Б.* Договор управления многоквартирным домом: гражданско-правовая природа и место в системе договоров // *Законы России: опыт, анализ, практика.* – 2008. – № 8. – С. 15–20.
8. *Остапенко С.Н.* Практика пресечения фактов злоупотреблений полномочиями руководителями управляющих организаций при использовании полученных от граждан средств // *Проблемы совершенствования прокурорского надзора: сб. ст.* – Иркутск, 2014. – С. 47–53.

References

1. *Kiyamutdinov I.I.* Nesovershenstvo pravovoj reglamentacii v oblasti ekonomii podryadchika i posledstviya, vytekayushchie iz-za pravovyh probelov // *Obshchestvo i civilizaciya.* – 2023. – Т. 5, № 2. – С. 107–109.
2. *Gerasimov A.N.* Kogda podryadchik mozhet primenyat' pravila ob ekonomii // *Gradostroitel'noe pravo.* – 2018. – № 4. – С. 12–13.
3. *Sychev A.L.* Ekonomiya podryadchika ili hishchenie: aktual'nye voprosy, vznikayushchie pri rassledovanii prestuplenij ekonomicheskoy napravlenosti // *Vestnik Universiteta «Klaster».* – 2022. – № 7 (7). – С. 32–45.
4. *Chepiga T.D.* Chastnopravovoj podhod k ponyatiyu dogovora upravleniya mnogokvartirnym domom // *Pravovye voprosy nedvizhimosti.* – 2023. – № 1. – С. 19–21.
5. *Golyshev V.G., Golysheva A.V.* O nekotoryh aspektah dogovorno-pravovogo regulirovaniya otnoshenij po upravleniyu mnogokvartirnym domom // *Pravo i ekonomika.* – 2022. – № 10. – С. 11–15.
6. *Yur'eva L.A.* Dogovor upravleniya mnogokvartirnym domom: monografiya / pod red. I.D. Kuz'minoy. – Moskva: Yusticinform, 2011. – 256 s.
7. *Kozlova E.B.* Dogovor upravleniya mnogokvartirnym domom: grazhdansko-pravovaya priroda i mesto v sisteme dogovorov // *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika.* – 2008. – № 8. – С. 15–20.
8. *Ostapenko S.N.* Praktika presecheniya faktov zloupotreblenij polnomochiyami rukovoditelyami upravlyayushchih organizacij pri ispol'zovanii poluchennyh ot grazhdan sredstv // *Problemy sovershenstvovaniya prokurorskogo nadzora: sb. st.* – Irkutsk, 2014. – С. 47–53.

УДК 342.8

ВЛИЯНИЕ СЕМЬИ НА РЕАЛИЗАЦИЮ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН В РОССИИ

Алешукина Светлана Александровна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru,

¹Тверской государственной университет, г. Тверь, Россия

Статья посвящена вопросам значимости семьи в аспекте реализации активного и пассивного избирательного права. Цель статьи – осветить влияние семьи и семейного статуса кандидата на формирование его имиджа, учет семьи при подаче заявления о согласии баллотироваться, использование семейного выдвижения как одной из избирательных технологий, семейных ценностей как необходимой составляющей для формирования программ политических партий, а также учет семейных традиций для борьбы с молодежным абсентеизмом в избирательном процессе. В качестве совершенствования правового регулирования процесса выдвижения кандидата на выборах видится необходимым дополнить заявление о согласии баллотироваться информацией о наличии у кандидата супруга(ги) и несовершеннолетних детей. Методами исследования являются формальная логика, исторический анализ и системный подход. В статье делается вывод о существенном влиянии семьи и семейных ценностей на всех участников избирательного процесса – от организаторов выборов и кандидатов до избирателей.

Ключевые слова: семья, имидж кандидата, избирательная кампания, активное и пассивное избирательное право, семейное положение кандидата, выборы, общность взглядов и интересов семьи

INFLUENCE OF FAMILY ON THE REALIZATION OF ELECTORAL RIGHTS OF CITIZENS IN RUSSIA

Aleshukina S.A.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: Aleshukina.SA@tversu.ru,

¹Tver State University, Tver, Russia

The article describes the issues of the importance of family in the aspect of the implementation of active and passive electoral rights. The purpose of the article is to highlight the influence of the family and family status of the candidate on the forming of his image, taking into account the family when filing an application for consent to run, the use of family nomination as one of the election technologies, family values as a necessary component for the forming of political party programs, as well as taking into account family traditions to combat youth absenteeism in the electoral process. As an improvement of the legal regulation of the process of nominating a candidate for elections, it seems necessary to supplement the application for consent to run with information about the presence of a spouse and minor children of the candidate. The methods of the study are formal logic, historical analysis and a systems approach. The article concludes that the family and family values significantly influence all participants in the electoral process from election organizers and candidates to voters.

Keywords: family, candidate's image, election campaign, active and passive suffrage, candidate's marital status, elections, community of views and interests of the family

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-45-50

Ценности семьи весьма популярны в обществе, и, очевидно, что в Год семьи, да и ранее, данная тема культивируется и является благодатным направлением для использования в избирательных кампаниях. Реализация активного и пассивного избирательного права, так или иначе, затрагивает не только личное пространство гражданина, но и членов его семьи. И, говоря об активном избирательном праве, праве избирать, отдать свой голос за того или иного кандидата на всех уровнях выборов, необходимо отметить, что участие в выборах не индивидуально, а именно семьей, стало современным трендом. Это определенный слоган – «Всей семьей на выборы», это осознанно проводимая политика государства, а также мера борьбы с молодежным абсентеизмом в избирательном процессе. Политический абсентеизм – явление, рассматриваемое в негативном аспекте, вместе с тем характерное чаще всего для стран с демократическим режимом, когда у участников избирательного процесса есть право выбора своего поведения, право участия ли неучастия в выборах, возможность проявления свободы волеизъявления. Абсентеизм отдельных категорий граждан вызывает недоверие всех остальных, сказывается существенным образом на признании обществом выборов состоявшимися. И если процент явки старшего поколения на выборы традиционно высок, то молодежь манкирует необходимостью участия в выборах. Как указывает Ю.Н. Бушенева, «на уровень абсентеистических настроений влияет множество факторов, которые можно условно разделить на объективные и субъективные» [1, с. 180]. В числе причин молодежного абсентеизма выступают правовой нигилизм молодежи, неориентированность молодежи на политическую жизнь, недоверие к власти и выборам и др. [2, с. 24]. Как следствие, для устранения причин и факторов, влияющих на политический абсентеизм молодежи, органами власти разработана и внедрена целая система повышения уровня электоральной культуры граждан России посредством современных образовательных технологий [3], особое место в которой отводится семье. Именно в рамках семьи считается нужным и возможным прививать привычку «ходить на выборы», тем самым передавая опыт участия в политической жизни от старших поколений молодым. Совместное участие членов семьи в выборах создает определенный эмоциональный фон, атмосферу праздника и позитивный контекст происходящего, проявляющийся в совместном времяпрепровождении всех членов семьи и совместном участии в важном деле. И когда другие способы привлечения граждан на посещение избирательных участков (календари, ручки, магниты, билеты в кинотеатры и другая сувенирная продукция) изжили свой потенциал, семейные фотоконкурсы, акции органов власти, курирующих именно семейную сферу (например, Министерство демографической и семейной политики Тверской области), продолжают показывать свою эффективность, о чем свидетельствует статистика участия граждан в последних выборах Президента России, явка на которых достигла своего исторического максимума. Как следствие, можно смело утверждать, что в обществе формируется, а в каком-то смысле даже прививается народная традиция россиян – участие в выборах всей семьей.

Кроме того, по результатам опроса общественного мнения, проведенного ВЦИОМ, среди наиболее важных для россиян ценностей (по закрытому вопросу, где предлагаются варианты ответов) были отмечены крепкая семья (68 %) и гордость за страну и историческая память (по 31 %)¹. Как следствие, практически каждая политическая партия в своей избирательной кампании уделяет вопросам семьи не первостепенное, но безусловно, значимое место.

Программы политических партий не являются однородным массивом источников: они имеют разные объём, структуру, формат подачи информации. Отдельные партии выбирают крайне сжатый способ представления информации, их программы фактически построены на лозунгах, которые легко находят отклик у избирателей, другие готовят обширные программы с подробной проработкой предлагаемых инициатив, у некоторых – значительная часть документа представляет собой «отчет о проделанной работе», тем самым делая ставку на напоминание о своих достижениях и продолжение курса последнего десятилетия [4]. В предвыборных программах политических партий в разной степени актуализации особое внимание уделяется решению практических вопросов [5]. Как следствие, партии, так или иначе, используют проблемы семейной политики для поднятия своих рейтингов, поскольку

¹ Мухаметшина Е., Иванов М. Тема семьи станет одной из главных линий кампании 2024 года [Электронный ресурс] // Ведомости. – 2023. – 01 дек. – URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2023/12/01/1008834-tema-semi-stanet-odnoi-iz-glavnyh-linii-kampanii>

вопросы защиты детства, материнства, отцовства, семьи всегда находятся в поле зрения населения, понятны и интересны электорату и являются своеобразным маркером социальной зрелости общества и государства.

Еще более значимы вопросы семьи и семейного статуса при реализации гражданами своего пассивного избирательного права, а именно права быть избранным в органы власти. На этапе выдвижения кандидат представляет в соответствующую избирательную комиссию заявление о согласии баллотироваться и определенный пакет документов. В заявлении указываются ФИО, дата и место рождения, адрес места жительства, паспортные данные, гражданство, образование, основное место работы или службы, занимаемая должность (в случае отсутствия основного места работы или службы – род занятий) кандидата. Как видно, сведений о браке в заявлении не содержится. Однако в перечне представляемых документов наличествуют сведения о принадлежащем кандидату, его супругу и несовершеннолетним детям недвижимом имуществе, находящемся за пределами территории России, об источниках получения средств, за счет которых приобретено указанное имущество, об обязательствах имущественного характера за пределами территории России кандидата, а также сведения о таких обязательствах его супруга и несовершеннолетних детей. К тому же, кандидат должен предоставить сведения о своих расходах, а также о расходах супруга и несовершеннолетних детей по каждой сделке по приобретению земельного участка, другого объекта недвижимости, транспортного средства, ценных бумаг, акций (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций), совершенной в течение последних трех лет; если сумма сделки превышает общий доход кандидата и его супруга за три последних года, предшествующих совершению сделки, и об источниках получения средств, за счет которых совершена сделка. Как следствие, участие гражданина в выборах косвенно затронет не только его самого, но супруга(гу) кандидата и несовершеннолетних детей, что повлечет раскрытие персональных данных лиц, прямо не участвующих в избирательном процессе². С учетом этого, а также важности семейного статуса кандидата и той роли, которую отводит общество семейным ценностям, представляется необходимым дополнить сведения, указываемые в заявлении кандидатом, в том числе сведениями о наличии брака и несовершеннолетних детей. Наличие этой информации в заявлении облегчит процесс проверки документов при их приеме членами комиссии, организующей выборы, поскольку с очевидностью будет свидетельствовать о необходимости наличия в перечне прилагаемых документов сведений о доходах и расходах не только самого кандидата, но и членов его семьи.

Помимо формальных требований, предусмотренных законом, о сообщении определенного рода информации о себе, семейный статус кандидата может нести в себе как определенные преимущества, так и соответствующие риски. На западе в патриархальных странах, да и в России не приветствуются семейные скандалы или разводы в период предвыборных кампаний, наличие благополучной семьи у кандидата и статуса порядочного семьянина может добавить ни один голос избирателя. Поэтому в рамках существующих и применяемых избирательных технологий вопросам семьи уделяется немалое внимание. Предваряя участие в выборах, кандидат и политическая партия проводят комплексный анализ электоральной ситуации, включающий выявление социально-экономических проблем региона, создание социально-политического портрета электората, анализ информационных потоков, определяющих предпочтения избирателей и их выбор [6]. И на основе данной информации корректируется имидж кандидата с учетом ожиданий избирателей. И наличие семьи и детей у кандидата имеет не последнее значение в формировании позитивного имиджа. В частности, 5 июня 2024 года в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации внесен законопроект № 641658-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации” и в Федеральный закон “О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации” в части использования в агитационных материалах изображения физического лица», который позволит кандидатам на выборах использовать в агитматериалах фото членов семьи. «Использование семейных фотографий позволит избирателям получить более полную информацию о кандидате, чтобы сделать осознанный выбор во время голосо-

² Федеральный закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 2002, № 24. – Ст. 2253.

вания. Также эта мера согласуется с современным трендом на сохранение, укрепление и продвижение традиционных семейных ценностей и обеспечение преемственности поколений»³.

В тоже время существующие в семье распри и разногласия могут быть использованы недобросовестными кандидатами конкурирующих партий. В условиях альтернативных выборов технология черного пиара применима в качестве одного из универсальных политических инструментов «грязных» технологий, дающих неоспоримые преимущества перед конкурентами [7]. Как указывают Камчатная П.С. и Савенкова М.С.: «Черный пиар – это целенаправленная деятельность, имеющая целью разрушение или ухудшение имиджа конкретного лица или организации» [8]. И информация о «состоянии дел в семье кандидата» может самым существенным образом повлиять на формирование к нему симпатии или антипатии у потенциальных избирателей.

Нельзя не отметить такую уже традиционную избирательную технологию, как «семейное выдвижение». «Трудовые династии» в нашей политике существуют давно. «Семейный подряд используется с расчетом на то, что хотя бы один из членов семьи победит и получит статус депутата для дальнейшего ведения политической/общественной деятельности, так называемая «страховка от поражения». Если выдвижение «семьи» идет в одном избирательном округе, то это позволяет выстроить кандидатов в бюллетене друг за другом и повысить шансы на получение голосов избирателей. Если семья выдвигается по разным избирательным округам или в смежных районах, то агитация все равно ведется совместно на одной территории, что сокращает затраты и повышает узнаваемость фамилии»⁴.

Приведем в качестве примера избирательную кампанию в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации в 2016 году, когда лидер общественного движения «Зелёные» Олег Митволь баллотировался совместно со своей супругой Людмилой Митволь; супруги Дроздовы Ольга и Илья стали кандидатами по 65-му и 66-му одномандатным округам (соответственно) в Ставропольском крае от ЛДПР; действующий на тот момент депутат от «Справедливой России» Олег Михеев баллотировался вместе со своим сыном Алексеем по Волгоградским одномандатным округам; от партии КПРФ на выборы «пошли по региональным спискам для Ростовской области два брата Бессоновых – руководитель фракции коммунистов в Законодательном Собрании Ростовской области Евгений и действующий на тот момент депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ от партии КПРФ Владимир»⁵. Есть аналогичные примеры и при формировании состава Государственной Думы Федерального Собрания РФ 8 созыва в 2021 году. Активно использовались семейные списки и на муниципальных выборах в Москве в избирательной кампании 9–11 сентября 2022 года. Вместе с тем в обществе наличествуют неоднозначные оценки занятия политической деятельностью всей семьей, провокационные публикации, а вопрос о допустимости семейственности в политике вызывает большие дебаты и поднимает на поверхность моральные и нравственно-этические аспекты. И если в исполнительной и судебной ветви власти семейные связи свидетельствуют о возможном конфликте интересов и ограничениях для занятия должностей государственной гражданской службы, то отсутствие аналогии в законодательной ветви власти вызывает большие вопросы.

Вместе с тем во всех приведенных примерах «семейных выдвижений» стоит отметить, что кандидаты на выборах баллотировались от одной и той же партии. И это, наверное, хорошо, поскольку выдвижение разными партиями свидетельствовало бы о разных политических взглядах супругов и других членов семьи, что неизбежно бы вело к расколу семьи на почве политики. Но, если допустить парадигму о том, что семья, супруги – это общность взглядов, идей, представлений, убеждений с единой системой ценностей и будущих целей и принимаемых решений, то представляется совсем непонятным, как супруги могут иметь настолько радикально противоположные взгляды на мироустройство, чтобы быть членами разных политических партий.

³ *Ключевская Н.* Кандидатам на выборах могут разрешить использовать в агитматериалах фото членов семьи [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант». – URL: <https://www.garant.ru/news/1723724/>

⁴ *Асафов А.* Муниципальные выборы-2022: «семейный подряд» [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.prisp.ru/opinion/10867-asafov-semejnyj-podryad-na-vyborah-1907>

⁵ *Стариков Н.* Семейный подряд. Родственники на выборах в Госдуму [Электронный ресурс]. – URL: <https://nstarikov.ru/semejnyu-podryad-rodstvenniki-na-vybo-68523>

Еще один аспект избирательного процесса касается деятельности тех, кто обеспечивает проведение выборов, а именно избирательных комиссий и их членов. Очевидно, что наличие у одного из супругов статуса члена избирательной комиссии, организующей выборы, не позволит другому супругу беспрепятственно выдвигать свою кандидатуру на данных выборах по соответствующему избирательному участку. Как следствие, реализация пассивного избирательного права одним из супругов на совместной территории повлечет приостановление полномочий другого супруга в качестве члена избирательной комиссии. Это требование, которое предписано законом и объективно обосновано. Но есть еще и субъективные препятствия в организации деятельности членов УИК и ТИК личного порядка. Так, о семейных проблемах секретарей и председателей избирательных участков из-за работы на выборах в Псковской области рассказали в телеграм-канале избирательной комиссии региона в рубрике «Однажды на выборах»: «На одном из сельских УИК Опочецкого района работала местная жительница, секретарь комиссии. Голосование было тогда однодневное, но членам УИК нужно за 2–3 дня подготовить избирательные участки, документацию, бюллетени, поэтому работа всегда затягивалась на несколько дней», – говорится в сообщении. После завершения голосования, ночью, когда комиссия собиралась ехать с итоговыми протоколами в территориальную избирательную комиссию, героине позвонил муж. «Ну где ты пропала? У тебя свиньи, куры не кормлены, все забросила. Срочно домой!» – сказал он. Секретарь ответила, что ей всё равно, ведь у неё «дело государственной важности»! «А председатель территориальной избирательной комиссии расходилась со своим первым мужем на год из-за того, что он не поверил, что она пришла в 8 утра с выборов», – дополнили в сообщении. И таких примеров предостаточно⁶.

Таким образом, участие граждан в выборах во всех аспектах: и с позиции кандидата, и с позиции избирателя, и с позиции лиц, организующих выборы, предполагает учет семейного положения, обеспечение баланса общественных и семейных интересов и выстраивание политики, направленной на сохранение семейных ценностей вне зависимости от политических взглядов и политической деятельности членов семьи. Очевидно, что выбор между семьей и выборами стоять не должен, и в рамках одной семьи могут и должны уживаться как политические сторонники, так и оппоненты.

Список литературы

1. Бушенева Ю.И. Абсентеизм как фактор избирательного процесса в современной России: дис. ... канд. полит. наук. – Санкт-Петербург, 2007. – С. 180.
2. Тхабисимова Л.А., Тхабисимов Х.А. К вопросу о ключевых проблемах молодежного абсентеизма в современных условиях // Избирательное законодательство и практика. – 2019. – № 3. – С. 23–25.
3. Ерыгина В.И. Система повышения уровня электоральной культуры граждан Российской Федерации посредством современных образовательных технологий // Гражданин. Выборы. Власть. – 2020. – № 2(16). – С. 40–53.
4. Тимшина Е.Л. Аспект семейной политики в партийных предвыборных программах. По материалам выборов в Государственную думу РФ VII созыва. // Право и политика. – 2018. – № 11. – С. 61–72
5. Утенков Г.Н. Прикладная идеология предвыборных программ политических партий РФ // Власть. – 2011. – № 11. – С. 104–107.
6. Ермаков Ю.А., Житенев В.Б. Эффективные избирательные технологии. – Екатеринбург: Екатеринбург, 1997. – 84 с.
7. Кургачева К.Д. Черный пиар как функция политического Интернета (на примере российских избирательных кампаний) // Вестник Поволжского института управления. – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 97–102.
8. Камчатная П.С., Савенкова М.С. Использование черного PR в международной политике // Тенденции развития науки и образования. – 2018. – № 44-4. – С. 50–54.

References

1. *Busheneva Yu.I.* Absenteizm kak faktor izbiratel'nogo processa v sovremennoj Rossii: dis. ... kand. polit. nauk. – Sankt-Peterburg, 2007. – S. 180.

⁶ Однажды на выборах [Электронный ресурс]. – URL: https://vk.com/wall-99540384_12046

2. *Thabisimova L.A., Thabisimov H.A.* К вопросу о ключевых проблемах молодежного абсентизма в современных условиях // *Izбирatel'noe zakonodatel'stvo i praktika.* – 2019. – № 3. – С. 23–25.
3. *Erygina V.I.* Sistema povysheniya urovnya elektoral'noj kul'tury grazhdan Rossijskoj Federacii posredstvom sovremennyh obrazovatel'nyh tekhnologij // *Grazhdanin. Vybory. Vlast'.* – 2020. – № 2(16). – С. 40–53.
4. *Timshina E.L.* Aspekt semejnoy politiki v partijnyh predvybornyh programmah. Po materialam vyborov v Gosudarstvennyu dumu RF VII sozyva. // *Pravo i politika.* – 2018. – № 11. – С. 61–72
5. *Utenkov G.N.* Prikladnaya ideologiya predvybornyh programm politicheskikh partij RF // *Vlast'.* – 2011. – № 11. – С. 104–107.
6. *Ermakov Yu.A., Zhitenev V.B.* Effektivnye izbiratel'nye tekhnologii. – Ekaterinburg: Ekaterinburg, 1997. – 84 s.
7. *Kurgacheva K.D.* Chernyj piar kak funkciya politicheskogo Interneta (na primere rossijskikh izbiratel'nyh kampanij) // *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya.* – 2020. – Т. 20, № 1. – С. 97–102.
8. *Kamchatnaya P.S., Savenkova M.S.* Ispol'zovanie chernogo PR v mezhdunarodnoj politike // *Tendencii razvitiya nauki i obrazovaniya.* – 2018. – № 44-4. – С. 50–54.

УДК 349.6

ОТХОДЫ ПРОИЗВОДСТВА И ПОТРЕБЛЕНИЯ КАК ОБЪЕКТ ЭКОЛОГИЧЕСКИХ И ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Шахов Николай Иванович¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: ganish1967@gmail.com,

Казанцева Ольга Геннадьевна^{2,3},

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: kazantseva10@mail.ru,

¹*Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия,*

²*Донской государственный технический университет, г. Ростов-на-Дону, Россия,*

³*Московский университет им С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия*

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в сфере обращения с отходами производства и потребления как объектами экологических и гражданских правоотношений. Цель статьи – исследовать и уточнить сферу действия норм экологического и гражданского законодательства применительно к сфере обращения с отходами производства и потребления. В ходе исследования были использованы диалектический метод научного познания, а также ряд частнонаучных методов: логический, системного анализа и др. Авторами статьи рассмотрены вопросы собственности на отходы производства и потребления, а также договоры, действующие в сфере обращения с отходами; анализируются нормы экологического и гражданского права, регулирующие такие отношения. В практическом плане исследована проблема обязательности заключения договора на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами с региональным оператором. Выявлено отсутствие негативных правовых последствий для собственников нежилых помещений, уклоняющихся от заключения такого договора, предлагаются меры ответственности для исправления данной ситуации. Проводится анализ причин неэффективности экологического законодательства в сфере обращения с отдельными категориями отходов, высказываются рекомендации о внесении ряда изменений в экологическое законодательство. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: Гражданский кодекс, отходы производства и потребления, собственность, утилизация, захоронение, правоотношение, экологическое законодательство

PRODUCTION AND CONSUMPTION WASTE AS AN OBJECT OF ENVIRONMENTAL AND CIVIL LEGAL RELATIONS

Shakhov N.I.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: ganish1967@gmail.com,

Kazantseva O.G.^{2,3},

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,

e-mail: kazantseva10@mail.ru,

¹*Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia,*

²*Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia,*

³*Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don, г. Rostov-on-Don, Russia*

The object of the study is social relations arising in the field of waste management of production and consumption as objects of environmental and civil relations. The purpose of the article is to investigate and clarify the scope of the norms of environmental and civil legislation in relation to the field of waste management of production and consumption. During the research, the dialectical method of scientific cognition was used, as well as a

number of private scientific methods: logical, system analysis, etc. The authors of the article consider the issues of ownership of production and consumption waste, as well as contracts in force in the field of waste management; analyze the norms of environmental and civil law governing such relations. In practical terms, the problem of the obligation to conclude a contract for the provision of solid municipal waste management services with a regional operator is investigated. The absence of negative legal consequences for owners of non-residential premises who evade the conclusion of such a contract has been revealed, and liability measures are proposed to correct this situation. The analysis of the reasons for the inefficiency of environmental legislation in the field of handling certain categories of waste is carried out, recommendations are made on making a number of changes to environmental legislation.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: Civil Code; production and consumption waste; ownership; disposal; burial; legal relationship; environmental legislation

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-51-58

Введение

Актуальность выбранной нами темы исследования заключается в постановке экзистенциальной проблемы гражданско-правового и экологическо-правового регламентирования отходов производства и потребления как объектов экологических и гражданских правоотношений. Категория «правоотношение» всегда привлекала внимание отечественных ученых. Она позволяет рассматривать правовые нормы не в статике, а в динамике, показывать механизм их реализации. Традиционно под правоотношением в российской юридической науке понимается «возникающая на основе правовых норм и вследствие наступления определенных юридических фактов связь субъектов права, обладающих взаимными субъективными правами и обязанностями»¹, а сами правоотношения классифицируются по отраслевому признаку (на гражданские, административные, уголовные и т.д.)². Представляется, что далеко не все правоотношения будут являться моноотраслевыми. Между отраслями российского права существует сложная система межотраслевых связей, а также межотраслевых принципов [1] и институтов [2]. Все чаще в научной литературе говорится и о существовании межотраслевых правоотношений, возникающих на основе норм различной отраслевой принадлежности [3]. Последнюю тенденцию можно хорошо проследить на примере правоотношений в сфере обращения с отходами производства и потребления, основанных на нормах сразу нескольких отраслей права. Само появление такой доктринальной конструкции означает, с одной стороны, усложнение правового регулирования различных сфер жизни российского государства и общества, а с другой стороны, увеличение рисков коллизий между нормами различной отраслевой принадлежности.

В теории правоотношений выделяется два подхода к пониманию объекта правоотношения. Странники первого (монистического) подхода к пониманию объекта правоотношения считают таковыми объекты материального мира и нематериальные блага. В свою очередь, представители другого направления (плюралистическая концепция объекта правоотношения) рассматривают в качестве такого не только объекты материального мира (нематериальные блага), но и действия по их приобретению [4, с. 98]. Разделяя последний доктринальный подход, рассмотрим более подробно межотраслевые правоотношения в сфере обращения с отходами, и покажем динамику взаимодействия норм различной отраслевой принадлежности (главным образом, экологического и гражданского права).

С точки зрения гражданского права (ст. 226 ГК РФ)³ отходы являются разновидностью движимых вещей, от которых их собственник отказался. При этом обратим внимание на три важных обстоятельства. Во-первых, с точки зрения гражданского права важна стоимость брошенной вещи (включая отходы): она должна составлять явно меньше 3 тысяч рублей. В этом случае собственнику достаточно

¹ Лазарев В.В., Литень С.В. Теория государства и права: учебник для вузов. – Москва: Спарк, 2004. – С. 345.

² Ромашов Р.А. Теория государства и права: учебное пособие / под ред. В.П. Сальникова. – Москва, 2002. – С. 106.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья и четвертая. – Москва: Законы и кодексы «Эксмо», 2024. – 738 с.

приступить к использованию таких брошенных вещей (или совершить иные подобные действия). В других случаях требуется решение суда. Во-вторых, в ст. 226 ГК РФ идет речь о собственнике земельного участка или водного объекта, который обнаружил на нем брошенную вещь. При этом из контекста данной статьи ясно, что речь не идет о публичном собственнике, равно как и о том, что гражданин подобрал ценную вещь на чужом (частном, государственном или муниципальном) земельном участке или водном объекте. В-третьих, речь идет о брошенных движимых вещах (в т.ч. отходах), которые имеют материальную ценность.

Восприятие отходов в публичном (экологическом) праве несколько отличается от цивилистического. Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления»⁴ (далее Закон № 89) понимает под отходами производства и потребления «вещества или предметы, которые образованы в процессе производства, выполнения работ, оказания услуг или в процессе потребления, которые удаляются, предназначены для удаления или подлежат удалению» (ст. 1). Федеральный классификационный каталог отходов подразделяет их на пять групп (1–5) опасности, различает их по агрегатному состоянию (жидкие, твердые и т.д.), по сферам деятельности, где они образуются (сельское хозяйство, промышленность, добыча полезных ископаемых и др.). ТКО по этой классификации относится к твердым отходам, входит в 5 группу по степени опасности и включает в себя отходы из жилищ, от уборки улиц и т.д. При этом с точки зрения потребительской (материальной) ценности, отходы подразделяются на две группы. Первая не имеет потребительской ценности; такие отходы никак нельзя использовать, и они подлежат захоронению в специально отведенных местах (полигонах) или обезвреживанию (снижению их объема или массы). Вторая группа отходов предполагает их утилизацию (то есть их повторное использование для производства товаров или услуг). Вопросы собственности на сами отходы Закон № 89 не регулирует, отсылая в ст. 4 к ГК РФ (при этом заметим, что до 01.01.2015 г. статья 4 Закона № 89 устанавливала собственников отходов и содержала специальное требование к ним, однако законодатель отказался от этого, посчитав более целесообразным регулировать вопросы собственности на отходы непосредственно в ГК РФ). Тем не менее, в Законе № 89 регламентируются вопросы собственности на объекты, используемые в целях обращения с отходами, а также на лом и отходы цветных металлов (как условие обращения с такими отходами и возможность их отчуждения юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями).

Из этого небольшого обзора следует, что восприятие отходов в рамках двух отраслей права (частного и публичного) не совпадает. ГК РФ интересуют только отходы, имеющие потребительскую ценность; Закон № 89 распространяется на все виды отходов, однако для ценных отходов предусматривает особый правовой режим (не захоронение на полигонах, а повторное использование, переработка).

Говоря о практической стороне сложившегося законодательного подхода, следует заметить, что по официальной статистике общее количество обезвреженных твердых коммунальных отходов (далее ТКО) в Российской Федерации в 2022 г. составило 1139,5 тыс. т (2,4 % от общей массы образованных ТКО). Общее количество утилизированных ТКО в России в 2022 г. составило 3012,3 тыс. т (6,6 % от общей массы образованных ТКО), что на 3,6 % меньше, чем в 2021 г.⁵ И хотя по другим категориям отходов показатель утилизации выше, главной проблемой обращения с отходами производства и потребления в РФ является низкий уровень их переработки, что влечет складирование всех видов отходов в специально оборудованных объектах (сооружениях), где они причиняют вред окружающей среде – воде, воздуху, почве, способствуют размножению вредных насекомых.

Основные причины неэффективности российского законодательства по обращению с отходами производства и потребления заключаются в следующем.

Во-первых, несмотря на предпринимаемые меры, в стране по-прежнему недостаточно мусороперерабатывающих и мусоросжигательных заводов. При этом последние представляют собой не столько решение проблемы отходов по существу, сколько решение одной экологической проблемы за счет усугубления других (загрязнение атмосферного воздуха; необходимость захоронения токсичной золы, об-

⁴ Федеральный закон от 24 июня 1998 г. № 89-ФЗ «Об отходах производства и потребления» [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант» (дата обращения: 24.10.2024).

⁵ Государственный доклад «О состоянии и об охране окружающей среды Российской Федерации в 2022 году». – Москва: Минприроды России; МГУ имени М.В. Ломоносова, 2023. – С. 220.

разующей в процессе сжигания ТКО). В свою очередь, для строительства мусороперерабатывающих заводов необходимо привлечение частного бизнеса, которому должно быть выгодно заниматься переработкой отходов (с последующей реализацией произведенной продукции). Это требует специальной государственной политики в плане поддержки экологического предпринимательства (налоговые льготы, гранты, субсидии и др.), чего пока в России не сделано. Таким образом, само по себе установление разноцветных контейнеров для сбора пластика, стекла или иных отходов (на чем часто настаивают представители экологической общественности) ничего нам не дает, без выстраивания сложной инфраструктуры обращения с разными категориями отходов, стимулирования бизнеса, создания транспортной инфраструктуры (дорог, пунктов сортировки и др.). Отдельно следует выделить необходимость развития в РФ государственно-частного партнерства в сфере обращения с отходами, софинансирование этой сферы.

Во-вторых, даже при создании стимулов экологическим предпринимателям и постройки инфраструктуры переработки отходов – это только первый шаг к намеченной цели. Существует еще проблема уровня экологической культуры граждан, которым необходимо разъяснить необходимость раздельного сбора отходов, с установлением штрафов за нарушение таких обязательных требований.

В-третьих, государственный экологический контроль (надзор) в сфере обращения с отходами не является достаточно эффективным. Более того, российским хозяйствующим субъектам иногда проще заплатить штраф, чем инвестировать финансовые средства в переработку отходов или изменение технологического цикла на предприятии для снижения их объема (массы) или токсичности.

В-четвертых, правовой режим некоторых видов отходов как объектов экологических и гражданских правоотношений определен четко, в то время как по другим видам такое регулирование уже много лет остается недостаточно определенным. Например, в правовой науке весьма слабо изучен вопрос о понятии и месте медицинских отходов в системе объектов гражданских прав; правовом положении их собственника; специфике механизма гражданско-правового регулирования обращения с медицинскими отходами; процедурные вопросы передачи медицинских отходов их собственником, включая население, в специализированную организацию для переработки (утилизации); не ясны особенности эколого-правового режима этого вида опасных отходов, субъекты гражданско-правовой ответственности за нарушение санитарных правил обезвреживания медицинских отходов [5].

Особую актуальность эта проблема приобрела в период пандемии COVID-19, когда резко увеличилось количество опасных для жизни и здоровья граждан медицинских отходов, однако ее решения даже в этой ситуации все еще нет.

Аналогичным образом, недостаточно четко определен и правовой режим другого объекта экологических и гражданских правоотношений – электронных отходов (имеющих, в отличие от медицинских отходов, высокую материальную ценность). В Федеральном классификационном каталоге отходов⁶ есть отдельный пункт «отходы электрического оборудования», однако нет ни раздельного сбора таких отходов, ни их переработки. Поэтому есть очевидная потребность в создании самостоятельного правового регулирования общественных отношений, возникающих при обращении с отходами электронного и электрического оборудования [6, с. 5–10], включая обязательный запрет их захоронения на полигонах.

В-пятых, вопрос о собственности на отходы производства и потребления обычно рассматривается в правовой науке и практике, в основном, в отношении частных собственников отходов. Однако в судебной практике есть много интересных дел, когда отходы обнаруживаются не на частных земельных участках (и даже не на участках земли, которые находятся в муниципальной собственности), а на земельных участках, государственная собственность на которые не разграничена. Такими землями в силу ст. 3.3 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации»⁷ распоряжаются органы местного самоуправления, поэтому по искам регионального оператора или прокурора на них часто и пытаются возложить обязанность по ликвидации несанкционированных свалок. Рассмотрев

⁶ Приказ Росприроднадзора от 22.05.2017 № 242 «Об утверждении Федерального классификационного каталога отходов» [Электронный ресурс]. – URL: <https://rpn.gov.ru/fkko/> (дата обращения: 25.10.2024).

⁷ Федеральный закон от 25.10.2001 № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.10.2024).

жалобу органов местного самоуправления, свою правовую позицию по данному вопросу сформулировал Конституционный Суд РФ. Он указал на недопустимость возложения обязанности по ликвидации таких свалок на неразграниченных землях на одни только органы местного самоуправления, без привлечения к этому органов государственной власти (которые эту деятельность плохо финансируют).⁸ Таким образом, проблема несанкционированных свалок и обязанность по их ликвидации относится не только к частным собственникам, но также и собственникам публичным (у федеральных органов власти здесь просто другой формат, связанный с ликвидацией объектов накопленного экологического вреда, хотя они и не всегда располагаются на земельных участках, зарегистрированных в федеральную собственность). Возложение таких обязанностей на частных и публичных субъектов полностью отвечает конституционным нормам о равенстве всех форм собственности в Российской Федерации.

В-шестых, продолжая тему о собственности на отходы, следует заметить, что в силу ст. 16.1 Федерального закона от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды»⁹, плательщики платы за негативное воздействие на окружающую среду при размещении отходов – это юридические лица и индивидуальные предприниматели, которые ведут хозяйственную деятельность, из-за которой и образуются отходы. Однако плату за негативное воздействие на окружающую среду при размещении ТКО должны вносить региональные операторы по обращению с ТКО, операторы по обращению с ТКО, осуществляющие деятельность по их размещению. Эту публично-правовую конструкцию интересно рассмотреть в контексте цивилистической нормы о бремени собственника (ст. 210 ГК РФ). В первом случае финансовое бремя возложено на бизнес, который и произвел такие отходы; во втором случае субъектами платежей за негативное воздействие выступают не граждане, а региональный оператор, собирающий ТКО. С точки зрения частного права последняя конструкция не логична; в рамках публичного права подход к определению собственников ТКО неоднократно менялся, как изменялась и судебная практика, исследуемая учеными [7]. В результате сложившаяся сейчас конструкция является результатом непростых дискуссий, которые могут быть продолжены и в будущем.

Межотраслевой характер обращения с отходами проявляет себя не только в вопросах собственности на них, но и в части договорных отношений, связанных с оказанием публичных услуг по обращению с ТКО. В этой части нормы экологического и гражданского права также пересекаются. ГК РФ не предусматривает исчерпывающего перечня гражданско-правовых договоров. Более того, принцип свободы договора, закрепленный в ст. 421 ГК РФ как раз и означает, что субъекты гражданских правоотношений могут заключать прямо не поименованные в ГК РФ договоры, которые, безусловно, должны соответствовать требованиям законодательства. Соответственно, ГК РФ предусматривает общие правила и принципы в сфере договорного права. Другие федеральные законы могут их дополнять и конкретизировать, исходя из специфики регулируемых ими общественных отношений. Это четко проявляет себя в содержании межотраслевых институтов, регламентирующих обращение с отходами: гражданско-правовые нормы все чаще применяются в сфере оказания услуг по перевозке и повторному использованию отходов, извлечению их полезных компонентов [8]. По большому счету, можно даже говорить о формировании новой классификационной разновидности гражданских договоров – экологических договоров, в рамках которых положения ГК РФ уточняются и конкретизируются нормами публичного права [9].

Тенденция усиления взаимодействия норм частного и публичного права может проявлять себя и в чисто практических ситуациях, связанных с договорным регулированием отношений в сфере от-

⁸ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 30.05.2023 № 27-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 33 Федерального закона «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации», пункта 18 части 1, частей 3 и 4 статьи 14 и пункта 14 части 1 статьи 15 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», статей 10 и 51 Федерального закона «Об охране окружающей среды», пункта 1 статьи 22 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», пункта 2 статьи 9 и пунктов 1 и 2 статьи 13 Федерального закона «Об отходах производства и потребления», а также пунктов 16–18 Правил обращения с твердыми коммунальными отходами в связи с жалобами муниципального образования «Городское поселение город Козьмодемьянский муниципального района Московской области» и администрации Новосибирского района Новосибирской области» [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант» (дата обращения: 25.10.2024).

⁹ Федеральный закон от 10.01.2002 № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант» (дата обращения: 25.10.2024).

ходов. Дело в том, что согласно пп. 2,4 ст. 24.7 Закона № 89, собственники ТКО обязаны заключить договор на оказание услуг по обращению с твердыми коммунальными отходами с региональным оператором, в зоне деятельности которого образуются ТКО и находятся места их накопления. Региональный оператор обязан принимать ТКО, складировать в местах их накопления (в контейнерах), и вывозить их (с последующим захоронением на полигонах, либо их обезвреживанием и утилизацией); собственники ТКО должны оплачивать такую услугу. Эти обязанности по закону распространяются как на собственников жилых, так и нежилых помещений в многоквартирных домах¹⁰. Таким образом, собственник нежилого помещения обязан заключить договор на оказание услуг по обращению с ТКО напрямую с региональным оператором. Между тем, в реальной действительности неисполнение этой обязанности собственниками нежилых помещений (кафе, парикмахерские, магазины, аптеки и т.д.) приводит к тому, что такие недобросовестные владельцы нежилых помещений выбрасывают свои отходы в контейнеры, предназначенные для сбора отходов от собственников жилых помещений, заключивших указанный выше договор с региональным оператором. Поскольку они не вносят плату, получается, что вывоз их отходов осуществляется за счет собственников жилых помещений. В результате региональный оператор не может вывести превышающий нормативы объем отходов, контейнеры стоят переполненные, что влечет жалобы граждан (что справедливо, так как это влечет опасность для жизни и здоровья людей, нарушает санитарно-эпидемиологические требования, служит источником пищи для бродячих животных и насекомых). При этом региональный оператор по закону должен получать информацию о собственниках нежилых помещений в многоквартирных домах от управляющей организации, но четкий порядок предоставления таких сведений нормативно не определен. При переходе прав на нежилые помещения к новому собственнику (арендатору), последний должен информировать об этом регионального оператора (чтобы заключить с ним договор на оказание услуг по обращению с ТКО), но собственник часто уклоняется от этого.

Сам же региональный оператор не в состоянии контролировать, кто именно пользуется тем или иным нежилым помещением (тем более по договору аренды). Не может он получить такие сведения и в ЕГРН (в форме выписки), поскольку чужие персональные данные не находятся в свободном доступе, а механизм взаимодействия регионального оператора и Росреестра нормативно не урегулирован. Сложившаяся ситуация требует изменения законодательства и расширения применения юридической ответственности к недобросовестным собственникам, дополнения Кодекса об административных правонарушениях новым составом.

Приведенный выше перечень проблем в сфере обращения с отходами производства и потребления не является исчерпывающим. В научной литературе продолжаются споры о том, допустимо ли будет рассматривать отходы в рамках цивилистической конструкции вещей (выбросы и сбросы вредных веществ вещами не являются) [10, с. 55]; какова будет оборотоспособность отходов как объектов гражданских прав; можно ли говорить об отходах как об особом виде имущества, на которое будет возникать особое право собственности? Попробуем разобраться в этих вопросах. Начнем с того, что твердые отходы вполне подходят под категорию вещей, и даже могут иметь потребительскую стоимость (например, в качестве сырья для определенного вида промышленности). Как объекты гражданских прав отходы относятся к числу материальных; они могут быть предметом различных гражданско-правовых сделок, однако тут нужно иметь ввиду следующие обстоятельства. Во-первых, для обладания некоторыми видами отходов необходима лицензия, например, для отходов I–IV класса опасности. Без нее юридическое лицо не может осуществлять транспортировку, утилизацию и иные виды обращения с отходами. Во-вторых, деятельность по обращению с отходами I–II классов опасности осуществляет федеральный оператор, а V класса (ТКО) – региональный оператор. Оператор отходов III и IV класса опасности нормативно не определен, и этой деятельностью занимаются специализированные юридические лица, имеющие лицензию. В-третьих, специальные правила сконструированы законодателем для лома цветных и черных металлов (ст. 13.1 Закона № 89). Они состоят

¹⁰ См. подробнее: Правила предоставления коммунальных услуг собственникам и пользователям помещений в многоквартирных домах и жилых домов. Утверждены Постановлением Правительства Российской Федерации от 06 мая 2011 г. № 354 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.10.2024).

в том, что физические лица могут отчуждать указанный лом, но в пределах установленного субъектом РФ перечня; юридические лица могут его отчуждать, если у них есть документы, подтверждающие право собственности на него.

Все это означает, что оборот некоторых видов отходов в России запрещен или ограничен¹¹; с другой стороны, виды отходов, не имеющие указанных выше ограничений (свободные в обороте и имеющие потребительскую ценность), могут отчуждаться их собственниками любому лицу по своему усмотрению.

Таким образом, отходы являются специфическим объектом экологических и гражданских правоотношений; в рамках экологического права основное внимание законодателя фокусируется на вопросы сбора, транспортировки, утилизации, захоронения отходов, на разработку требований по обеспечению экологической безопасности в процессе обращения с отходами, снижению уровня их негативного воздействия на окружающую среду. С точки зрения гражданского права, твердые отходы – это вещь, определяемая родовыми признаками, которая может быть как свободна, так и ограничена в обороте. Такая вещь является движимой, и может находиться в любой форме собственности. Гражданское право содержит общие правила относительно оборота отходов; экологическое право регламентирует права и обязанности субъектов гражданского оборота отходов, налагает запреты и ограничения в сфере оборота на ряд видов отходов. Наконец, по поводу отходов могут возникать как регулятивные правоотношения (о которых шла речь выше), так и охранительные, в рамках которых происходит возмещение вреда, причиненного собственником отходов третьим лицам (это является еще одной «точкой пересечения» гражданского и экологического законодательства).

Если же говорить о перспективах развития межотраслевого регулирования отношений в сфере обращения с отходами, то на их динамику в ближайшем будущем окажет воздействие государственная политика в сфере перехода на стандарты циркулярной экономики (в ее рамках главная цель – постепенный переход к нулевому уровню образования отходов). Для того чтобы уменьшить объемы образующихся отходов, потребуются новые договорные конструкции (или совершенствование имеющихся), например, в части совместного использования имущества (возникнут новые модели общей и совместной собственности); появятся больше пунктов приема макулатуры, лома металлов, бытовой техники (с последующей ее продажей новым потребителям), получат развитие и государственную поддержку различные виды экологического предпринимательства, связанные с переработкой и последующей реализацией полученной из отходов продукции.

Вывод

Отходы производства и потребления представляются собой довольно специфический объект межотраслевых (экологических и гражданских) правоотношений. Нормы указанных отраслей права здесь вполне гармонично дополняют друг друга: в нормах экологического права содержатся ограничения и запреты, направленные на минимизацию негативного воздействия отходов на состояние окружающей среды, жизнь и здоровье граждан. В свою очередь, нормы гражданского права регламентируют вопросы собственности, а также оборотоспособности отходов, с учетом публично-правовых ограничений, которые установлены экологическим законодательством. Сохранение и улучшение такого сбалансированного подхода будет являться одним из условий перехода России к «зеленой» экономике. Основных «точек пересечения» эколого-правового и гражданско-правового регулирования отходов три: регламентация вопросов собственности на отходы и их оборота; определение специфики договорного регулирования обращения с отходами; возмещение вреда, причиненного отходами окружающей среде и гражданам. В целях дальнейшего улучшения правового регулирования обращения с отходами необходимы меры как эколого-правового, так и гражданско-правового характера. В числе первых главное место занимают меры по поддержке и развитию экологического предпринимательства (особенно в ча-

¹¹ Указ Президента РФ от 22.02.1992 № 179 (ред. от 17.03.2020) «О видах продукции (работ, услуг) и отходов производства, свободная реализация которых запрещена» [Электронный ресурс]. Доступ из информ.-правового портала «Гарант» (дата обращения: 25.10.2024).

сти строительства мусороперерабатывающих заводов); во втором аспекте – улучшение договорного регулирования обращения с отходами применительно к правообладателям нежилых помещений. В обращении с отходами (кроме экологических и гражданских аспектов) мы также можем видеть административные элементы (в части полномочий органов публичной власти), финансовые (например, о размере и субъекте платы за негативное воздействие отходов на окружающую среду), земельно-правовые (правовой режим земельных участков, занятых полигонами отходов). Данные аспекты столь сложного объекта правоотношений, как отходы производства и потребления, требуют дальнейшего исследования и правового регулирования.

Список литературы

1. *Захаров А.Л.* Межотраслевые принципы права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Захаров Алексей Леонидович. – Казань, 2003. – 34 с.
2. *Башков А.В.* Межотраслевой институт защиты права собственности // Российский юридический журнал. – 2009. – № 3. – С. 136–144.
3. *Чаркин С.А.* Земельные правоотношения как межотраслевая правовая категория: монография. – Москва: Юрайт, 2012. – 237 с.
4. *Горлов В.М.* Эволюционные направления развития категории объекта правоотношения // Правовая политика и правовая жизнь. – 2019. – № 1. – С. 94–101.
5. *Бородина И.М.* Медицинские отходы как объект гражданских прав // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер.: 5 «Юриспруденция». – 2014. – № 2. – С. 92–95.
6. *Нагайцева Д.А.* Правовые проблемы обращения с отходами электронного и электрического оборудования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Нагайцева Дарья Александровна. – Москва, 2024. – 28 с.
7. *Васильев Г.С.* О собственнике отходов – разворот судебной практики // Закон. – 2015. – № 12. – С. 106–112.
8. *Лунева Е.В.* Договорное регулирование внесения платы за размещение отходов: взаимодействие экологического и гражданского права // Экологическое право. – 2016. – № 1. – С. 12–16.
9. *Анисимов А.П., Исакова Ю.И.* Экологический договор: понятие и место в системе гражданско-правовых договоров // Современное право. – 2024. – № 3. – С. 73–80.
10. *Кисель А.А.* Отходы в системе объектов гражданских прав // Legal Concept. – 2017. – Т. 16, № 2. – С. 51–56.

References

1. *Zaharov A.L.* Mezhotraslevye principy prava: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Zaharov Aleksey Leonidovich. – Kazan', 2003. – 34 s.
2. *Bashkov A.V.* Mezhotraslevoj institut zashchity prava sobstvennosti // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. – 2009. – № 3. – S. 136–144.
3. *Charkin S.A.* Zemel'nye pravootnosheniya kak mezhotraslevaya pravovaya kategoriya: monografiya. – Moskva: Yurajt, 2012. – 237 s.
4. *Gorlov V.M.* Evolyucionnye napravleniya razvitiya kategorii ob'ekta pravootnosheniya // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. – 2019. – № 1. – S. 94–101.
5. *Borodina I.M.* Medicinskie othody kak ob'ekt grazhdanskih prav // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: 5 «Yurisprudenciya». – 2014. – № 2. – S. 92–95.
6. *Nagajceva D.A.* Pravovye problemy obrashcheniya s othodami elektronnoho i elektricheskogo oborudovaniya: avtoref. dis. ... kand. yurid. nauk / Nagajceva Dar'ya Aleksandrovna. – Moskva, 2024. – 28 s.
7. *Vasil'ev G.S.* O sobstvennike othodov – razvorot sudebnoj praktiki // Zakon. – 2015. – № 12. – S. 106–112.
8. *Luneva E.V.* Dogovornoe regulirovanie vneseniya platy za razmeshchenie othodov: vzaimodejstvie ekologicheskogo i grazhdanskogo prava // Ekologichesko-skoje pravo. – 2016. – № 1. – S. 12–16.
9. *Anisimov A.P., Isakova Yu.I.* Ekologicheskij dogovor: ponyatie i mesto v sisteme grazhdansko-pravovyh dogovorov // Sovremennoje pravo. – 2024. – № 3. – S. 73–80.
10. *Kisel' A.A.* Othody v sisteme ob'ektov grazhdanskih prav // Legal Concept. – 2017. – T. 16, № 2. – S. 51–56.

УДК 343.98

ДАЧА ЗАВЕДОМО ЛОЖНЫХ ПОКАЗАНИЙ СВИДЕТЕЛЯМИ И ПОТЕРПЕВШИМИ КАК СПОСОБ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАССЛЕДОВАНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ОРГАНАМИ ДОЗНАНИЯ

Меркулова Марина Викторовна¹,

канд. юрид. наук,

e-mail: merkulova.mosu@gmail.com,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

Рассматриваются актуальные вопросы, связанные с дачей заведомо ложных показаний свидетелями и потерпевшими как наиболее распространенным способом противодействия расследованию преступлений. Анализируется понятие «дача заведомо ложных показаний» в соотношении с формами противодействия расследованию, раскрывается сущность дачи ложных показаний через призму свидетельского иммунитета и обозначается связанная с этим проблематика. Освещаются типичные мотивы противодействия применительно к расследованию некоторых преступлений, предварительное следствие по которым не обязательно, при этом выделяется психологическая составляющая мотивации потерпевших и свидетелей. На примере конкретного уголовного дела, возбужденного органом дознания по признакам ч. 1 ст. 119 УК РФ, раскрывается механизм рассматриваемого способа противодействия. В связи с этим обозначается ключевая проблема, связанная с необходимостью укрепления доказательственной базы по уголовным делам, подследственным органам дознания. На основании изложенного формулируется вывод о направлениях обеспечения эффективного выявления и преодоления противодействия расследованию по делам такого рода. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: дача ложных показаний, противодействие расследованию преступлений, свидетель, потерпевший, орган дознания, угроза убийством, побои

FALSE TESTIMONY BY WITNESSES AND VICTIMS AS A MEANS OF COUNTERING THE INVESTIGATION OF CRIMES BY THE INVESTIGATIVE BODIES

Merkulova M.V.¹,

Candidate of Legal Sciences,

e-mail: merkulova.mosu@gmail.com,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

The current issues related to the false testimony by witnesses and victims as the most common way to counteract the investigation of crimes are considered. The concept of “false testimony” (“perjury”) is analyzed in relation to the forms of counteraction to the investigation, the essence of false testimony through the prism of witness immunity is revealed and the related issues are identified. The typical motives of counteraction in relation to the investigation of certain crimes, the preliminary investigation of which is not necessary, are highlighted, while the psychological component of the motivation of victims and witnesses is highlighted. Using the example of a specific criminal case initiated by the body of inquiry on the grounds of Part 1 of Article 119 of the Criminal Code of the Russian Federation, the mechanism of the considered method of counteraction is revealed. In this regard, a key problem is identified related to the need to strengthen the evidence base in criminal cases, investigative bodies of inquiry. On the basis of the above, a conclusion is formulated on the directions for ensuring effective identification and overcoming opposition to investigations in cases of this kind. In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: false testimony, counteracting the investigation of crimes, witness, victim, body of inquiry, threat of murder, beatings

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-59-64

Сообщение в ходе допроса заведомо ложной информации и утаивание важных для расследования данных сегодня встречается достаточно часто, причем не только со стороны подозреваемых и обвиняемых, но и свидетелей, а также потерпевших. При определенных условиях такие действия (бездействие) могут рассматриваться как преступление (ст. 307–308 УПК РФ). Нередко они сочетаются с иными способами искажения доказательств¹. Как субъекты противодействия расследованию свидетели и потерпевшие, как правило, используют способы, характерные для сокрытия преступления, прибегая на допросах к даче ложных показаний [1, с. 139; 2, с. 87].

Под заведомо ложными показаниями в криминалистической литературе понимаются показания, в ложности которых на момент их дачи уверен и достоверно знает свидетель либо потерпевший. При этом в них полностью или частично искажаются сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу [3, с. 136; 4, с. 27]. В числе прочего это может выражаться в изложении несуществующих фактов, которые касаются события преступления, а также в отрицании реальных обстоятельств дела. Таким образом, рассматриваемое понятие охватывает преимущественно активную форму противодействия расследованию, однако фактически ложным показаниям на допросе часто сопутствует утаивание определенных деталей события, т.е. пассивное противодействие [5, с. 117]. С мнением ученых согласуется позиция Верховного суда РФ относительно признака заведомости, который подразумевает наличие умысла на совершение действия (искажения действительных обстоятельств) или бездействия (умолчания о существенных для дела обстоятельствах)².

Как известно, рассматриваемые деяния признаются уголовно наказуемыми лишь при условии их совершения лицом, которое было предупреждено об уголовной ответственности по ст. 307 УК РФ. При этом п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ в развитие нормы ст. 51 Конституции РФ закрепляет право свидетеля отказаться свидетельствовать против самого себя, своего супруга (супруги) и других близких родственников. П. 3 ч. 2 ст. 42 УПК РФ предоставляет аналогичное право потерпевшему. Вместе с тем, со стороны свидетелей и потерпевших, преследующих цель противодействия расследованию, имеет место фактическое злоупотребление указанным правом, когда так называемое «законное противодействие» (по сути своей пассивное) трансформируется в активное запутывание следствия или дознания. Заметим также, что вопрос свидетельского иммунитета сам по себе является остропроблемным, учитывая широкое распространение сожителства без заключения брака, и поэтому требует отдельного изучения [6, с. 52].

Практика показывает, что в подавляющем большинстве случаев ложные показания, даваемые свидетелями и потерпевшими по делам, связанным с бытовыми конфликтами, направлены в пользу обвиняемого. В первую очередь это касается угрозы убийством, а также нанесения побоев лицом, подвергнутым административному наказанию или имеющим судимость³. Мотивом дачи ложных показаний здесь, как правило, становится стремление сохранить дружеские или семейные (родственные) отношения, не портить жизнь близким и т.п., т.е. так называемый мотив-оправдание [7, с. 16]. Отметим, что первоначально свидетели и потерпевшие под воздействием стрессовой ситуации могут дать правдивые показания, а затем их изменить, ссылаясь на различные обстоятельства, поэтому крайне важно в каждом случае выявлять мотивацию подобных действий. Нередко такие лица сами выступают инициаторами проведения повторного допроса, в ходе которого меняют показания. Этот факт, а равно ходатайство защитника о проведении повторного допроса свидетеля (потерпевшего), дает все основания для предположения о возможном противодействии расследованию.

Согласно п. 3 ч. 2 ст. 42 и п. 1 ч. 4 ст. 56 УПК РФ первичные показания потерпевшего и свидетеля могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу даже в случае их последующего отказа от этих показаний. Однако расследование может серьезно осложнить факт дачи ложных по-

¹ Тишутина И.В. Противодействие расследованию преступлений и меры по его преодолению: учебное пособие. – Москва: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя, 2016. – С. 57–58.

² Постановление Пленума Верховного суда РФ от 28 июня 2022 г. №20 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях против правосудия» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс». – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_420839/#dst100038 (дата обращения: 25.09.2024 г.).

³ Федеральным законом от 07.02.2017 г. № 8-ФЗ «О внесении изменения в статью 116 Уголовного кодекса Российской Федерации» декриминализовано нанесение побоев в отношении членов семьи и других близких лиц. В настоящее время указанное деяние переведено в разряд административных правонарушений.

казаний уже на первоначальном допросе, в то время как достоверная информация содержалась лишь в материалах доследственной проверки, послужив основанием для возбуждения уголовного дела.

По данным МВД РФ, в период с января по июль 2024 года в стране зарегистрировано 21 914 преступлений, связанных с угрозой убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, что на 11,8 % меньше, чем в аналогичный период прошлого года⁴. Тем не менее, доля таких деяний в общем количестве преступлений, предварительное следствие по которым не обязательно, по-прежнему велика, что свидетельствует о необходимости проявлять повышенное внимание к их расследованию и профилактике. Сложные внутрисемейные отношения часто заставляют потерпевших вновь и вновь возвращаться к привычному укладу жизни в силу психологической зависимости или из боязни потерять какую-либо выгоду, которая напрямую связана с обвиняемым, чаще всего материальное обеспечение семьи.

Усугубляет ситуацию тот факт, что значительное количество подобных преступлений совершается в состоянии алкогольного опьянения, причем речь зачастую идет о совместном распитии алкоголя участниками конфликта. Это позволяет потерпевшим впоследствии сослаться на якобы имевшие место провалы в памяти или же оправдывать вызов полиции и дачу соответствующих объяснений спонтанной агрессивной или защитной реакцией на возникший конфликт, вызванный опьянением и не имевшей под собой реальных оснований. В качестве иллюстрации рассмотрим подробно один из таких случаев – весьма типичный по своему содержанию.

14.01.2024 года около 23 часов 00 минут гр. Б., находясь на кухне кв. № 10, д. № 4 по ул. Д-ского одного из городов Московской области, в ходе ссоры со своей супругой Екатериной Г. взял в обе руки по два кухонных ножа и, находясь в непосредственной близости от супруги, высказывал в ее адрес угрозы убийством, направляя при этом лезвия ножей в область шеи и головы последней. Спустя несколько минут Б. продолжил угрозы убийством уже в адрес своей совершеннолетней падчерицы Инны Г., также направляя при этом лезвия ножей в область ее шеи. Учитывая агрессивное поведение Б., обе потерпевшие восприняли угрозу как реальную и имели основания опасаться ее осуществления.

Очевидцем произошедшего был гр. К. – общий знакомый семьи Б., который и вызвал полицию. Прибывшие на вызов сотрудники полиции застали участников конфликта и присутствовавшего при этом К. в состоянии опьянения, которое, однако, не препятствовало осознанной даче объяснений относительно произошедшего.

В ходе опроса потерпевшая Екатерина Г. сообщила следующее. Вечером, когда она, ее дочь Инна, ее супруг Б. и их общий знакомый К. сидели на кухне и употребляли спиртное, между ней и Б. возник словесный конфликт, в ходе которого Б. отнял у супруги мобильный телефон и разбил его, бросив с силой в стену. Затем Б. вышел из кухни, а когда вернулся, схватил четыре ножа, которые висели на магнитном держателе справа от входа в кухню и, взяв их всеором по два ножа в каждую руку, направил лезвия в сторону Екатерины, высказывая при этом в ее адрес оскорбления и угрозы убийством. Со слов потерпевшей, она так сильно испугалась за свою жизнь, что забилась от страха в угол, понимая, что супруг сильнее нее физически и в руках у него ножи.

Вторая потерпевшая – Инна Г. – пояснила, что в момент угроз убийством ее матери со стороны отца она резко встала и схватила последнего за запястье, чтобы выхватить ножи у него из рук. Однако Б. вырвал свою руку и от злости ударил падчерицу ладонью по лицу, а затем толкнул ее, отчего потерпевшая упала на пол и при падении сильно ушибла колени. Со слов потерпевшей, Б. при этом кричал на нее, вел себя агрессивно и высказывал в ее адрес оскорбления, а когда он вырывал свою руку из хвата падчерицы, порезал ей палец.

Потерпевшая Екатерина Г. также сообщила, что на крики с кухни из комнаты прибежала их общая с Б. малолетняя дочь Светлана. Вбежав на кухню, она закричала, чтобы отец не трогал мать и сестру. В этот момент Б. бросил ножи в сторону холодильника и вытолкнул Светлану с кухни. Находившийся в кухне К. испугался и вызвал сотрудников полиции.

⁴ См.: Официальный сайт Министерства внутренних дел Российской Федерации: Материалы ФКУ ГИАЦ. Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь–июль 2024 года. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/54040412/> (дата обращения: 25.09.2024 г.).

На основании полученных данных дознавателем было возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 119 УК РФ. В ходе расследования было установлено, что в 2023 году гр. Б. был осужден по ч. 1 ст. 111 УК РФ и приговорен к наказанию в виде трех лет лишения свободы условно с испытательным сроком три года; в настоящее время состоит на учете в уголовно-исполнительной инспекции. Изучение личности Б. и членов его семьи позволило выяснить, что в данной семье часто употребляются спиртные напитки и происходят бытовые конфликты. Вместе с тем, Б. в семье является единственным кормильцем, имея достаточно высокий доход, в то время как его супруга не работает, занимаясь воспитанием их общей малолетней дочери. Взрослая же дочь потерпевшей проживает отдельно, работает и обеспечивает себя сама.

Полученная информация позволила если не точно спрогнозировать будущее противодействие со стороны потерпевшей, то, по крайней мере, сделать его ожидаемым. Действительно, дальнейшая следственная ситуация складывалась именно по такому сценарию.

Так, будучи допрошенной в качестве потерпевшей, Екатерина Г. показала, что в момент конфликта с Б. все присутствовавшие (в том числе и она сама) находились в состоянии алкогольного опьянения. Конфликт начался с того, что на ее мобильный телефон позвонила родная сестра ее мужа. Она ответила на звонок, но в этот момент ее супруг Б., не желая, чтобы этот разговор состоялся, выхватил телефон из ее рук и разбил его о стену. Со слов потерпевшей, из-за этого она разозлилась, стала кричать и нецензурно выражаться в адрес своего супруга Б. При этом в кухню действительно заходила их младшая дочь Светлана и просила, чтобы они ругались тише, а затем ушла спать. Некоторое время спустя Б. взял один кухонный нож с магнитного держателя; ей показалось, что он хотел нарезать хлеб. Что делал с ножом Б., она не видела, поскольку в тот момент ее отвлекла старшая дочь Инна, которая сказала, что она поранила себе палец, нарезая какой-то продукт, – какой именно она (Екатерина Г.) не помнит. Затем все продолжили выпивать. Как оказались ножи на полу возле холодильника, пояснить не может, так как не помнит. Все остальные события, происходящие в тот вечер, помнит и подтверждает, что между ней и ее супругом Б. была ссора, но супруг кухонными ножами ей не угрожал. Объяснение сотрудникам полиции она давала в состоянии сильного алкогольного опьянения, ничего не понимала и хотела только, чтобы сотрудники полиции вывели из квартиры ее супруга. Заявление в полицию написала под влиянием эмоций, потерпевшей себя не считает. Угрожал ли Б. ножом ее дочери и причинил ли той телесные повреждения, она не видела.

Дочь потерпевшей Инна Г., допрошенная в качестве свидетеля, подтвердила показания матери и также настаивала на том, что она плохо помнит события 14 января, поскольку находилась в состоянии алкогольного опьянения. Более того, по поводу имеющихся у нее телесных повреждений она заявила, что получила их ранее на работе, а свое согласие на проведение судебно-медицинской экспертизы объяснила все тем же алкогольным опьянением, которое не давало ей возможность полностью осознавать происходящее.

Свою вину в совершении угрозы убийством и нанесении побоев Б. признал полностью, в содеянном раскаялся, примирился с супругой и падчерицей. Свидетель К. также дал правдивые показания. Однако, учитывая показания, полученные от супруги и падчерицы Б., дознание пришло к выводу о том, что достаточных доказательств совершения гр. Б. действий, направленных на угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью своей супруге, получено не было. В результате уголовное преследование в отношении Б. по ч. 1 ст. 119 УК РФ было прекращено в связи с отсутствием события преступления. В суд были направлены лишь материалы уголовного дела по ч. 2 ст. 116.1 УК РФ⁵.

Можно видеть, что подобные случаи подсвечивают серьезную проблему, связанную с необходимостью расширения и укрепления доказательственной базы по уголовным делам подобного рода, основой которой в настоящее время составляет именно вербальная информация (показания различных лиц). Сам по себе факт наличия объемной и стабильной доказательственной базы по уголовному делу оказывает сдерживающее влияние на инициаторов противодействия расследованию, ограничивает возможности расширения круга его субъектов. Решение названной проблемы ученые и практики видят, прежде всего, в более широком использовании в расследовании преступлений материально отображаемой

⁵ По материалам отдела дознания УМВД России по городскому округу К. Московской области.

(в следах преступлений) криминалистически значимой информации, а значит – более активном применении криминалистической техники [8, с. 133–134]. При этом помимо надлежащей работы со следами преступления важнейшее значение имеет осуществление видеофиксации следственных действий. Применение видеозаписи при допросе свидетелей и потерпевших практически не оставляет последним возможности сослаться на вымышленные обстоятельства в оправдание изменения своих показаний⁶.

Однако укрепление доказательственной базы по уголовным делам, подследственным органам дознания, – всего лишь одно из направлений обеспечения эффективного выявления и преодоления противодействия расследованию. Данная проблематика многоаспектна и сложна, а значит, требует комплексного подхода к ее изучению и решению. Закономерным итогом этой работы должно стать совершенствование методик расследования рассматриваемых видов преступлений в условиях противодействия.

Список литературы

1. *Варданян А.В.* Противодействие предварительному расследованию: в продолжение научной дискуссии // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. – 2021. – № 1 (96). – С. 138–145.
2. *Дубровин С.В.* Соотношение (взаимосвязь и различие) противодействия расследованию преступлений и их сокрытия // Вестник Московского университета МВД России им. В.Я. Кикотя. – Москва: Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя. – 2012. – № 6. – С. 86–88.
3. *Карпенко О.А.* Сущность дачи заведомо ложных показаний как приема противодействия расследованию преступлений // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2017. – № 2(28). – С. 133–137.
4. *Карпенко О.А., Лаэров В.П.* Противодействие расследованию преступлений посредством дачи заведомо ложных показаний и меры по его преодолению: монография. – Москва: Юрлитинформ, 2020. – 142 с.
5. *Лушин Е.А.* Противодействие расследованию – некоторые спорные вопросы // Вопросы науки и образования. – Иваново: Олимп, 2017. – № 10(11). – С. 116–118.
6. *Мальшев Я.В.* Актуальные проблемы дачи заведомо ложных показаний свидетелем и потерпевшим // Правовые проблемы укрепления российской государственности: сборник статей / Томский государственный университет. Ч. 50. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2011. – С. 51–52.
7. *Карнаухова О.Г.* Тактика преодоления противодействия расследованию со стороны свидетелей и потерпевших: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Карнаухова Оксана Геннадьевна. – Санкт-Петербург, 2015. – 23 с.
8. *Федоренко А.Ю.* Криминалистическая техника в предупреждении и пресечении противодействия раскрытию и расследованию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. – Москва, 2001. – 213 с.

References

1. *Vardanyan A.V.* Counteraction to preliminary investigation: in continuation of the scientific discussion // Bulletin of the East Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 1 (96). – P. 138–145.
2. *Dubrovin S.V.* Correlation (interrelation and difference) of counteraction to investigation of crimes and their concealment // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. - Moscow: Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot. – 2012. – No. 6. – P. 86–88.
3. *Karpenko O.A.* The nature of giving knowingly false testimony as a method of counteracting the investigation of crimes // Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2017. – No. 2 (28). – P. 133–137.
4. *Karpenko O.A., Lavrov V.P.* Counteracting the investigation of crimes by giving knowingly false testimony and measures to overcome it: monograph. – Moscow: Yurlitinform, 2020. – 142 p.

⁶ Меркулова М.В., Мозговая Д.А., Скорodelова Е.И. Порядок применения следователями и дознавателями фото- и видеофиксации хода и результатов следственных действий: учебно-практическое пособие. – Тула: Тульский государственный университет, 2022. – С. 20.

5. *Lushin E.A.* Counteracting the investigation - some controversial issues. // Issues of science and education. – Ivanovo: Olimp, 2017. – No. 10 (11). – P. 116–118.
6. *Malyshev Ya.V.* Actual problems of giving knowingly false testimony by a witness and a victim // Legal problems of strengthening the Russian statehood: Collection of articles / Tomsk State University. Part 50. – Tomsk: National Research Tomsk State University, 2011. – P. 51–52.
7. *Karnaukhova O.G.* Tactics of overcoming counteraction to investigation by witnesses and victims: abstract of dis. ... Cand. of Law. Sciences / Karnaukhova Oksana Gennadijevna. – St. Petersburg, 2015. – 23 p.
8. *Fedorenko A.Yu.* Forensic technology in preventing and suppressing counteraction to the disclosure and investigation of crimes: dis. ... Cand. of Law. – Moscow, 2001. – 213 p.

УДК 343

ЖЕНСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ: СОВРЕМЕННЫЕ ТЕНДЕНЦИИ

Геранин Виталий Владимирович¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Мальцева Светлана Николаевна¹,

канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, филиал в г. Рязани, г. Рязань, Россия

В течение более чем 10 последних лет отмечается ежегодное снижение численности контингента осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы. Причем сокращение наблюдается у всех категорий осужденных, независимо от их пола и возраста. Это, несомненно, позитивная тенденция, учитывая достаточно скромные возможности исправительных учреждений по изменению поведения содержащихся в них лиц. Однако при общем падении численности, криминальная статистика свидетельствует о сохраняющейся тенденции увеличения доли женской преступности как в общем объеме регистрируемых преступлений, так и в числе осужденных, отбывающих лишение свободы. Авторы статьи в числе социальных причин, обуславливающих данное негативное явление, обращают внимание на такой набирающий обороты социальный и гендерно-психологический феномен, как женская маскулинность, все интенсивнее влияющий на избрание слабым полом насилия как способа решения конфликтов. По мнению авторов апробированная временем классификация женщин на категории в зависимости от тяжести совершенного деяния и рецидива преступлений должна быть восстановлена. Тем самым удастся не только предотвратить криминальное заражение женщин, впервые отбывающих лишение свободы (70 %), но и поспособствовать реализации такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости на стадии исполнения наказания. В самом общем виде ее можно сформулировать как «разное за содеянное». По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: женская преступность, гендер, маскулинизация женщин, женская насильственная преступность, классификация преступлений, исправительные колонии общего и строгого режима для женщин, тяжкие преступления, исполнение наказания

FEMALE CRIMINALITY: CURRENT TRENDS

Geranin V.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: gvvrzn@mail.ru,

Maltseva S.N.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: kafedraupd2015@yandex.ru,

¹Moscow Witte University, a branch in Ryazan, Ryazan, Russia

Over the past more than 10 years, there has been an annual decrease in the number of convicts serving sentences of imprisonment. Moreover, a decrease is observed in all categories of convicts, regardless of their gender and age. This is undoubtedly a positive trend, given the rather modest possibilities of correctional institutions for the correction of persons held in them. However, with a general decline in the number, criminal statistics indicate a continuing trend of an increase in the share of female crime both in the total volume of recorded crimes and in the number of convicts serving imprisonment. The authors of the article, among the social reasons for this negative phenomenon, pay attention to such a growing social and gender-psychological phenomenon as female masculinity, which increasingly affects the choice of violence by the weaker sex as a way to resolve conflicts.

According to the authors, the time-tested classification of women into categories depending on the severity of the committed act and the recurrence of crimes should be restored. Thus, it will be possible not only to prevent criminal infection of women serving imprisonment for the first time (70 %), but also to contribute to the realization of such a goal of punishment as the restoration of social justice at the stage of execution of punishment. In its most general form, it can be formulated as: "Different for what has been done".

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: Female criminality, gender, masculinization of women, female violent crime, classification of crimes, general and strict regime correctional colonies for women, serious crimes, execution of punishment

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-65-71

Аксиоматичным в криминологии считается вывод о том, что женщины менее криминализированы, чем мужчины. Специалисты объясняют это отчасти биологическими особенностями женщин, но главным образом, их социальными свойствами. В последнее время при раскрытии закономерностей женской преступности симбиоз обоих подходов стало принятым называть «гендерным подходом» [1, с. 65; 2, с. 58; 3, с. 905]. Задействование гендерного подхода во взаимосвязи с другими критериями позволяет увереннее спрогнозировать поведение личности, точнее определить виды и уровень оказываемого на нее предупредительного воздействия.

Анализ криминальной статистики последних почти 15 лет (начиная с 2010 года) позволяет отметить две разнонаправленные тенденции. С одной стороны, очевиден процесс неуклонного снижения как числа зарегистрированных преступлений, так и лиц, их совершивших. Так, если в 2010 г. было зарегистрировано 2628,8 тыс. преступлений и 1111,1 тыс. лиц, их совершивших, то в 2023 г. преступлений зарегистрировано 1947,2 тыс. (– 26%), а совершивших их лиц – 750,5 тыс. (– 32,5%)¹. По итогам семи месяцев 2024 г. тенденция продолжает сохраняться.

С другой стороны, обратившись к той же статистике, но только в отношении женщин, увидим обратное движение. В 2010 году из общего числа лиц, совершивших преступления, женщин было зарегистрировано 172,4 тыс. В 2023 г. их число снизилось до 126,3 тыс. (– 26,8%). Однако за указанный период их доля поднялась с 15,5 % до 16,8 %, а за 7 мес. 2024 г. она еще более возросла – до 17,8 %². То есть, наблюдается обратно пропорциональный процесс: при снижении общего числа зарегистрированных преступлений, совершенных женщинами, их удельный вес относительно всех зарегистрированных лиц, совершивших преступления, растет. Причем он с небольшими отклонениями продолжает расти с 1990 года – момента провозглашения России в качестве самостоятельного государства. Поэтому сложно согласиться с высказываниями о том, что «динамика женской преступности носит волнообразный, повторяющийся характер» [4, с. 105]. Статистика свидетельствует, что в течение всего постсоветского периода развития России доля преступлений, совершаемых женщинами, практически все время увеличивается. Причем прирастает она не только за счет привычных для женской преступности корыстных или бытовых преступлений, но и повышения удельного веса насильственных деяний.

Отчасти подобная тенденция связана с такой все больше набирающей популярность среди психологов и социологов категорией, как теория маскулинности [3, с. 908], а в ее рамках – женской маскулинности как следствия все большего воздействия «как гендерных (социально обусловленных), так и биологических и психологических воздействий на реализацию женщинами криминальной агрессии» [5, с. 4].

Все более проявляющаяся, особенно у молодого поколения, маскулинизация женщин носит закономерный характер. И как подчеркивают исследователи: «Продолжается негативная тенденция усугубления маскулинизации женской преступности, которая выражается в сохранении большой доли участия женщин в совершении преступлений насильственного характера» [6, с. 51; 7, с. 223].

¹ Состояние преступности в России за январь–декабрь 2010 года [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/209732> (дата обращения: 04.09.2024); Состояние преступности в России за январь–декабрь 2023 года [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/47055751> (дата обращения: 04.09.2024).

² Состояние преступности в России за январь–июль 2024 года [Электронный ресурс] // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» МВД РФ. – URL: <https://мвд.рф/reports/item/54040412/> (дата обращения: 04.09.2024).

Другими словами, если согласиться с тем, что женская маскулинизация – объективный процесс, характеризующий вектор развития современного общества, можно предположить, что женская насильственная преступность постепенно станет если не вытеснять, то приближаться к показателям привычно мужской насильственной преступности. Данную гипотезу подтверждают, в частности, результаты проведенного в течение двух лет исследования, согласно одному из выводов которого маскулинные девушки в случае возникновения противоречий более склонны к физическим способам их разрешения [8, с. 110]. То есть действуют в соответствии с гендерными нормами, характерными для мужчин. Сверх того, следует также принять во внимание наметившийся обратный тренд – процесс феминизации мужчин, проявляющийся как «формирование пассивного, фемининного типа личности» [9, с. 61–62; 10, с. 223].

Рост маскулинности слабого пола ожидаемо сказался на учащении решения им конфликтов силовыми методами, что предсказуемо привело к негативным изменениям в женской преступности. По данным Генпрокуратуры женская преступность в последние годы не только завоевывает все большую долю, но и характеризуется ее «утяжелением». Так, в 2021 г. на 6,6 % увеличилось число совершенных женщинами особо тяжких преступлений, а за первое полугодие 2022 г. – на 9 %³. Здесь с сожалением отметим, что как Генпрокуратура РФ, так и ФСИН РФ, начиная с 2023 года перестали обновлять официальную статистику.

В качестве мрачной перспективы, которую, несмотря на всю ее кажущуюся несбыточность, все же следует иметь в виду, следует обратить внимание на ситуацию с женской преступностью в одной из самых близких некогда для России практически по всем показателям стран – Украину. Вследствие ужасающей социально-экономической ситуации и прежде всего ведущихся страной военных действий, женская преступность растет галопирующими темпами. Если за 7 месяцев 2022 г. по поводу преступлений, совершенных женщинами, было открыто 7740 уголовных производств, то за этот же период 2024 года их открыто уже 14528 [11]. Иными словами, за два года женская преступность в этой стране выросла вдвое. По причине стремительно убывающего мужского населения, женщины начали замещать его не только в экономике, но и в криминальном мире, что в таких условиях уже не кажется невероятным.

Несмотря на продолжающуюся негативную трансформацию женской преступности, реакция на нее со стороны законодателя, суда, правоохранительных органов, да и всего общества не меняется, оставаясь по-прежнему лояльной [12; 13, с. 72]. Она проявляется как на всех стадиях уголовного судопроизводства, начиная от избрания меры пресечения, назначения наказания, так и в пенитенциарный период, когда начинают действовать уголовно-исполнительные правоотношения. Подобное отношение государства и общества, ставшее по существу традицией, имеет глубокие исторические корни и обусловлено, прежде всего, биологическими особенностями женщин и их особой ролью в жизни социума.

Не пытаясь оценивать справедливость и обоснованность повышенной благосклонности общества к преступности женщин в уголовно-правовой сфере, обратимся к ее анализу в сфере пенитенциарной.

Гендерный подход в уголовной политике обуславливает причину того, что в местах лишения свободы концентрируются женщины, обладающие значительным опытом противоправной деятельности, либо совершившие наиболее общественно опасные деяния, имеющие преимущественно насильственный характер. По отношению к остальным все чаще применяется альтернативная лишению свободы мера – принудительные работы, или наказания, не связанные с изоляцией от общества.

В соответствии со ст. 74 УИК РФ женщины, осужденные к наказанию в виде лишения свободы, отбывают наказание в колониях-поселениях и исправительных колониях общего режима. Если обратиться к материалам проведенной в 2022 г. специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, обращает на себя внимание отмеченная по их итогам тенденция продолжающегося ухудшения характеристики женщин, отбывающих наказание в виде лишения свободы. В частности, 83 % женщин отбывает это наказание за совершение тяжких и особо тяжких преступлений [14, с. 78]. Если же обратиться к показателям переписи только в отношении женщин, содержащихся в исправительных

³ Генпрокуратура зафиксировала рост преступности среди женщин в России [Электронный ресурс] // Ведомости. – URL: <https://www.vedomosti.ru/society/articles/2022/10/31/948099-genprokuratura-zafiksirovala-rost-prestupnosti-sredi-zhenschin> (дата обращения: 04.09.2024).

колониях общего режима, то для них наиболее характерная категория – это особо тяжкие преступления (58,6 %). На первый взгляд это выглядит нестереотипно, но данный показатель выше, чем у мужчин, причем содержащихся во всех видах исправительных колоний, включая особый режим (54,3 %) [15, с. 67]. Характерно, что для данной категории преступлений свойственна тенденция скачкообразного роста. Согласно переписи 2009 г. доля особо тяжких преступлений у женщин, лишенных свободы, выросла почти в 4 раза по сравнению с переписью 1999 г., а в 2022 г. она поднялась еще почти на 15%. Причина видится нами все та же – в связи с отчетливо проявляющимся гендерным подходом уголовной политики, лишение свободы назначается преимущественно в качестве крайней меры и при условии совершения женщинами наиболее общественно опасных деяний.

Для полноты уголовно-правовой характеристики также добавим, что почти каждая третья женщина судима неоднократно, а 4,5 % из них совершили преступления при особо опасном рецидиве [15, с. 68]. Между тем криминологи справедливо утверждают, что большинство рецидивистов являются носителями и распространителями субкультуры, так называемой «воровской» идеологии и традиций, усвоенных ими, прежде всего, в местах лишения свободы. Поскольку каждый рецидивист заражает криминальной субкультурой несколько окружающих его человек, то остается полагаться на уголовно-исполнительную классификацию осужденных, благодаря которой семидесяти процентам женщин с первой судимостью удастся сохранить планы на будущее, не связанные в той или иной степени с преступным образом жизни.

Общим для отраслей права криминального цикла является принцип индивидуализации наказания. Несмотря на то, что он прямо не закреплен в числе принципов УК РФ (ст. 3–8), его сущность отражена в ч. 3 ст. 60 УК РФ, раскрывающей общие начала назначения наказания. Именно индивидуализация наказания позволяет реализовать такие уголовно-правовые принципы, как справедливость и экономия репрессии. Кроме того, без индивидуализации наказания трудно представить успешность достижения основной его цели – исправления осужденных.

Взаимосвязанность и взаимозависимость криминальных отраслей права и законодательства отчетливо проявляется в процессе поступательного перехода от одного отраслевого вида правоотношений к другому. Если в процессе назначения наказания используется ретроспективный подход (при выборе его вида и срока внимание суда сосредоточено, в первую очередь, на том, что произошло в прошлом – общественной опасности ранее совершенного преступления), то на стадии исполнения актуализируется значимость перспективного подхода и акцент переносится на личность преступника. То есть, на пенитенциарной стадии прошлое – влияние категории ранее совершенного преступления – отходит на второй план, а приоритет приобретает задача снижения или устранения общественной опасности личности осужденного, а в качестве сверхзадачи – его исправление.

Индивидуализация и дифференциация исполнения наказания, выступая составной частью принципа индивидуализации наказания, опирается не только на уголовно-правовые, но и на собственные критерии, лежащие в основе уголовно-исполнительной классификации осужденных. Значение последней, прежде всего, состоит в том, что она предопределяет структуру исправительных учреждений и разделение исправительных колоний на виды режима.

В советский период индивидуализация исполнения наказания находилась в центре пенитенциарной политики нашей страны, основывавшейся на разветвленной системе исправительных учреждений. В постсоветский период в связи с сокращением финансирования уголовно-исполнительной системы некоторые виды режима были упразднены. К началу 90-х годов для осужденных к лишению свободы женщин предусматривалось отбывание наказания в колониях-поселениях, исправительных колониях общего режима и строгого режима (при особо опасном рецидиве преступлений). Отметим, что в России функционировала единственная тюрьма для содержания женщин, перепрофилированная в СИЗО в 1993 г. Как пример не всегда оправданной гуманизации карательной политики можно привести упразднение в 2003 г. исправительных колоний строгого режима для женщин⁴.

⁴ Федеральный закон от 08.12.2003 г. № 161-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О приведении Уголовно-процессуального кодекса РФ и других законодательных актов в соответствие с Федеральным законом “О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РФ”» // Собрание законодательства РФ. – 15.12.2003. – № 50. – Ст. 4847.

В результате на сегодняшний день в исправительных колониях общего режима содержатся все осужденные к лишению свободы женщины⁵, независимо от тяжести совершенного преступления или вида рецидива.

Несмотря на небывалое для судебной практики за весь советский и постсоветский период развития пенитенциарной системы методичное убывание назначения лишения свободы, по-прежнему, опережает все остальные наказания, составляя 30,3 %. А в совокупности с лишением свободы, назначенным условно, его доля возрастает до 55,2 % (АППГ – 57,1%)⁶.

Обратим внимание также на сроки наказания, назначаемые женщинам. Если сравнивать показатели трех последних переписей, то заметен прирост только полных показателей. Так, в 1999 г. на срок до одного года были приговорены 1,2 % женщин, в 2009 г. – 2,6 %, а в 2022 г. – 9,7 % (восьмикратный и почти четырехкратный прирост соответственно). С противоположной стороны (от 8 лет и более) показатели следующие: в 1999 г. удельный вес сроков наказания свыше 8 лет составил 9,3 %, в 2009 г. – 17,6 %, в 2022 г. – 27,2% (за 23 года трехкратный прирост) [15, с. 71]. Подчеркнем, что обе тенденции отрицательные. Первая показывает, что все шире становится круг женщин, усваивающих «азы тюремной грамоты» и попадающих в колею, из которой затем не каждой удастся выбраться. Вторая – наряду с приростом тяжести совершенных преступлений и повышением уровня рецидива, свидетельствует о том, что такие женщины все больше профессионализируются в преступном ремесле и начинают представлять все более серьезную угрозу для общества. И как результат, как мы указывали выше, эта относительно небольшая группа женщин, неоднократно и на длительные сроки осуждавшихся к наказанию в виде лишения свободы, несомненно, оказывают значительное криминальное психологическое воздействие на подавляющее большинство впервые осужденных (70 %). Данный фактор не просто препятствует администрации мест лишения свободы в реализации ею исправительно-воспитательного воздействия, но в ряде случаев может блокировать его.

Таким образом, тенденция роста преступлений, совершаемых женщинами, сопровождается концентрацией в исправительных колониях общего режима все более опасных для общества осужденных женщин. И переломить ситуацию, связанную с приобретением и закреплением женщинами преступного опыта в местах лишения свободы, силами сотрудников ФСИН России при всех усилиях невозможно. На наш взгляд, решение об упразднении существовавших до 2003 г. исправительных колоний строгого режима для женщин было преждевременным. Апробированная временем классификация женщин на категории в зависимости от тяжести совершенного деяния и рецидива преступлений должна быть восстановлена. Тем самым удастся не только предотвратить криминальное заражение женщин, впервые отбывающих лишение свободы, но и способствовать реализации принципа восстановления социальной справедливости на стадии исполнения наказания. В самом общем виде его можно сформулировать как: «разное за содеянное».

Список литературы

1. Романова Н.М. Социально-психологические детерминанты преступного поведения: субъект криминального деликта и гендер // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Философия. Психология. 2009. – Т. 9, вып. 3. – С. 64–69.
2. Стасенко О.В. Преступное поведение: гендерный анализ // Женщина в российском обществе. – 2009. – № 1. – С. 57–63.
3. Стяжкина С.А. Гендерные особенности женской преступности // Вестник Удмуртского университета. Сер.: Экономика и право. – 2021. – № 5. – С. 904–910.
4. Алексеева Е.А. Современные тенденции развития женской преступности в России // Психопедагогика в правоохранительных органах. – 2020. – № 1 (80). – С. 105–111.
5. Качаева М.А., Русина В.В. Гендерные аспекты особенностей агрессивных преступлений, совершенных женщинами // Российский психиатрический журнал. – 2010. – №6. – С. 4–10.

⁵ Мы разделяем общепринятое мнение о том, что колонии-поселения не должны относиться к местам лишения свободы.

⁶ Отчет о работе судов общей юрисдикции по рассмотрению уголовных дел по первой инстанции за 12 месяцев 2023 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.cdep.ru/userimages/Statistika_2023_go-dovaya/F1-svod_vse_sudy-2023.xls (дата обращения: 04.09.2024).

6. *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг. – 2018. – № 6 (148). – С. 48–72.
7. *Соболева Т.С., Соболев Д.В.* Влияние космических факторов на формирование пола человека и феномен женского спорта [Электронный ресурс] // Вестник новых медицинских технологий. – 2016. – № 1. – С. 220–227.
8. *Македон Т.А.* Особенности самореализации феминных и маскулинных женщин // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. – 2014. – № 4 (17). – С. 104–112.
9. *Кондратьева О.В., Хнкоян Л.А.* Отношение молодежи к семье и браку как признак постиндустриального общества современной России // Евразийский Союз Ученых. – 2016. – № 4-5 (25). – С. 61–62.
10. *Доева Л.И.* Представления о будущем супруге и семейно-брачные установки современной молодежи: гендерный аспект // Сибирский педагогический журнал. – 2013. – № 2. – С. 222–225.
11. Королевы криминала. На Украине растет женская преступность [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/20240906/prestupnost-270006973.html> (дата обращения: 8.11.2024).
12. *Радочина Т.Н.* О женской пенитенциарной преступности // Человек: преступление и наказание. – 2009. – № 4.
13. *Гайдай М.К., Кабиров Д.Э.* Субъекты пенитенциарной преступности в местах лишения свободы: характерные черты и особенности // Вестник Казанского юридического института МВД России. – 2024. – № 2 (56). – С. 71–76.
14. *Казакова В.А., Белова Е.Ю.* Характеристика женщин, отбывающих лишение свободы (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2024. – 80 с.
15. *Чорный В.Н., Геранин В.В., Прихожая Л.Е.* Характеристика осужденных, отбывающих лишение свободы в исправительных колониях общего режима (по материалам специальной переписи осужденных и лиц, содержащихся под стражей, декабрь 2022 года): монография / под науч. ред. В.И. Селиверстова. – Москва: Проспект, 2024. – 144 с.

References

1. *Romanova N.M.* Social’no-psihologicheskie determinanty prestupnogo povedeniya: sub’ekt kriminal’nogo delikta i gender // Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filosofiya. Psihologiya. 2009. – Т. 9, вып. 3. – С. 64–69.
2. *Stasenko O.V.* Prestupnoe povedenie: gendernyj analiz // Zhenshchina v rossijskom obshchestve. – 2009. – № 1. – С. 57–63.
3. *Styazhkina S.A.* Gendernye osobennosti zhenskoj prestupnosti // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ser.: Ekonomika i pravo. – 2021. – № 5. – С. 904–910.
4. *Alekseeva E.A.* Sovremennye tendencii razvitiya zhenskoj prestupnosti v Rossii // Psihopedagogika v pravoohranitel’nyh organah. – 2020. – № 1 (80). – С. 105–111.
5. *Kachaeva M.A., Rusina V.V.* Gendernye aspekty osobennostej agressivnyh prestuplenij, sovershennyh zhenshchinami // Rossijskij psihiatricheskij zhurnal. – 2010. – №6. – С. 4–10.
6. *Здравомыслова Е.А., Тёмкина А.А.* Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг. – 2018. – № 6 (148). – С. 48–72.
7. *Соболева Т.С., Соболев Д.В.* Влияние космических факторов на формирование пола человека и феномен женского спорта [Электронный ресурс] // Вестник новых медицинских технологий. – 2016. – № 1. – С. 220–227.
8. *Makedon T.A.* Osobennosti samorealizacii feminnyh i maskulinnyh zhenshchin // Vestnik Priamurskogo gosudarstvennogo universiteta im. Sholom-Alejhema. – 2014. – № 4 (17). – С. 104–112.
9. *Kondrat’eva O.V., Hnkoyan L.A.* Otnoshenie molodezhi k sem’e i braku kak priznak postindustrial’nogo obshchestva sovremennoj Rossii // Evrazijskij Soyuz Uchenyh. – 2016. – № 4-5 (25). – С. 61–62.
10. *Doeva L.I.* Predstavleniya o budushchem supruge i semejno-brachnye ustanovki sovremennoj molodezhi: gendernyj aspekt // Sibirskij pedagogicheskij zhurnal. – 2013. – № 2. – С. 222–225.
11. Королевы криминала. На Украине растет женская преступность [Электронный ресурс] // ИноСМИ. – URL: <https://inosmi.ru/20240906/prestupnost-270006973.html> (дата обращения: 8.11.2024).

12. *Radochina T.N.* O zhenskoj penitenciarnoj prestupnosti // *Chelovek: prestuplenie i nakazanie*. – 2009. – № 4.
13. *Gajdaj M.K., Kabirov D.E.* Sub’ekty penitenciarnoj prestupnosti v mestah lisheniya svobody: harakternye cherty i osobennosti // *Vestnik Kazanskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii*. – 2024. – № 2 (56). – S. 71–76.
14. *Kazakova V.A., Belova E.Yu.* Harakteristika zhenshchin, otbyvayushchih lishenie svobody (po materialam special’noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, dekabr’ 2022 goda): monografiya / pod nauch. red. V.I. Seliverstova. – Moskva: Prospekt, 2024. – 80 s.
15. *Chornyj V.N., Geranin V.V., Prihozhaya L.E.* Harakteristika osuzhdennyh, otbyvayushchih lishenie svobody v ispravitel’nyh koloniyah obshchego rezhima (po materialam special’noj perepisi osuzhdennyh i lic, sodержashchihsya pod strazhej, dekabr’ 2022 goda): monografiya / pod nauch. red. V.I. Seliverstova. – Moskva: Prospekt, 2024. – 144 s.

УДК 343.13

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ КАТЕГОРИЧНЫХ И ВЕРОЯТНОСТНЫХ ВЫВОДОВ ЭКСПЕРТА В КАЧЕСТВЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ СУДОМ ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ

Палиева Оксана Николаевна¹,

*канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: palievaoksana@mail.ru,*

Палиев Владимир Борисович²,

*канд. пед. наук,
e-mail: radanpal58@mail.ru,*

Фоменко Ирина Владимировна²,

*канд. юрид. наук, доцент,
e-mail: 777_74@mail.ru,*

¹Московский университет им С.Ю. Витте, филиал в г. Ростове-на-Дону, г. Ростов-на-Дону, Россия,

²Невинномысский институт экономики, управления и права, г. Невинномысск, Россия

В статье рассмотрены аспекты исследования, оценки и использования заключения эксперта в стадии судебного разбирательства, которые имеют категоричные и вероятностные выводы.

Авторами указано, что на различных этапах уголовно-процессуальной деятельности законодатель по-разному подходил к использованию вероятностных выводов в судебной практике. Взгляды теоретиков и практиков не имеют однозначного подхода к данному вопросу.

Судебная практика свидетельствует о том, что вероятностные выводы могут использоваться в доказывании по уголовному делу. Но, доказательственное значение они приобретают лишь при условии соблюдения общих требований относимости, допустимости и достоверности, а также с учетом особого требования научной обоснованности и в совокупности с другими доказательствами.

Точка зрения о недопустимости вероятностного экспертного вывода как доказательства в приговоре суда будет еще долго оставаться доминирующей. Вместе с этим будет присутствовать чрезмерная устремленность к категоричности суждений, которые не всегда отражают реальность и действительность сделанных выводов. Думается, что в такой ситуации законодатель обязан однозначно определиться о допустимости либо недопустимости вероятностного вывода эксперта как доказательства в приговоре суда. По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: заключение эксперта, выводы эксперта, вероятностные выводы, категоричные выводы, предположения, относимость, допустимость, достаточность, судебная практика

USE OF THE EXPERT'S CATEGORICAL AND PROBABILISTIC CONCLUSIONS AS EVIDENCE BY THE COURT OF FIRST INSTANCE

Palieva O.N.¹,

*Ph.D. legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: palievaoksana@mail.ru,*

Paliev V.B.¹,

*Ph.D. ped. Sciences,
e-mail: radanpal58@mail.ru,*

Fomenko I.V.²,

*Ph.D. legal Sciences, Associate Professor,
e-mail: 777_74@mail.ru,*

¹Moscow Witte University, branch in Rostov-on-Don, Rostov-on-Don, Russia,

²Nevinnomyssk Institute of Economics, Management and Law, Nevinnomyssk, Russia

The article examines aspects of research, assessment and use of expert opinions at the trial stage, which have categorical and probabilistic conclusions.

The authors indicate that at various stages of criminal procedural activity, the legislator has approached the use of probabilistic conclusions in judicial practice differently. The views of theorists and practitioners do not have an unambiguous approach to this issue.

The case law demonstrates that probabilistic conclusions can be used in criminal evidence. However, they acquire evidentiary value only if the general requirements of relevance, admissibility and reliability are met, as well as taking into account the special requirement of scientific validity and in conjunction with other evidence. The point of view on the inadmissibility of a probabilistic expert conclusion as evidence in a court verdict will remain dominant for a long time. At the same time, there will be an excessive focus on categorical judgments that do not always reflect the reality and validity of the conclusions made. It seems that in such a situation, the legislator is obliged to clearly determine the admissibility or inadmissibility of an expert's probabilistic conclusion as evidence in a court verdict.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: expert opinion, expert conclusions, probabilistic conclusions, categorical conclusions, assumptions, relevance, admissibility, sufficiency, judicial practice

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-72-77

Значимость заключения эксперта одинаково высока как на стадии предварительного расследования, так на стадии судебного разбирательства. В ходе расследования уголовного дела, в зависимости от его формы, дознаватель или следователь, действующие в качестве субъектов-распорядителей, имеют исключительное право назначать судебную экспертизу и выбирать конкретного эксперта или экспертное учреждение для ее производства. Они также определяют перечень вопросов, которые должны быть разрешены в заключении эксперта. Активное участие в процедуре назначения судебной экспертизы предусмотрено и для стороны защиты. Она также вправе предлагать как постановку соответствующих вопросов на экспертизу, так и рекомендовать экспертное учреждение. Только окончательное принятие решения по указанному вопросу закреплено за должностными лицами.

В дальнейшем, по результатам проведения судебной экспертизы, чтобы использовать их в качестве доказательств по делу, субъекты-распорядители проверяют и оценивают полученное заключение эксперта с точки зрения его качественных характеристик, относимости и допустимости (ст. 88 УПК РФ)¹.

Доказательства, полученные в результате проведения судебной экспертизы, имеют свои особенности по сравнению с другими видами доказательств. Высказывание эксперта содержит информацию, которая исходно не доступна для восприятия следователем, дознавателем, прокурором, судом. Только эксперт, применив свои специальные знания, способен выявить такую сложноступную для сторон информацию. Отличительная особенность судебной экспертизы состоит в том, что, не воспользовавшись специальными техниками, знаниями, методиками и умениями эксперта, получить конкретный результат в виде доказательства невозможно.

Но эксперт – тоже человек, который может ошибаться и прийти к неверным выводам. Несмотря на то, что он обладает исключительными для анализа информации знаниями, может быть, не лишён недобросовестности, поспешности или вообще намерений представить в заключении заведомо ложные выводы. Поэтому, по нашему мнению, законодатель поступил правильно, не выделяя доказательство в виде заключения эксперта над иными доказательствами.

По мнению Ю.Н. Аргунова: «Заключение эксперта не является сверхдоказательством по делу и должно исследоваться в судебном заседании на основе состязательности и равноправия сторон, в т.ч. с участием специалиста, который, в отличие от сторон, способен на профессиональном уровне проанализировать заключение эксперта с точки зрения его обоснованности» [1]. Немногие эксперты соглашались с таким умозаключением, почему-то считая, что заключение эксперта является по статусу выше

¹ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ // Сборник законодательства РФ. – 2001. – № 52. – Ст. 259.

и имеет высшую юридическую силу. Свою позицию вышеуказанный автор пояснил тем, что налицо низкое качество экспертных заключений. Согласны с его мнением и считаем, что сбор доказательств и расследование уголовного дела в целом не всегда высокого качества.

Заключение эксперта является особым доказательством, основанном на специальных знаниях, поэтому к нему предъявляются и особые требования, которые исследуются судом. В первую очередь должна быть выдержана научная обоснованность выводов эксперта, а затем ясность и четкость его заключений. Эти требования должны быть проверены как на этапе предварительного расследования, так и судом первой инстанции, так как именно суд уполномочен на вынесение приговора и обязан тщательно проверить и оценить все доказательства, включая заключение эксперта.

В зависимости от достигнутых исследовательских результатов экспертизы, выводы могут быть категоричными или вероятностными. Категоричные выводы имеют место при наличии однозначного вывода. Вероятностные, когда эксперту невозможно дать однозначный ответ на поставленные вопросы.

Возможность использования в качестве доказательства заключение эксперта с вероятностными выводами вызывает острую дискуссию и противоречивые мнения среди ученых. Одни считают, что результаты экспертизы должны быть конкретными и точными. Только в этом случае могут быть использованы в качестве доказательств по делу. Вероятностные выводы не имеют доказательственной ценности и могут минимизировать или полностью устранить значимость соответствующего заключения эксперта [2, с. 128; 3, с. 239]. Другие считают, что получить категоричный вывод в рамках экспертного заключения в принципе невозможно [4, с. 8].

Еще в 50-х годах прошлого века известный ученый-процессуалист Р.Д. Рахунов отмечал, что «предположительные заключения не содействуют выяснению истины, только сеют сомнения» [5, с. 24]. Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (п. 14) конкретизировало название термина «предположительное заключение» и категорически запрещало использовать выводы вероятностной экспертизы в качестве доказательства по делу². В течение длительного времени уголовно-процессуальная деятельность ориентировалась на законодательное указание высших судебных органов, которые четко и определенно высказали свое мнение в постановлении вышеуказанного Пленума. Поэтому эксперты старались формулировать выводы строго в конкретизированной форме.

Ныне действующее постановление Пленума Верховного Суда РФ № 28 от 21.12.2010 г. «О судебной экспертизе по уголовным делам» не предусматривает указаний относительно «предположительного заключения» либо «вероятностного вывода»³. В связи с этим, одни авторы утверждают, что это один из самых основных недостатков действующего постановления [6, с. 221], а другие указывают на «реабилитацию вероятностного заключения эксперта и о возвращении ему права служить доказательством по уголовному делу» [7, с. 7].

Анализ понятий «предположение» и «вероятность» позволяет сделать вывод, что они не являются тождественными понятиями в данном контексте. «Предположение» не требует аргументации, оно может быть высказано без обоснования и не доказываться, а «вероятность» имеет свои аргументы и обоснование. И особенно это относится к заключению эксперта, поскольку для вывода он проводит обширную исследовательскую работу, оценивает имеющиеся аргументы и на основе своих рассуждений и исследований приходит к вероятностному выводу.

Изучая правоприменительную практику, Р.Г. Непранов пришел к выводу о том, что «половина выводов из заключений экспертов сформулированы в вероятностной форме, и предлагаются экспертами в виде умозаключения – решение вопроса невозможно». Это означает, что эксперты не могут дать однозначного ответа на вопросы, поставленные перед ними, и проводят свои исследования на основе вероятностных расчетов [8, с. 56].

А.Ф. Лубин в своем научном исследовании указывает, что «в настоящее время экспертно-криминалистическими подразделениями более чем в половине случаев даются выводы в вероятностной

² Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 «О судебной экспертизе по уголовным делам» (утрачено силу) // Бюллетень Верховного Суда СССР. – 1971. – № 2.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2011. – № 2.

форме или с формулировкой, что решить вопрос не представляется возможным» [9, с. 139]. К таким экспертизам относятся почерковедческие, пожарно-технические, автотехнические, судебно-медицинские и другие виды экспертиз.

В теории имеется критика и относительно категоричных выводов. Божченко А.П. утверждает, что «чем менее предметным было экспертное исследование, тем более категоричным оказывается экспертное суждение, хотя априори следовало бы ожидать обратное (на примере судебно-медицинских экспертиз)». Он также считает, что «недостаточно обоснованные категоричные отрицательные суждения приводят к необоснованному прекращению дел, а категоричные положительные – к их “развалу” в процессе первой же проверки на относимость, допустимость, достоверность и достаточность» [10, с. 38].

Интересно мнение И.В. Овсянникова. Он считает, что «положительные идентификационные выводы по своей логической природе являются сугубо вероятными» [4, с. 8]. Таким образом, если следовать этому логическому утверждению, любое доказательство и его источник является вероятностным. Зарубежная практика идет по аналогичному пути. Так, в Германии, США и других странах предпочитают использовать в следственно-судебной практике вероятностные экспертизы и не допускают категоричных выводов, считая, что в результате исследования невозможно сделать абсолютно точные категоричные выводы [11, с. 81].

В настоящее время необходимо признать тот факт, что Конституционный Суд РФ занял позицию возможности использования вероятностного заключения эксперта, и этому подтверждением являются многочисленные его решения⁴. Суд указывает на оценку заключения эксперта «с точки зрения относимости, допустимости, достоверности» и его использование как доказательства с учетом ст. 17, 88 УПК РФ. Поэтому судебная практика нижестоящих судов и Верховного Суда РФ свидетельствует о возможности использования в ходе доказывания вероятностных судебных экспертиз.

При оценке заключения эксперта, суд первой инстанции применяет правило, установленное в ст. 17 УПК РФ. Как свидетельствует судебная практика, заключение эксперта, имеющее категоричный вывод, но противоречащее другим доказательствам по делу, вызывает сомнение у участников процесса. Вероятностный вывод при оценке заключения эксперта, когда он соответствует собранным по делу доказательствам, вызывает доверие и в совокупности с другими доказательствами будет признан судом достоверным доказательством, имеющим юридическую силу.

Категоричский или вероятностный выводы сами по себе не имеют решающего значения при оценке заключения эксперта с точки зрения его достоверности и доказательственного значения. Суд обязан оценить любое заключение эксперта согласно процессуальным правилам ст. 17 УПК РФ в совокупности с другими доказательствами по делу.

Это еще раз подтверждает позицию Конституционного Суда РФ о том, что требование о недопустимости основывать обвинительный приговор на предположениях нетождественно запрету на использование в процессе доказывания отдельных доводов, имеющих вероятностный характер⁵.

С нашей точки зрения вероятное заключение эксперта является доказательством только в том случае, если оно отвечает всем предъявляемым законом требованиям (относимости, допустимости и достоверности). Причем, важным является научная обоснованность судебной экспертизы, т.е. научное обоснование степени вероятности. Заключение экспертизы обосновано, если примененные при исследовании методы являются научными.

⁴ Определение Конституционного Суда РФ № 566-О-О от 21.10.2008 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шейченко Владислава Игоревича на нарушение его конституционных прав положениями статей 14, 75, 302, 335, 336, 340 и 350 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ № 1682-О-О от 21.12.2011 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Дудченко Александра Афанасьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 2 и 3 части первой статьи 81 и статьи 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Конституционного Суда РФ № 63-О от 26.01.2017 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Филотина Алексея Александровича на нарушение его конституционных прав положениями статьи 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Определение Конституционного Суда РФ от 21.12.2011 № 1682-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Дудченко Александра Афанасьевича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 2 и 3 части первой статьи 81 и статьей 204 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Ряд ученых, отмечая признание вероятностного подхода в правоприменительной практике, указывают, что «заключение эксперта необходимо анализировать с трех точек зрения: являются ли научными примененные методы, могут ли быть с их помощью решены задачи исследования и содержатся ли в заключении научные объяснения, оценка полученных результатов. Кроме того, научность метода может быть проверена экспериментально или подтверждаться длительной практикой его применения. Причем, если метод используется недавно, то в заключении должна быть приведена литература, в которой содержатся данные апробации этого метода» [12, с. 6].

Следуя логике принципа презумпции невиновности в уголовном судопроизводстве, если эксперт не может дать категорический ответ, то такое заключение является неустранимым сомнением, соответственно оно не может толковаться как доказательство виновности обвиняемого, при условии, что сам обвиняемый отрицает свою виновность в совершении инкриминируемого ему преступления. В том случае, если обвиняемый признает себя виновным и не отрицает те обстоятельства, которые установлены заключением эксперта с вероятностным выводом, такое заключение в совокупности с другими доказательствами, может использоваться в доказывании, и на него допустимо ссылаться в обвинительном заключении и в приговоре суда.

Как видим, умозаключения ученых и правоприменителя об использовании вероятностного вывода экспертного заключения в доказывании, противоречивы. Как точно подмечено А.Ф. Лубиным: «Представления о вероятностном выводе судебного эксперта “дрейфуют” от его полного непризнания к прагматическому умолчанию его значимости для цели доказывания, а далее к тому, что называют “здравым смыслом” для законного, справедливого и обоснованного принятия уголовно-процессуального решения» [9, с. 142].

Безусловно, заключение эксперта является важным доказательством в уголовном деле и должно быть тщательно проверено в стадии судебного разбирательства. Важно, чтобы суд при вынесении итогового процессуального решения оценивал такие доказательства как с точки зрения всей совокупности собранных по делу доказательств, так и с учетом внутреннего убеждения суда.

Следовательно, вероятностный вывод эксперта при разрешении уголовного дела по существу должен быть тщательно проверен в суде первой инстанции и только потом использован в качестве доказательства.

Список литературы

1. *Аргунов Ю.Н.* Лед тронулся, господа эксперты. – URL: <http://npar.ru/journal/2011/1/10-argunova.htm> (дата обращения 03.08.2024).
2. *Васяев А.А.* Процессуальный порядок производства и исследования судебной экспертизы в ходе судебного следствия // Современное право. – 2012. – № 1. – С. 128.
3. *Ульянова Л.Т.* Заключение и показания эксперта. Уголовный процесс: учебник; под ред. Г.Ф. Гуценко. – Москва: Зерцало, 2017. – С. 239.
4. *Овсянников И.В.* Категория вероятности в судебной экспертизе и доказывании по уголовным делам: 12.00.08 – уголовный процесс; криминалистика и судебная экспертиза; оперативно-розыскная деятельность: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Овсянников Игорь Владимирович; Акад. упр. МВД РФ. – Москва, 2001. – С. 8.
5. *Рахунов Р.Д.* Теория и практика экспертизы в советском уголовном процессе. – Москва: Юрлитиздат, 1953. – С. 24.
6. *Быков В.М.* Новое постановление Пленума Верховного Суда РФ о судебной экспертизе по уголовным делам: научный комментарий // Право и политика. – 2011. – № 2. – С. 221.
7. Основные проблем и тенденции развития традиционных криминалистических экспертиз в США на современном этапе // Обзорная информация. Вып. 4. – Москва, 1983. – С. 7.
8. *Непранов Р.Г.* Некоторые вопросы оценки свойств доказательств в уголовно-процессуальном праве России // ЮристПравоведъ. – 2013. – № 4 (59). – С. 56.
9. *Лубин А.Ф.* О допустимости вероятностных выводов экспертного заключения в уголовном судопроизводстве // Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2019. – № 3 (47). – С. 139.
10. *Божченко А.П.* Категоричные выводы и их обоснованность в заключениях судебно-медицинских экспертиз по делам о профессиональных правонарушениях медицинских работников // Медицинское право. – 2020. – № 3. – С. 22.

11. *Глотов О.А.* Вероятность, граничащая с достоверностью (о достоверности экспертизы в ФРГ) // Социалистическая законность. – 1978. – № 1. – С. 81.
12. Оценка вероятностных выводов экспертов в уголовном процессе // Журнал Сибирского Федерального Университета. Сер.: Гуманитарные науки / Кудрявцева А.В. [и др.]. – 2024. – № 1, Т. 17. – С. 6.

References

1. *Argunov Yu.N.* The ice has broken, gentlemen experts. – URL: <http://npar.ru/journal/2011/1/10-argunova.htm> (date of access: 03.08.2024).
2. *Vasyaev A.A.* Procedural order of production and examination of forensic examination during the trial // Modern law. – 2012. – No. 1. – P. 128.
3. *Ulyanova L.T.* Expert's opinion and testimony // Criminal procedure: textbook // Ed. G.F. Gutsenko. – Moscow: Zertsalo, 2017. – P. 239.
4. *Ovsyannikov I.V.* Category of probability in forensic examination and proof in criminal cases: 12.00.08 – criminal procedure; forensic science and forensic examination; operational-search activity: abstract of dissertation ... dis. ... Doctor of Law / Ovsyannikov Igor Vladimirovich; Acad. of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, – M., 2001. – P. 8.
5. *Rakhunov R.D.* Theory and practice of examination in Soviet criminal proceedings. – Moscow: Yurlitizdat, 1953. – P. 24.
6. *Bykov V.M.* New resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation on forensic examination in criminal cases: scientific commentary // Law and Politics. – 2011. – No. 2. – P. 221.
7. The main problems and trends in the development of traditional forensic examinations in the USA at the present stage // Review information. Issue 4. – Moscow, 1983. – P. 7.
8. *Nepranov R.G.* Some issues of assessing the properties of evidence in the criminal procedural law of Russia // JuristPravoved. – 2013. – No. 4 (59). – P. 56.
9. *Lubin A.F.* On the admissibility of probabilistic conclusions of an expert opinion in criminal proceedings // Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2019. – No. 3 (47). – P. 139.
10. *Bozhchenko A.P.* Categorical conclusions and their validity in the conclusions of forensic medical examinations in cases of professional offenses of medical workers // Medical law. – 2020. – No. 3. – P. 22.
11. *Glotov O.A.* Probability bordering on reliability (on the reliability of expertise in the FRG) // Socialist legality. – 1978. – No. 1. – P. 81.
12. Evaluation of probabilistic conclusions of experts in criminal proceedings // Journal of the Siberian Federal University. Series: Humanities / Kudryavtseva A.V. – 2024. – No. 1. – Vol. 17. – P. 6.

УДК 347+342

ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ ПО ЗАЩИТЕ ПЕРСОНАЛЬНЫХ ДАННЫХ

Устинова Анжелика Владимировна¹,

канд. юрид. наук, доцент,

e-mail: anzhelika-ustinova@list.ru,

¹Московский университет имени С.Ю. Витте, г. Москва, Россия

В настоящее время важность регулирования отношений, которые связаны с обработкой персональных данных, не вызывает сомнения: на законодательном уровне рассматриваются законопроекты, принимаются нормативные акты, Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций систематически дает тематические разъяснения, а операторы персональных данных, в свою очередь, предпринимают необходимые меры их защиты. Вместе с тем на практике возникают сложности в обеспечении необходимого уровня безопасности персональных данных, толкования и применения отдельных положений законодательства в области персональных данных. В статье предпринята попытка анализа сложившейся судебной практики по применению отдельных положений Федерального закона «О персональных данных». Автор приходит к выводу, что правоприменителям следует быть ориентированными на выработку подходов, подкрепленных мотивированными выводами относительно рассмотрения дел о привлечении к ответственности операторов персональных данных за нарушение соответствующих положений законодательства в области персональных данных.

По тексту статьи Российская Федерация сокращенно указывается – РФ.

Ключевые слова: персональные данные, оператор, безопасность, защита данных, утечка персональных данных, практика, ответственность

THE FORMING OF LAW ENFORCEMENT PRACTICE ON THE PROTECTION OF PERSONAL DATA

Ustinova A.V.¹,

Candidate of Legal Sciences, Associate Professor;

e-mail: Anzhelika-ustinova@list.ru,

¹Moscow Witte University, Moscow, Russia

Currently, the importance of regulating relations related to the processing of personal data is beyond doubt: bills are considered at the legislative level, regulations are adopted, the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media systematically provides thematic explanations, and personal data operators, in turn, take the necessary measures to protect them. At the same time, in practice, difficulties arise in ensuring the necessary level of security of personal data, interpretation and application of individual provisions of the legislation in the field of personal data. The article attempts to analyze the existing judicial practice on the application of individual provisions of the Federal Law "On Personal Data". The author concludes that law enforcement agencies should be focused on developing approaches supported by reasoned conclusions regarding the consideration of cases on bringing personal data operators to responsibility for violating relevant provisions of legislation in the field of personal data.

In the text of the article, the Russian Federation is abbreviated as RF.

Keywords: personal data, operator, security, data protection, personal data leakage, practice, responsibility

DOI 10.21777/2587-9472-2024-4-78-82

Многообразие и стремительное развитие мира постоянно создает новые вызовы для правовой системы [1, с. 10]. Одним из таких вызовов современности можно назвать защиту персональных данных. Ряд аспектов, касающихся персональных данных, является дискуссионным, требует, с одной стороны, глубокого осмысления и анализа для разработки оптимального и эффективного инструментария регулирования однородных отношений, объектом которых являются данные, относящиеся к физическому лицу, а с другой – формирования единообразной правоприменительной практики [2–4]. В рамках настоящей статьи предпринята попытка проанализировать сложившуюся судебную практику по применению отдельных положений Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных»¹ (далее – ФЗ № 152).

Анализ практики можно начать с применения судами предусмотренного ст. 6 ФЗ № 152 института поручения, то есть делегирования функций по обработке персональных данных оператором другому лицу. Так, в соответствии с фабулой одного из рассмотренных в судебном порядке дел, на ресурсе в сети Интернет выявлена база персональных данных, содержащая фамилии, имена, отчества пользователей, их дату и место рождения, номера телефонов, адреса электронной почты, место обучения или работы и т.д.² Размещение подобной базы стало возможным в результате неправомерных действий третьих лиц, осуществивших несанкционированный доступ к персональным данным (компьютерная атака). Государственный орган как лицо, привлекаемое к административной ответственности, вину не признал, а ответственность за подобное деяние возложил на одно из подведомственных ему учреждений. Исходя из опубликованного текста решения мирового судьи, орган исполнительной власти в качестве аргументов привел следующее: во-первых, на основании приказа последнего подведомственное ему учреждение несет «ответственность за обеспечение функционирования данной платформы», во-вторых, отсутствие обновлений обеспечения программы. Суд не принял во внимание указанные доводы, в том числе с тем, на рассматриваемом интернет-сайте была размещена политика конфиденциальности, содержащая в себе положения об обработке персональных данных. В документе указывалось, что пользователь дает согласие на обработку своих персональных данных конкретному адресату – государственному органу, а не подведомственному ему учреждению. Кроме того, суд применил положения ФЗ № 152, касающиеся поручения обработки персональных данных субъектов другому лицу на основании акта административного органа (ч. 3 ст. 6 ФЗ № 152). В этой связи в силу ч. 5 ст. 6 ФЗ № 152 при поручении обработки персональных данных иному лицу именно оператор несет всю ответственность за такие действия этого лица перед физическим лицом как субъектом персональных данных. Иными словами, какой-либо законодательной возможности перераспределения ответственности между органом государственной власти и учреждением в данном случае не предусматривается, за исключением того, что оператор впоследствии вправе самостоятельно предъявить требования к лицу, обрабатывающему персональные данные на основании поручения оператора. Учитывая изложенное, суд привлек орган государственной власти к административной ответственности, предусмотренной ч. 1 ст. 13.11 Кодекса РФ об административных правонарушениях³ (далее – КоАП РФ), и назначил наказание в виде штрафа в размере 60 000 рублей.

Представляется, что при данных обстоятельствах в рамках дела об административных правонарушениях, рассмотренного мировым судьей, органом государственной власти могла быть предпринята попытка построить свою позицию посредством использования модели множественности лиц на стороне оператора (совместное выступление в качестве оператора государственного органа и подведомственной организации) с определением на основании административного акта действий, включающих обработку персональных данных, ответственности лиц, признаваемых операторами в этой связи. Обратим внимание, что ст. 3 ФЗ № 152 закрепляет определение понятия «оператор», имеющее фундаментальное

¹ О персональных данных: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (посл. ред.) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – 31 июля. – № 31 (Ч. 1). – Ст. 3451.

² Постановление мирового судьи судебного участка № 423 Тверского района города Москвы по делу № 5-1474/2023 от 15 сентября 2023 г. – URL: // <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024) (постановление оставлено в силе судом кассационной инстанции).

³ Отметим, что ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за обработку данных в непредусмотренных специальным законодательством случаях или несовместимую с целями сбора персональных данных.

значение для законодательства Российской Федерации в области персональных данных и практики его применения. Его содержание сводится к следующему: «государственный орган, муниципальный орган, юридическое или физическое лицо, самостоятельно или совместно с другими лицами организующие и (или) осуществляющие обработку персональных данных, а также определяющие цели обработки персональных данных, состав персональных данных, подлежащих обработке, действия (операции), совершаемые с персональными данными»⁴. Детально анализируя указанную законодательную дефиницию, А.И. Савельев выделяет три её базовые части, среди которых: статус лица-оператора, возможность существования множественности лиц на стороне оператора и «критерий, отграничивающий оператора от иных участников отношений, связанных с персональными данными» [5]. Собственно о реализации на практике второго аспекта определения, связанного с осуществлением обработки персональных данных несколькими лицами, могла идти речь в данном деле: о необходимости принятия со стороны учреждения технических мер защиты персональных данных, а со стороны органа государственной власти – правовых и организационных мер по обеспечению безопасности.

Интересно отметить, что при определении административного наказания суд не указал обстоятельства, смягчающие административную ответственность, ограничиваясь общей формулировкой. В указанной части схожие решения можно выявить и при анализе другой практики привлечения операторов персональных данных к административной ответственности по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ. Заметим, что в настоящее время данное положение активно применяется в случаях неправомерного доступа к персональным данным в результате действий сотрудников оператора данных или третьих лиц. Проиллюстрируем сказанное примерами из российской судебной практики.

В одном из дел мировым судьей установлено, что вследствие «недобросовестных действий сотрудника организации, осуществляющей розничную торговлю посредством сети Интернет»⁵, были распространены в сети Интернет персональные данные пользователей сервиса в следующем объеме: имя, адрес места жительства, номер телефона, данные абонентского устройства, сведения о заказе еды за определенный период времени. Как указал суд, «сам факт утечки» следует квалифицировать как обработку персональных данных. Действительно, состав административного правонарушения, предусмотренный вышеуказанной статьей, формальный, что не требует наступления общественно-опасных последствий, достаточно совершения деяния, связанного с любой обработкой данных в отсутствие согласия физического лица или законных оснований. Кроме того, суд подчеркнул, что у оператора «имелась реальная возможность обеспечить выполнение требований действующего законодательства»⁶, однако судья не конкретизировал, в чем заключалась подобная возможность. Отметим, что в рамках гражданского права физическое лицо, права которого нарушены несанкционированным распространением персональных данных, вправе на основании п. 1 ст. 1068 Гражданского кодекса РФ взыскать причиненный ему ущерб⁷.

Позднее аналогичное дело об административном правонарушении, предусмотренном ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ, в отношении этого же оператора рассмотрено мировым судьей, но с той лишь разницей, что персональные данные курьеров стали доступны неопределенному кругу лиц в Интернете в результате действий третьих лиц («хакеров»). Как и в деле, рассмотренном выше, в основу решения мировой судья положил схожую аргументацию и привлек юридическое лицо к административной ответственности в виде штрафа в размере 60 000 рублей⁸.

Учитывая изложенное, анализ практики показал, что суды, привлекая к административной ответственности по ч. 1 ст. 13.11 КоАП РФ и назначая минимальный размер штрафа, формально подходят к аргументации своего решения (исходя из размещенных текстов на официальных сайтах судов), ограничиваясь такими указаниями, как «не были приняты все зависящие от него [юридического лица] меры

⁴ ФЗ № 152.

⁵ Постановление мирового судьи судебного участка № 101 Замоскворецкого района города Москвы по делу № 5-413/2022 от 21 апреля 2022 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024).

⁶ Там же.

⁷ Гражданский кодекс РФ (ч. 2) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 1996. – 19 янв. – № 5. – Ст. 410.

⁸ Постановление мирового судьи судебного участка № 101 Замоскворецкого района города Москвы по делу № 5-938/2022 от 2 августа 2022 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024).

по их соблюдению»⁹, «факт несанкционированного доступа к данным базы клиентов в данном случае не имеет значения для квалификации...»¹⁰. Иными словами, в судебных решениях не указывается, в чем конкретно должны были заключаться действия или бездействия операторов для того, чтобы предупредить и пресечь неправомерную обработку персональных данных субъектов. Например, какие меры, направленные на обеспечение выполнения оператором обязанностей по ФЗ № 152, не предприняты и т.д.

Кроме того, как правило, в решениях судов при назначении наказания не учитываются обстоятельства, смягчающие административную ответственность, в том числе признание неправомерного деяния, совершение правонарушения впервые, финансовое положение операторов, меры, направленные операторами на установление причины несанкционированного доступа к персональным данным (к примеру, отчет сторонней IT-компании о несанкционированном доступе к персональным данным, приобщенный к материалам дела талон-уведомление о принятии заявления в ОМВД для проведения доследственной проверки в порядке, предусмотренном ст. 144, 145 УПК РФ¹¹) и др.

Также судами не применяется ст. 2.9 КоАП РФ о малозначительности правонарушения на том основании, что несанкционированное распространение персональных данных противоречит положениям ст. 23 и 24 Конституции РФ о праве на неприкосновенность частной жизни и недопустимость обработки информации о частной жизни лица без его согласия¹². Однако в одном из дел мировым судьей была предпринята попытка назначения наказания с применением положения, предусмотренного ч. 1 ст. 4.1.1 КоАП РФ, о замене наказания кредитной организации в виде административного штрафа на предупреждение. Однако постановление мирового судьи было отменено районным судом, а производство по делу прекращено в связи с недоказанностью обстоятельств¹³.

Таким образом, важность регулирования отношений, которые связаны с обработкой персональных данных, особенно в условиях использования технологий искусственного интеллекта, не вызывает сомнения [6–8]. В этой связи для обеспечения эффективной защиты персональных данных операторы обязаны предпринимать необходимые технические, правовые и организационные меры¹⁴. В свою очередь правоприменительной практике важно выработать подходы, подкрепленные мотивированными выводами, в частности, невыполнение каких мер явилось основанием для привлечения операторов к ответственности. Это заключение соотносится с разъяснением Пленума ВАС РФ о том, что «в отношении юридических лиц требуется лишь установление того, что у соответствующего лица имелась возможность для соблюдения правил и норм, за нарушение которых предусмотрена административ-

⁹ Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2023 по делу № 16-5697/2023 от 22 сентября 2023 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024); Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 16-5695/2023 от 4 октября 2023 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024); Постановление мирового судьи судебного участка № 374 Таганского района города Москвы по делу № 5-1020/374/2023 от 30 ноября 2023 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024).

¹⁰ Постановление мирового судьи судебного участка № 374 Таганского района города Москвы по делу № 5-195/374/2023 от 01 марта 2023 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024); Постановление мирового судьи судебного участка № 374 Таганского района города Москвы по делу № 5-0240/374/2023 от 17 марта 2023 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024).

¹¹ Решение Перовского районного суда города Москвы по делу 12-2741/2022 от 08 сентября 2022 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024); Постановление мирового судьи судебного участка № 281 района Вешняки города Москвы по делу № 5-564/2022 от 08 июля 2022 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024).

¹² Постановление мирового судьи судебного участка № 374 Таганского района города Москвы по делу № 5-0240/374/2023 от 17 марта 2023 г. – URL: <https://mos-sud.ru> (дата обращения: 21.09.2024).

¹³ В данном деле не установлена причинно-следственная связь между размещенными в сети Интернет персональными данными клиентов, оформлявших кредитные продукты, и незаконной обработкой таких данных оператором. См. подробнее постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции по делу № 16-4474/2022 от 15 ноября 2022 г. – URL: <https://2kas.sudrf.ru> (дата обращения: 23.09.2022).

¹⁴ См., например, ст. 19 ФЗ № 152; Об утверждении требований к защите персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 1 ноября 2012 г. № 1119. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 21.09.2024); Об утверждении Составы и содержания организационных и технических мер по обеспечению безопасности персональных данных при их обработке в информационных системах персональных данных с использованием средств криптографической защиты информации, необходимых для выполнения установленных Правительством Российской Федерации требований к защите персональных данных для каждого из уровней защищенности [Электронный ресурс]: приказ ФСБ России от 10 июля 2014 г. № 378. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 21.09.2024) и т.д.

ная ответственность, но им не были приняты все зависящие от него меры по их соблюдению (ч. 2 ст. 2.1 КоАП РФ)»¹⁵.

Список литературы

1. *Устинова А.В.* Гражданско-правовая охрана интернет-вещания: монография / отв. ред. А.Г. Матвеев. – Москва: Юстицинформ, 2024. – 228 с.
2. *Барциц В.И.* Развитие законодательства Европейского Союза в сфере защиты персональных данных // Вестник юридического факультета Южного федерального университета. – 2021. – № 2. – С. 150–164.
3. *Мираев А.Г.* Понятие персональных данных в Российской Федерации и Европейском союзе // Юридическая наука. – 2019. – № 5. – С. 76–82.
4. *Полякова Т.А., Бойченко И.С.* Защита прав субъектов персональных данных: новеллы правового регулирования // Информационное право. – 2022. – № 3(73). – С. 10–13.
5. *Савельев А.И.* Научно-практический постатейный комментарий к Федеральному закону «О персональных данных». – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2021. – 468 с.
6. *Савельев А.И.* На пути к концепции регулирования данных в условиях цифровой экономики // Закон. – 2019. – № 4. – С. 174–195.
7. *Савельев А.И.* Проблемы применения законодательства о персональных данных в эпоху «Больших данных» (Big Data) // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2015. – № 1. – С. 43–66.
8. *Строкова П.С.* Персональные данные в понятийном аппарате цифровой экономики // Информационное право. – 2022. – № 4 (74). – С. 34–37.

References

1. *Ustinova A.V.* Civil protection of Internet broadcasting: monograph / ed. A.G. Matveev. – Moscow: Yustitsinform, 2024. – 228 p.
2. *Bartsits V.I.* Development of the legislation of the European Union in the field of personal data protection // Bulletin of the Faculty of Law of the Southern Federal University. – 2021. – № 2. – P. 150–164.
3. *Miraev A.G.* The concept of personal data in the Russian Federation and the European Union // Legal Science. – 2019. – № 5. – P. 76–82.
4. *Polyakova T.A., Boychenko I.S.* Protection of the rights of personal data subjects: innovations in legal regulation // Information Law. – 2022. – № 3 (73). – P. 10–13.
5. *Savelyev A.I.* Scientific and practical article-by-article commentary to the Federal Law “On Personal Data”. 2nd edition, revised and supplemented. – Moscow: Statut, 2021. – 468 p.
6. *Savelyev A.I.* Towards a concept of data regulation in the digital economy // Law. – 2019. – № 4. – P. 174–195.
7. *Savelyev A.I.* Problems of applying legislation on personal data in the era of “Big Data” // Law. Journal of the Higher School of Economics. – 2015. – № 1. – P. 43–66.
8. *Strokova P.S.* Personal data in the conceptual apparatus of the digital economy // Information law. – 2022. – № 4 (74). – P. 34–37.

¹⁵ П. 16.1 О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при рассмотрении дел об административных правонарушениях [Электронный ресурс]: постановление Пленума ВАС РФ от 02.06.2004 № 10 (ред. от 21.12.2017). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс». – URL: <https://cloud.consultant.ru> (дата обращения: 21.09.2024).

Вестник Московского университета имени С.Ю. Витте
Серия 2. Юридические науки
№ 4 (44)' 2024

Электронный научный журнал (Электронное периодическое издание)

Редактор и корректор	<i>Альтенгоф А.А.</i>
Компьютерная верстка	<i>Савеличев М.Ю.</i>
Переводчик	<i>Грибов В.В.</i>

Электронное издание.

Подписано в тираж 04.12.2024.

Печ. л. 10,4. Усл.-печ. л. 9,7. Уч.-изд. л. 7.

Объем 1,3 Мб. Тираж – 500 (первый завод – 30) экз. Заказ № 24-0048.

Отпечатано в ООО «Минэлла Трейд»,
115419, Россия, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 9, корп. 2, пом. 5, тел. 8 (495) 730-41-88.

Макет подготовлен в издательстве электронных научных журналов
ЧОУВО «Московский университет им. С.Ю. Витте»,
115432, Россия, Москва, 2-й Кожуховский проезд, д. 12, стр. 1,
тел. 8 (495) 783-68-48, доб. 53-53.